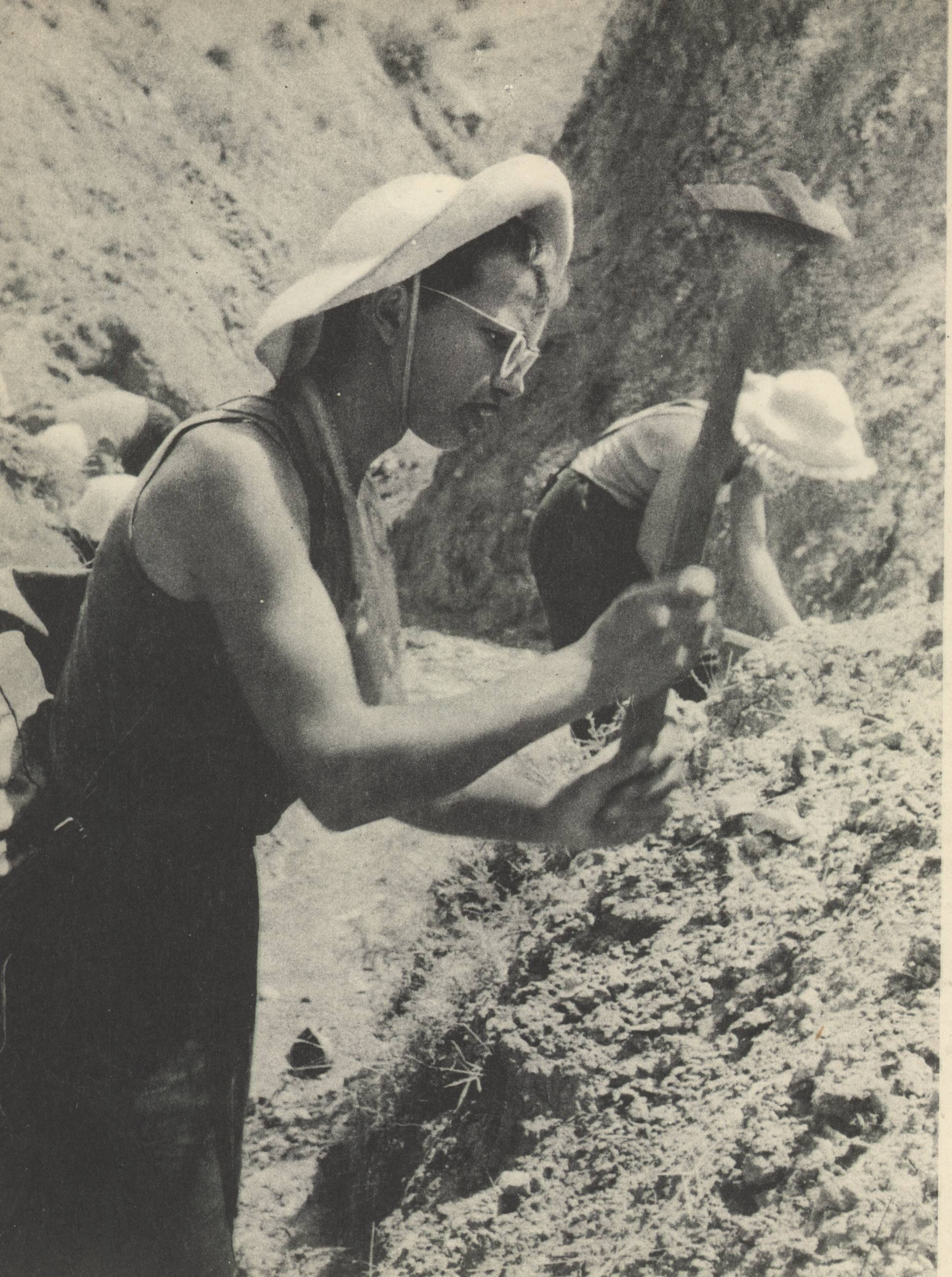
ПИОНЕР

ЮНЬ

№ 6

ДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1960 год

ПУТЬ К ОТКРЫТИЯМ.
Фото А. Ритова.

ПИОНЕР

Год издания 37-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ИЮНЬ
№ 6
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1960 год

Куда показывают эти стрелки?

Куда спешат эти ребята?

Переверните страницу и вы попадете в удивительную летнюю страну, полную необыкновенных приключений.

Вот как тесно на этой карте! Словно в переполненном автобусе. Это потому, что здесь собрались веселые летние дела. Перед вами карта волшебной летней страны.

Рассмотрите эту карту внимательно и напишите нам, какой маршрут проложили вы на карте, какие дела выбрали для своего лета, чем вы увлекаетесь.

ДАЛЕКИЕ РОВЕСНИКИ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунки Д. Пяткина.

После захода солнца

— Синьор! Купите бананы!

— Воду, воду! Кому холодную воду?

— Вам отнести корзинку, синьор?

— Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та...

— Останавливайтесь только в нашем отеле!

Хлоп — и на чемодане приезжего яркая наклейка с названием и адресом гостиницы.

— Извозчика, кому извозчика? Плата по счетчику!

— Цветы, синьор! Вы забыли купить цветы!

Что это?

Это кричат мальчишки, шустрые, неутомимые мальчишки Неаполя. Они носятся по улицам города в рубашонках, промокших от пота.

С утра до ночи, с утра до ночи...

Тра-та-та-та-та... Тра-та-та-та-та...

А это барабанят по ящикам щетки маленьких чистильщиков обуви, которых так много, что кажется, будто в этом городе больше, чем где бы то ни было, людей в грязных ботинках, может быть, здесь просто больше бедных мальчишек?

Рано утром они первыми появляются на улицах Неаполя. Перегнувшись пополам, они несут из пекарен плетеные корзинки с хлебом, с булочками в маленькие лавки и кофейни на берегу залива. Они спешат. К утреннему кофе должны быть горячие хрустящие булочки. И поэтому маленькие носильщики с большими корзинами перекрикиваются на ходу, не останавливаясь.

— Салют, Чезаре!

— Чао, Сальваторе!

— Чао!

По-нашему это прозвучало бы примерно так:

— Здравствуй, Чезаре!

— До свидания, Сальваторе!

— До свидания!

Им некогда. Они ведь на работе. Они мелькают под косыми от ветров соснами и пальмами. И утро в Неаполе пахнет морем и хлебом.

К открытию магазинов мальчишки скапливаются у их дверей. Вы купили шляпу? Или утюг? Зачем вам самому нести это домой? Может быть, вы торопитесь по делу в другую сторону? Дайте монетку, самую мелкую, — и покупку отнесет вам домой мальчишка.

Он помчится бегом, как на состязаниях.

Хотите пить? Ведь в Неаполе очень жарко летом... Не надо искать киоск, тратить время и силы. По улицам челноками гоняют мальчики с графинами в руках. В графине — ледяная вода. Он заткнут не пробкой, а лимоном. На лимон надета стопка бумажных стаканчиков. Раз — вам плеснули воды в стакан; два — выдавили сок из лимона, пейте. И дайте одну лиру. Всего лиру. Очень, очень дешево!

А в это время другие мальчуганы торгуют открытками, зазывают пассажиров для извозчиков. В Неаполе много красивых автомобилей, но также много еще и фаэтонов на тонких колесах с красными спицами.

Мальчишка долго будет бежать за вами по улице и убеждать, что ехать на извозчике гораздо дешевле, чем на такси, и уж во всяком случае это много лучше, чем идти пешком.

Есть и еще способ заработать монетку. Вечером, когда цветные огни повисают вдоль набережной, можно толкаться у входов в кафе и бары с букетиком роз или даже пробираться в парки, где на свежем воздухе, под звездным небом раскинулись летние рестораны.

Ох, эти мальчишки!

Их выгоняют официанты и полицейские, а они вдруг снова вылезают из-под столика со словами:

— Синьор! Купите цветы вашей синьорине!

Но мой знакомый, коренастый паренек Антонио, презирал все другие работы, кроме своей.

Он был чистильщиком.

Он носил на груди фанерный ящичек с коробками сапожной мази и весь день стучал щетками по ящику, как барабанщик. Ремешок от ящика натер на его шее красную полоску. Антонио изредка перебрасывал ящик под мышку и тогда стучал по нему одной щеткой, так как другая рука была занята.

Стук его означал:

«Я чистильщик! Я здесь! Я всегда готов к вашим услугам, синьоры!»

У взрослых чистильщиков, старших соперников Антонио, были раззолоченные кресла и десятки самых разных щеток. Зато они не могли передвигаться, эти его важные соперники, а сидели по углам перекрестков да бульваров.

Антонио же всегда был там, где люди. Его выручали проворные ноги и руки.

Он быстро садился на асфальт, ставил свой ящичек под ногу прохожему, и щетки начинали плясать над чужим ботинком.

Сам Антонио бегал босиком.

Я тоже почистил у него ботинки.

— Ты почему не учишься, Антонио? — спросил я.

— Никто из моих друзей не учится, синьор!

— Почему?

— У нас нет денег.

— А что, за учебу в Неаполе много платят?

— Нет! — ответил Антонио с улыбкой. — Нашим отцам мало платят. Вот и выходит, что мы должны им помогать.

И он убежал, отстукивая щетками: тра-та-та...

Но в тот же день я увидел его снова. Нет, впрочем, это было не днем. И даже не вечером. Часы показывали уже за полночь.

Меня привлекли мальчишеские крики, непохожие на те, что слышались вокруг весь день. Они были полны восторга и веселья, как в школьном дворе во время большой перемены.

Чуть в стороне от набережной, на каменной площади, слабо освещенной фонарями, мальчишки гоняли мяч. Они забыли про тяжелые корзинки с булочками, чужие покупки, сапожные щетки, про букетики красных и белых роз. Они забыли и про сон. Они играли в футбол.

Антонио стоял в «воротах». Ворот, конечно, не было. Они только обозначались ящиками с сапожными щетками. И эти ящики лежали на асфальте по краям «ворот» точь-в-точь, как портфели или ранцы наших мальчишек.

Чико-чико

Я часто слышал песенку «Чико-чико», но не знал, что «чико» на испанском языке означает мальчик. Не знал, пока не приехал в Аргентину, где говорят по-испански.

И это рассказ не об известной песенке, а о двух аргентинских мальчиках. О двух чико...

Они не пели. Они танцевали. Не на сцене театра, не под школьной крышей, а на пыльной лужайке. Там, в Аргентине. Высоко в горах.

Старый автобус, кряхтя, шел и шел на подъем. Сначала по бокам дороги кудрявились веселые заросли орешника, как в Крыму. Потом рощами встали кактусы. Высокие, словно деревья, они причудливо изгибались и тянули в стороны длинные ветки-пики и круглые ветви-ладони с длинными иглами. Они

были такие колючие, что в эти рощи никогда еще не ступала нога человека.

Наконец мы приехали в одно горное местечко. Автобус прокатился по центральной улице, мимо вереницы магазинов, и выехал на окраину. Здесь дома стояли далеко друг от друга. Это были даже и не дома, а жалкие маленькие хижины под низкими крышами.

На пустырях вокруг росли карликовые пальмы. Скалистые вершины дальних гор синели справа и слева, упираясь в самое небо. Внизу, в лучах солнца, как стеклянное, блестело озеро. На рыжих камнях возле пальм-коротышек лежали козы.

Вечерело, а жара не спадала. Хотелось пить. Жители одной из хижин, пастухи, угостили нас своим особенным местным чаем. Очень душистый этот чай, пеперино, и хорошо утоляет жажду.

Мы пили его из гладких глиняных кружек и разговаривали с пастухами о том, как они живут.

Хотя и так было видно, как им жилось. Хижины были без дверей. А в комнатах — ничего, кроме кроватей и столов. Даже стульев не было: садились на кровати. И на эту бедность уже много лет смотрели из углов большие иконы.

Мы пили чай на улице, сидя на камнях, теплых от солнца. Вокруг собиралось все больше людей. Солнце исчезло за дальней вершиной. Потухло озеро. Наш автобус отдохнул после подъема. Можно было ехать дальше.

Но тут мы услышали музыку.

— Что это?

— Это наши артисты! — сказал один старик, раскуривая трубочку. — Сейчас вы их увидите, не уезжайте.

На лужайку возле той хижины, где мы сидели, из-за толпы мужчин, женщин и детей вышел молодой пастух с коричневым лицом. В его руках была гитара. А за ним появились еще два музыканта. Один, усатый, тоже держал гитару, другой — маленькую гармонику.

Песни Аргентины очень красивы. Но красивее всех других — песни северных гор. Тех гор, где мы сейчас были.

Музыканты пели и, напевая, ходили легкой походкой, как бы пританцовывая, по кругу среди своих слушателей и перебирали звонкие струны. Пройдут пять шагов, остановятся, проиграют мелодию без слов и опять пойдут и запоют.

Мы сильно им хлопали.

Но вот гитаристы бросили темные ладони на струны, прижали их с маху. Наступила тишина. И молодой пастух, сверкнув глазами из-под шляпы, громко сказал:

— Маламба!

И сейчас же из толпы выскочил мальчик лет двенадцати, не больше.

Он ударил сапогом о твердую, как камень, землю, вскинул руки и замер.

— Хорхе! Хорхе! — закричали ему. — Давай покажи-ка!

Хорхе улыбался. Черноглазый, загорелый, в шляпе с широкими полями, в зеленой куртке, перехваченной красным шарфом, в черных сапогах с высокими голенищами.

Дрогнули струны гитар, ахнула гармоника, и Хорхе пошел прямо на нас мелкой чечеткой, почти не отрывая сапог от земли. Сапоги на нем, казалось, были чуточку тяжеловаты, но он, видимо, не чувствовал этого, да и мы сразу забыли. Дойдя до нас, Хорхе резко повернулся и пошел назад на каблуках. Потом в центре круга он словно бы сделал передышку вместе с музыкой, и вдруг такая дробь вырвалась из-под его сапог, что даже не поверилось, что можно так танцевать. Но Хорхе отбивал свою дробь минуту, и две, и три!..

— Браво, Хорхе! — закричали все.

А Хорхе резко притопнул ногой, оборвал танец, поклонился нам и убежал.

Но музыка все звучала.

И на смену Хорхе из толпы вынырнул другой мальчик, еще черноглазей и чуточку худощавей. Он и ростом был меньше. И у него сапоги были совсем тяжелые.

Его встретили ликованием:

— Пабло! Теперь ты. Ну-ка!

И маленький Пабло вскинул руки, как Хорхе. Рукава его белой рубашки скатились до локтей. Он ударил сапогом по земле, вывернув ступню набок, и мы увидели отполированный кружок на подметке. Пабло сделал шаг вперед и вторую ступню тоже поставил набок. На вывернутых ступнях он и начал танец. Потом подскочил, встал на каблуки, опять подскочил и, высоко подбрасывая ноги и расставив руки, словно взлетая, начал ту же знаменитую дробь.

В это горное местечко никогда не приезжали настоящие артисты. Но, может быть, и Хорхе и Пабло танцевали лучше настоящих! Хотя они были маленькими пастухами, и ансамбль, в котором они участвовали, так

и назывался «Скотоводы гор» («Лос тропе-рос саранос»). Он выступал только в своем местечке, на свадьбах, на праздниках.

— Маламба! — кричал смуглый гитарист, точно подстегивая танцора, и второй, усатый, хрипло подхватывал:

— Маламба!

И Пабло выбивал глухую дробь все чаще.

Маламба — танец-соперничество.

Маламба — танец-схватка.

Кто лучше, кто быстрее, кто ловчее. Вот что такое маламба. Ушел Пабло. Выбежал Хорхе, и опять его сменил Пабло.

Струны плясали под пальцами гитаристов. Но они едва поспевали за ногами танцоров. Вот так чико! Чико-чико! Замучили музыкантов!

Нам предложили решить, кто выиграл, кто лучше танцует, Хорхе или Пабло? И все веселились и ждали, что мы скажем.

А мы растерялись. Что ответить? Нет, мы не знали.

Тогда маленькие танцоры с охотой вышли по третьему разу. Сначала Хорхе, потом Пабло.

Мы смотрели, спорили и наконец сказали:

— Нет! Пусть они выйдут оба и станцуют вместе, рядом. Иначе мы не сможем определить, кто лучше.

— А они никак не могут выйти вместе! — сказал молодой гитарист и развел руками.

— Почему?

— Потому что у них на двоих одни сапоги!

Две встречи

Папа маленькой Лизы работал в нашем посольстве в Париже. А Лиза приезжала к нему с мамой на летние каникулы. Она уже окончила второй класс.

Теперь ей надо было возвращаться домой, в Москву, чтобы учиться в третьем. Из Парижа до Гавра ее вез не очень красивый, но очень быстрый поезд.

В Гавре — море. Тут стоят многоэтажные пассажирские теплоходы и грузовые корабли.

В Гавре тогда стоял и наш теплоход. На нем и очутилась Лиза с мамой, чтобы плыть домой, на свою родину.

В море Лиза кормила чаек. Чайки всегда долго провожают корабли, когда они покидают берег. Чайки летят на острых крыльях, косо падают к воде и подбирают корм, который им кидают с корабля.

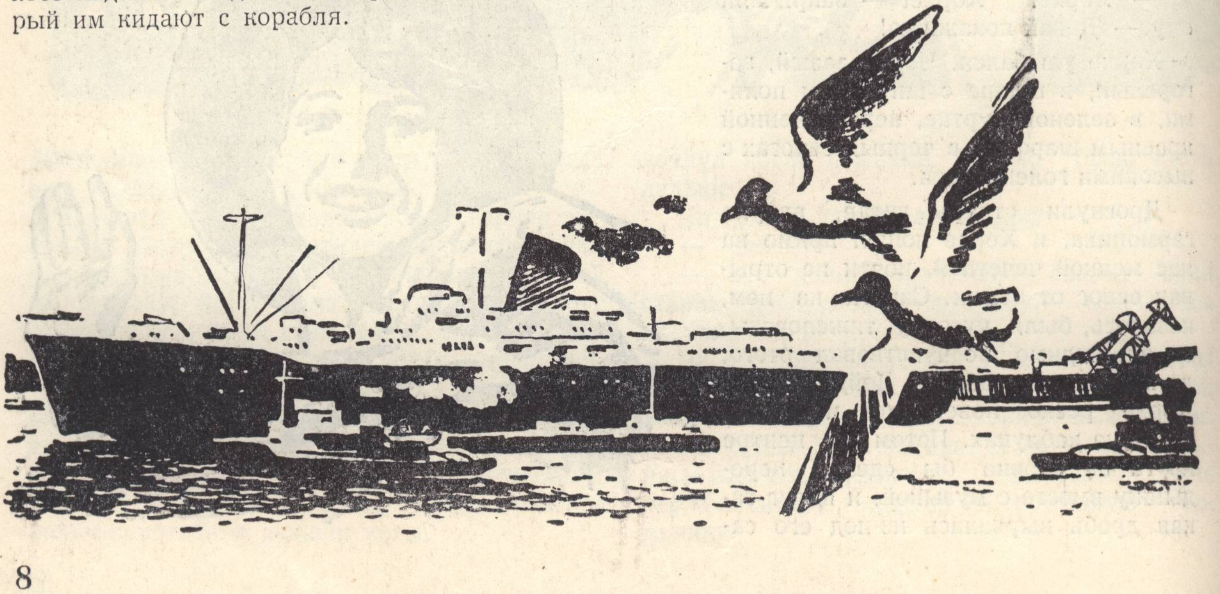
Сначала чаек бывает много. Большая белая стая. Потом остаются самые храбрые одиночки.

Лиза кидала им куски хлеба, за которыми ходила в корабельную столовую.

Было позднее лето, на спокойной воде моря лежал нестерпимый ослепительный блеск солнца. И все мы носили темные очки. И Лиза тоже.

Большие очки у нее то и дело сползали и падали с носа, пока официантка Екатерина Платоновна не связала две непослушные дужки розовой ленточкой на затылке.

Скоро-скоро мы должны были вернуться домой. Мы плыли из Северного моря в Бал-

тийское и пошли Кильским каналом. Так короче.

Кильский канал тянется по земле Западной Германии. Увидев советский флаг, много немцев быстро собралось на пристани небольшого городка, где мы остановились в первом шлюзе.

Левый борт теплохода был так близко к пристани, что наши пассажиры и немцы легко обменивались значками на память о встрече, монетками и открытками. Или просто касались друг друга руками и говорили:

— Мир и дружба!

Ведь все хорошие люди хотят жить в мире, хотят дружить. А на пристани собрались грузчики, рабочие шлюза, шоферы, оставившие свои большие машины с ящиками, с мешками зерна на зеленой лужайке близ дороги, служащие почты. Один мужчина сказал, что он капитан парома, и показал рукой в сторону. Там на яркой воде канала стоял белый паром с автомобилями и людьми. Он перевозил их с берега на берег. А капитан сегодня отдыхал и пришел порыбачить. На плече он держал длинную удочку, а на голове у него была фуражка с черным большущим, как газетный лист, козырьком. От солнца. Рядом стояла девушка в зеленой блузке. Она назвалась учительницей местной школы.

Это все были хорошие люди.

В Западной Германии власти и полиция не одобряют дружеских чувств к тем, кто хочет мира и дружбы. На пристани скоро появился полицейский. Он хмурился. Кое-кто смущенно начал отходить от нашего корабля.

Но капитан парома стоял себе и с удовольствием курил русскую папиросу «Казбек». За границей курят сигареты, там привыкли к сигаретам и мундштукам. И капитана очень забавляло, что у папиросы такая длинная бумажная трубка.

Девушка-учительница собирала открытки с видами Москвы. Мы принесли из своих кают все открытки, какие у нас были. Люди на пристани сразу сгрудились вокруг девушки и стали рассматривать высоченное здание Московского университета, Красную площадь, памятник Пушкину среди цветов на бульваре и белых лебедей на озерах зоопарка...

Девушка сказала, что обязательно покажет это своим ученикам.

И тут мы услышали голос:

— Помогите! Помогите мне!

Это кричала Лиза. Но она кричала это весело, и мы не испугались, а только не поняли, в чем дело.

Потом увидели: Лиза стояла в отдалении от нас и тянула руку с открыткой мальчику в белой рубашке и коротких штанах на широких лямках. Мальчик, привстав, тянулся навстречу к Лизе. Но руки у них были маленькие, и они не доставали друг до друга.

Две открытки уже грустно плавали в полосе темной воды между кораблем и бетонной стеною пристани. Лиза пробовала кидать открытки, но они словно застревали в воздухе и плавно падали вниз, мимо растопыренных рук мальчика...

Мы помогли ей передать открытки, где был нарисован длинноносый Буратино и его друзья.

Между тем на пристани появились еще два черных полицейских. Они пришли плечом к плечу, как в строю. Так, вместе, они стали ходить среди жителей и что-то резко говорить им, пока вся пристань не очистилась.

Люди отошли на лужайку и оттуда улыбались нам и украдкой помахивали руками.

Никого не осталось на пристани, даже учительницы и капитана парома. Никого, кроме маленького мальчика в штанах на лямках. Он продолжал стоять у высокого борта корабля, рассматривал открытки, смеялся над длинным носом Буратино и о чем-то быстро говорил Лизе.

Лиза ему отвечала.

Они нашли удивительно простой способ разговаривать друг с другом. Не какими-то отдельными словами, не жестами, как поступают взрослые, когда не знают языка собеседника. Они говорили каждый на своем языке: Лиза — по-русски, а мальчик — по-немецки. Конечно, они совсем не понимали слов, но ведь поговорить хотелось. И они не умолкали.

— Принести тебе книжку? — спросила Лиза. — Ты подожди одну минуточку здесь. Я сбегаю в каюту и сейчас же вернусь. Это интересная книжка, знаешь! Не уходи.

Мальчик быстро заговорил, но Лиза перебила:

— Сейчас, сейчас!

Он остался ждать.

Когда Лиза принесла книжку в большой цветной обложке, возле мальчика уже стоял мужчина. В кепке с длинным козырьком, как у паромщика-капитана. И с удочкой. Это был отец мальчика. В воскресенье много рыболовов вышло на канал.

Он приподнял мальчика, и тот взял книжку.

— И еще очки, — сказала Лиза и отдала ему свои большие темные очки с розовой ленточкой.

Полицейский буркнул что-то мужчине, и тот кивнул головой и повел сына с пристани, но мальчик потащил его за руку назад, к кораблю.

Однако тут уже нам дали сигнал отправляться. Трое рабочих сняли с металлической тумбы, похожей на толстый пестик, канат, которым наш теплоход был привязан к берегу. Он был такой тяжелый, этот канат, что его едва волокли втроем.

Потом мы тронулись.

Отстали и зеленая лужайка, и полицейские, и паром.

Долго мы шли каналом. Мы, конечно, плыли. Но ведь моряки всегда говорят: шли.

Долго плыли мимо зеленые берега с белыми домами, копнами сена и рыболовами. Они, конечно, стояли на месте, но казалось, что они плывут.

Долго бежала рядом прямая асфальтовая полоса дороги, а по ней катились автобусы, тракторы с прицепами, легковые автомобильчики.

Над каналом висели мосты, то гнутые, как радуги, то прямые, как линейки.

Навстречу шли пароходы разных стран с разноцветными флагами.

Наконец канал кончился, и впереди поднялись в небо трубы заводов большого города Киля, а за ним открылось Балтийское море. Наш теплоход тихонько вдвинулся в выпускной шлюз.

Снова на берегу собрались немцы.

И как же мы удивились, когда увидели знакомого мальчика! Мы обрадовались, но не сразу поверили. Однако это был он. Все сразу узнали его. Он сидел на плече отца. И отец махал нам своей кепкой с длиннющим козырьком.

Больше всех, конечно, обрадовалась Лиза.

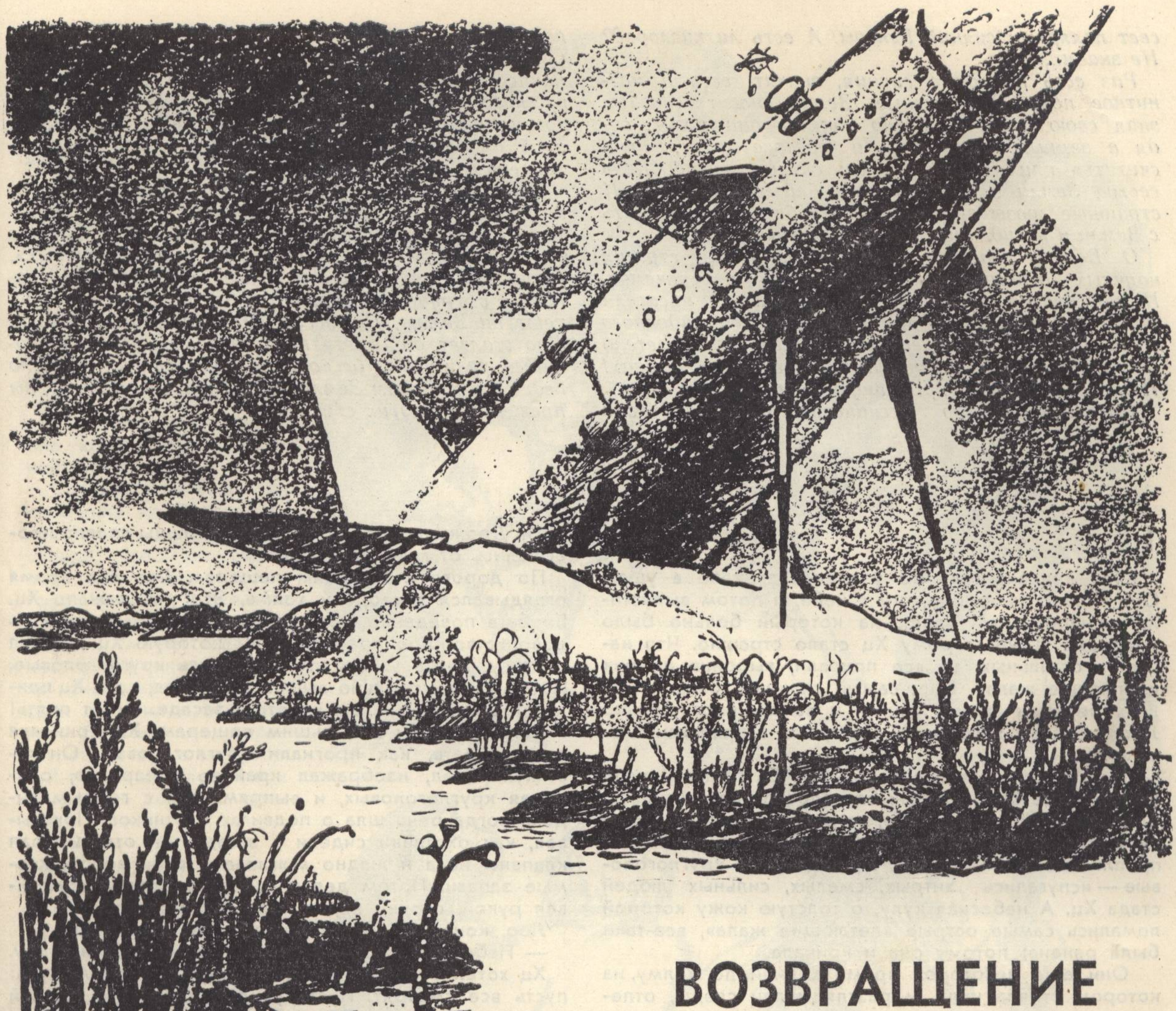
— Ты на чем приехал? — кричала она. — Как ты здесь очутился?

Оказывается, мальчик настоял на том, чтобы сесть в автобус и обогнать наш теплоход. Он хотел обязательно передать Лизе какой-то свой подарок. Этот подарок был завернут в лист бумаги.

Лиза получила часы. Правда, игрушечные, но очень красивые. Совсем настоящие по виду. Лиза не снимала их с руки до конца плавания.

А на листе бумаги была сделана надпись карандашом. Мы перевели ее:

«Давайте учиться дружбе у детей».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРУГЛОГОЛОВЫХ

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

В. САПАРИН **Рисунки П. Кирпичева.**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Венера! Самая близкая к Земле планета и по расстоянию, и по размерам, и по наличию атмосферы... Самая близкая, самая похожая и все же неразгаданная. Мы не знаем наверное, есть ли на ней моря и горы. Плотные облака прячут поверхность Венеры. Правда, луч радиолокатора уже коснулся ее, а инфракрасные лучи пробились сквозь облачную толщу и сфотографировали темные пятна. Что это? Материки? Моря? Опять не знаем.

Мы не знаем и точного состава воздушной оболочки Венеры. Уже довольно давно открыт в ней углекислый газ. Совсем недавно открыт азот. Его присутствие выдал нам зеленоватый мерцающий

свет полярных сияний Венеры. А есть ли кислород? Не знаем...

Раз есть полярные сияния, значит, есть и магнитное поле. Это ученые Земли могут сказать, зная свою планету. Точно так же они могут, сидя в земных институтах и обсерваториях, «рассчитать» климат Венеры. Он очень жаркий. Ведь сестра Земли в полтора раза ближе к Солнцу. И страшные грозы венерианского неба можно угадать с Земли и невиданные у нас магнитные бури.

О Венере известно слишком мало для строгих научных ответов на все «отчего» и «почему». И достаточно много, чтобы фантазия писателя могла нарисовать картину далекого, загадочного мира. Сколько космических кораблей уже долетело до Венеры в научно-фантастических романах! И каждый автор открыл иную, свою Венеру.

Писатель Виктор Степанович Сапарин снова ведет нас на планету загадок. «Возвращение круглоголовых» является продолжением другого написанного им рассказа, «Небесная кулу». В том рассказе ученые, прилетевшие на Венеру с Земли, догадываются о существовании разумных обитателей этой планеты по дротику, найденному в теле гигантского ящера — кулу.

Люди Венеры, именующие себя «коу», находятся на первобытной ступени развития. Племя, которым управляет старик Хц, совершает нападение на экспедицию, чтобы истребить «круглоголовых», «небесных коу». Захваченные врасплох, космонавты с трудом избавляются от опасности и улетают на Землю. Из всего племени только юноша Лоо жалеет об отлете круглоголовых. Пробуждающийся разум Лоо беспокойно ищет знания, властно ведет его к людям Земли. Что случилось дальше, вы прочитаете на этих страницах.

1

Кулу кричала так, что у всех зазвенело в ушах. Она словно звала подмогу с неба, а потом выпустила ослепительный хвост, на который больно было смотреть. Даже старому Хц стало страшно. Что касается остальных, то все присели, выронив из рук «летающие жала». Быр, самый сильный, охватил голову перепончатыми лапами и зажмурился. Только Лоо стоял во весь рост, с широко открытыми глазами.

Но тут кулу исчезла в облаках. Ее громкий плач сначала еще был слышен, багровое пятно светилось, бледнея на облачном небе, потом все пропало. Охотники вскочили и, издавая крики ликования, принялись приплясывать. Победа! Пришельцы — круглоголовые — испугались хитрых, смелых, сильных людей стада Хц. А небесная кулу, о толстую кожу которой ломались самые острые «летающие жала», все-таки была ранена; потому она и кричала.

Они еще некоторое время ходили по холму, на котором стояла кулу, и разглядывали следы, отпечатавшиеся на влажной почве. В том месте, куда коснулось дыхание небесной кулу, бурая земля спеклась и стала твердой, как камень. Охотники подобрали свои «летающие жала». Хц, к своему удивлению, нашел даже то жало, что стащили круглоголовые; он узнал его по насечкам на древке. Вероятно, дикие пришельцы со страху обронили его.

Вдруг Хц увидел в руках Лоо блестящую кость. Это была та кость, которая метала молнии, когда ею размахивал один из круглоголовых. Лоо уже пытался один раз завладеть ею, но она укусила его. Теперь он опять вертел в руках эту кость.

— Волшебная кость,— сказал Лоо.

— Дай,— приказал Хц.

Но Лоо не спешил расставаться с находкой.

— Дай,— повторил Хц и длинной своей лапой ухватился за кость.

Лоо вместо того, чтобы разжать пальцы, потянул кость к себе. Он был сильнее.

— Ха! — раздался всеобщий возглас ужаса. Никто никогда не пускал в ход силу против Хц.

Быр бросился к Лоо, чтобы отнять кость. Синяя молния блеснула ему навстречу. Быр упал. Молния задела еще двоих из стада.

Пальцы Лоо ослабли, и Хц выдернул кость. Он тихонько погладил ее, чтобы она не сердилась больше, и приказал стаду собираться. Однако прошло довольно много времени, прежде чем Быр сумел стать на ноги. Дрожь прошла по его телу, мышцы словно просыпались от глубокого сна.

По дороге к Большим пещерам Лоо все время оглядывался в сторону холма. Это раздражало Хц. Вообще поведение Лоо вызывало у него острое недовольство. Лоо прервал речь, которую Хц держал к стаду, когда узнал, что появились круглоголовые. Потом он самовольно вышел из кустов, хотя Хц приказал всем охотникам сидеть в засаде. И вот опять!

Когда пришли к Большим пещерам, Хц принялся рассказывать, как прогнали круглоголовых. Он жестикулировал, изображал крайнее презрение, описывая круглоголовых, и выпрямлялся с гордым видом, когда речь шла о подвигах охотников. Показывая, как охотники сидели в засаде, он оттопыривал клапаны носа и жадно втягивал в себя воображаемые запахи. Потом делал скачок вперед и взмахивал рукой, словно кидал «летающее жало».

Лоо, конечно, не утерпел и снова вмешался.

— Небесная кулу,— бормотал он.— Небесные коу.

Хц хотел оборвать его, но раздумал и промолчал: пусть все смотрят. Пусть увидят, какой это жалкий невежда.

— Они вернутся! — выкрикнул вдруг Лоо.— Небесные коу вернутся!

— Ха,— сказал Хц с презрением.— Они не вернутся.

И все повторили с презрением:

— Ха!

Лоо почувствовал, что презрение стада обращено и против него. Хитрый Хц, он нарочно так подстроил!

Но в самом деле, почему Лоо решил, что круглоголовые вернутся? Он вряд ли сам знал, почему. Скорее всего ему просто хотелось, чтобы так было.

Хц между тем заканчивал рассказ. Люди стада от удовольствия и наслаждения вздрагивали шкурой, покрытой густой шерстью, и переступали большими перепончатыми ступнями. Круглые глаза их, лишенные век, следили за каждым движением Хц. Даже охотники, принимавшие участие в схватке с круглоголовыми, слушали с интересом, узнавая много нового для себя. Каждый помнил лишь то, что случилось с ним, а общего хода схватки большинство не представляло. Хц видел все: он распоряжался сражением, наблюдая за ним со стороны.

Только Лоо казалось, что все было не так, как рассказывает Хц. Небесные коу и не собирались нападать на людей стада Хц. Наоборот: люди стада Хц набросились на них и по команде Хц стали бросать

«летающие жала». Ни одно жало не вернулось обратно. Хц говорит: потому что дикие круглоголовые не умеют обращаться с «летающими жалами». Правда, они метали молнии, но ни одна из них не поразила нападающих. Молнии сверкали над головами охотников, словно напоминая, что небесные коу могут и рассердиться. Небесная кость укусила людей стада только после того, как попала к ним в руки. Значит, ей не понравилось здесь, она хотела вернуться к небесным людям.

Случившееся было так непохоже на повседневную жизнь стада! Жаль только, что Лоо слишком мало видел круглоголовых. Он хотел бы рассмотреть их получше. Все это смутно шевелилось в его голове. Но он не знал, как высказать свои мысли, и продолжал беспомощно переступать с ноги на ногу.

В глазах остальных все выглядело гораздо проще.

Те, что находились у Больших пещер, вообще ничего не видели. Охотники же, принимавшие участие в схватке, без раздумий приняли толкования Хц. Это были сильные люди, может быть, самые крепкие из стада, но они охотно предоставляли старому, хитрому Хц думать за них.

А Лоо хотел думать сам. Он даже потер свою обросшую гладкой шерстью голову, в которой, словно кичи, втягивающие и выпускающие свои щупальца на дне мутной лужи, копошились неясные образы.

Хц рассказывал, как прогнали круглоголовых.

Лоо теперь много думал. Он сам удивлялся мыслям, которые стали приходить ему в голову. Так, он вдруг снова подумал: а почему Хц взял волшебную кость и носит ее с собой? Ведь нашел ее Лоо. И кость, когда ее стали отнимать у Лоо, укусила не его, а Быра и других охотников. Значит, ей нравилось быть у Лоо.

Стадо было занято углублением пещер. Одни рыли мягкую глину, другие выносили ее. Взамен прикатывали камни с озера и укладывали вдоль стен.

Хц — он теперь проявлял повышенный интерес к молодому охотнику — приказал Лоо лезть в самый дальний, самый низкий и темный конец большой пещеры. Пусть Лоо копает там.

Лоо не боялся синей глины, хотя случалось не раз, что она, дохнув так, что шерсть вставала дыбом, клала тяжелую лапу на спины копающих. От этого седой Мбаэ давно ходит с погнутой спиной. А некоторых выкапывали из синей глины уже холодными. Синяя глина забирала у них жизнь.

Но последнее время Лоо не хотелось слушаться Хц. Почему надо исполнять то, что он приказывает? Почему Лоо не может сказать Хц: пойди и копай в том углу?

Лоо вдруг сказал:

— Отдай кость!

— Кость? — удивился Хц. И, догадавшись, в чем дело, спокойно ответил: — Кость волшебная. Она принадлежит мне.

Трое или четверо из стада, услышав разговор, кивнули головой.

Нет, никогда никто в стаде не будет слушать Лоо. Хц между тем поднял руку, и все стадо остановилось.

— Он боится! — сказал Хц, ткнув костлявой ручищей в грудь Лоо.

— Ха! — Лохматые, толстоногие, с согнутыми спинами люди стада уставились на Лоо круглыми, неморгающими глазами.

Точно какая-то сила выпрямила Лоо. Он поднял голову так, что видел теперь только облака, сияющие розовым и фиолетовым. Ни на кого не глядя, он пошел к пещере, разинувшей навстречу ему свой зев. Он шел так, не сгибаясь, пока голова его не уперлась в потолок. Тогда он опустился на четвереньки (только при рытье пещер разрешалось это унизительное положение) и пополз в глубь самого длинного ответвления. После нескольких поворотов Лоо очутился в полной тьме и в такой тесноте, что едва мог пошевелиться. Он принялся копать, запуская растопыренные пальцы в мягкую глину.

Он копал, ни о чем уже не думая. Вдруг глина позади него тяжело вздохнула, и он почувствовал, что кто-то дунул ему в спину против шерсти. Ему стало трудно дышать. Он даже не мог обернуться, чтобы узнать, что случилось. Да это и не было нужно. Комочки сырой глины с тихим шорохом сыпались еще некоторое время позади. В ужасе Лоо рванулся вперед и уперся головой в ту же глину.

Лоо хотел крикнуть, но крика не было. Голос тоже словно уперся в глину. Тогда Лоо принялся яростно копать. Несколько раз он дергал ноги, чтобы продвинуться вперед, но сзади их кто-то крепко держал. Наконец он рванулся всем телом, одна нога с громким чавкающим звуком освободилась. Он уперся ею в какой-то выступ и, напрягая все силы, медленно вытащил из вязкого плена вторую ногу.

Он прополз немногим больше длины локтя, как впереди снова оказалась липкая стена. Дышать стало совсем тяжело. Он скреб когтями, но не мог отколупнуть ни крошки. Потом все исчезло.

2

Все видели, как Лоо вошел в пещеру. Когда несколько людей из стада пошли следом, чтобы уносить выкопанную глину, Лоо в пещере не оказалось. Хц запретил искать его. Он сказал, что бездельник Лоо, не желая работать, ушел в глубь горы.

Хц деловито распоряжался, заставляя стадо укреплять пещеру. Стены обкладывали большими камнями, такими большими, что лишь силачи, соединившись по двое, по трое, могли сдвинуть их с места.

Хц торопил. К началу Больших дождей все должно быть закончено.

Первый ливень хлынул, когда оставалось доделать совсем пустяки. Люди стада Хц не боялись воды. Но не раз случалось во время грозы, что упавшее дерево убивало людей или их задевала молния, оброненная кем-нибудь из небесных коу. Поэтому все залезли в пещеры.

В самой большой из них собрались человек двадцать из стада, а может быть, и больше (дальше двадцати умел считать только Хц). Усевшись вокруг Хц, обхватив руками колени и положив на них широкие подбородки, они смотрели на входное отверстие, где вспыхивала завеса воды, освещаемая молниями. Грохот почти не умолкал. В короткие паузы слышались шум дождя, всхлипывание и стоны: почва с наслаждением купалась в воде.

И тут появился Лоо. Он внезапно вырос у входа, вымазанный глиной, со слипшейся шерстью.

Все увидели его при вспышке молнии.

— Ха! — воскликнули все.

Снова вспыхнула молния, но Лоо пропал, может быть, ушел под дождь.

Хц встал с места, но в это время все снова увидели Лоо.

— Ха! — воскликнули сидевшие в пещере с удивлением и почти с ужасом.

Молния ударила где-то совсем рядом. Мокрый и блестящий, выпрямившийся во весь рост, Лоо казался красивым и сильным рядом со старым Хц. Свет померк, и все чуть не оглохли от грохота, хотя многие по привычке закрыли клапаны ушей.

При следующей вспышке все смотрели на Лоо, а не на Хц.

Лоо стоял молча, в голове его, словно при блеске молнии, проносилось пережитое. Вот он охотится на кулу. Хочет взмахнуть рукой, чтобы бросить «летающее жало», и не может. Кто-то невидимый и сильный держит его за руку. Он выдергивает ее и с ужасом чувствует, что лежит закопанный. Что это, продолжение сна? Тяжело дышать, кто-то сел на грудь, сдавливает горло. Вдруг Лоо понимает все: пещера, синяя глина! Что-то холодное, влажное касается его лица, медленно вытирает его. Лоо приятно, он в полусознании. Потом свежий воздух совсем слабым дуновением доходит откуда-то, и Лоо начинает приходить в себя.

Машинальным движением руки он хватает влажное и скользкое, тянет к себе. Упругое, но в то же время мягкое и податливое тело старается ускользнуть. В Лоо пробуждается инстинкт охотника. Он обеими руками вытаскивает ушедшего в земляную нору длинного, в рост Лоо, и толстого, как его рука, шоши. Ход, который тот проделал в глине, пробираясь сюда с поверхности, спас Лоо. Он может теперь дышать. Но шоши можно съесть. Стадо лесных людей, которые не умеют делать «летающие жала» и едят только то, что поймают руками, считает шоши лакомством. Да и люди стада Хц с удовольствием едят длинного мягкого червя. Лоо разорвал шоши на много кусков.

Подкрепившись, Лоо снова принялся копать. Прошло довольно много времени, прежде чем он догадался, что копает в глубь горы. Зато с того момента, когда он с трудом повернулся в тесноте и начал вести ход в противоположном направлении, Лоо почувствовал в себе новую силу, более могучую, чем сила его рук и ног. Это была сила крепнущего разума. Ведь никто не мог дать ему здесь совета. Никто не приказывал: он додумался до всего сам.

Когда наконец он выбрался наружу, все окутывал мрак, густой, словно синяя глина. За грохотом молний и шумом дождя его шагов никто не слышал. Его увидели только, когда он тенью возник у входа. О, с каким упоением подставил он тело под струи воды! Открыв клапаны ноздрей, он жадно втягивал запах мокрой земли и дождевых капель.

И вот он стоит перед своими сородичами.

Как много мог бы рассказать Лоо! Но, вероятно, даже у самого Хц не хватило бы слов. А у Лоо еще меньше слов: смущенный и подавленный, он переступает с ноги на ногу. Потом при свете молнии он видит Хц. И снова неожиданно для самого себя произносит:

— Отдай кость!

Все смотрят на Хц. Смотрят так, словно он должен выполнить требование Лоо.

Хц понимает. Он говорит:

— Возьми!

И отдает кость.

За всю свою долгую жизнь Хц не знает случая, чтобы небесные коу теряли волшебную кость. И он не слышал ни о чем подобном от тех, кто были стариками до него. Но теперь, раз уж так произошло, небесные коу, конечно, не успокоятся, пока не по-

Охотники увидели, как из облаков выскочила еще одна кулу.

лучат кость обратно. Круглоголовым она досталась случайно, и те не могли удержать ее: кость сердилась, гремела и метала молнии. Потом ею завладел Лоо и поплатился. Когда Лоо упал от удара молнии, Хц, наблюдавший из засады в кустах, решил, что наглецу пришел конец. И был рад. Но Лоо очнулся. Он здоров и крепок, как молодая кулу. Ну, что ж, пусть он теперь накликает снова гнев небесных коу на свою упрямую голову.

Хц повеселел. Но люди глядели на Лоо с таким почтением, что хорошее настроение вожака сразу пропало.

— Вернувшийся из горы,— перешептывались люди с оттенком страха и уважения.

С этого дня отношения между Лоо и Хц совсем изменились. Лоо не повиновался приказаниям Хц и делал только то, что хотел. Правда, по привычке он продолжал принимать участие в работах стада. Но порой Лоо вдруг останавливался и подолгу стоял, не видя, не слыша, не замечая ничего вокруг. Он морщил кожу на голове, словно отгонял насекомых, и тер ее могучей рукой, словно после ушиба, и можно было догадаться, что он напряженно думает. О чем? Хц с невольным страхом следил за Лоо. Но тот, очнувшись, с удивленным видом смотрел вокруг себя, затем присоединялся к стаду. И еще заметил старый Хц: Лоо теперь ничего не боялся. Конечно, были и другие смелые охотники, но смелость Лоо была какой-то иной. И она не нравилась старому Хц.

Постепенно стадо начало забывать о встрече с круглоголовыми. Их прогнали, они позорно бежали. Но круглоголовые напомнили о себе через три времени Больших дождей.

Все находились у пещер, когда в облаках раздался страшный грохот. Казалось, сейчас обрушится небо. Небесная кулу вылетела из облаков, длинная, гораздо длиннее той, первой, и промчалась низко, прямо над стадом. Она исчезла в зарослях, окружавших Большую воду, и тут голос ее изменился. Она ревела за лесом, словно ушиблась обо что-то, потом стала захлебываться, заворчала и умолкла.

Хц нахмурился.

— Они вернулись,— озабоченно сказал он.— Они вернулись, чтобы напасть на нас.

И он запретил людям стада отходить от пещер.

В далеком прошлом было уже так, что охотники Хц поссорились с людьми другого стада, и те напали на них. Стаду Хц пришлось удалиться, хотя те, другие, были пришельцы. Так стадо очутилось здесь, у Больших пещер.

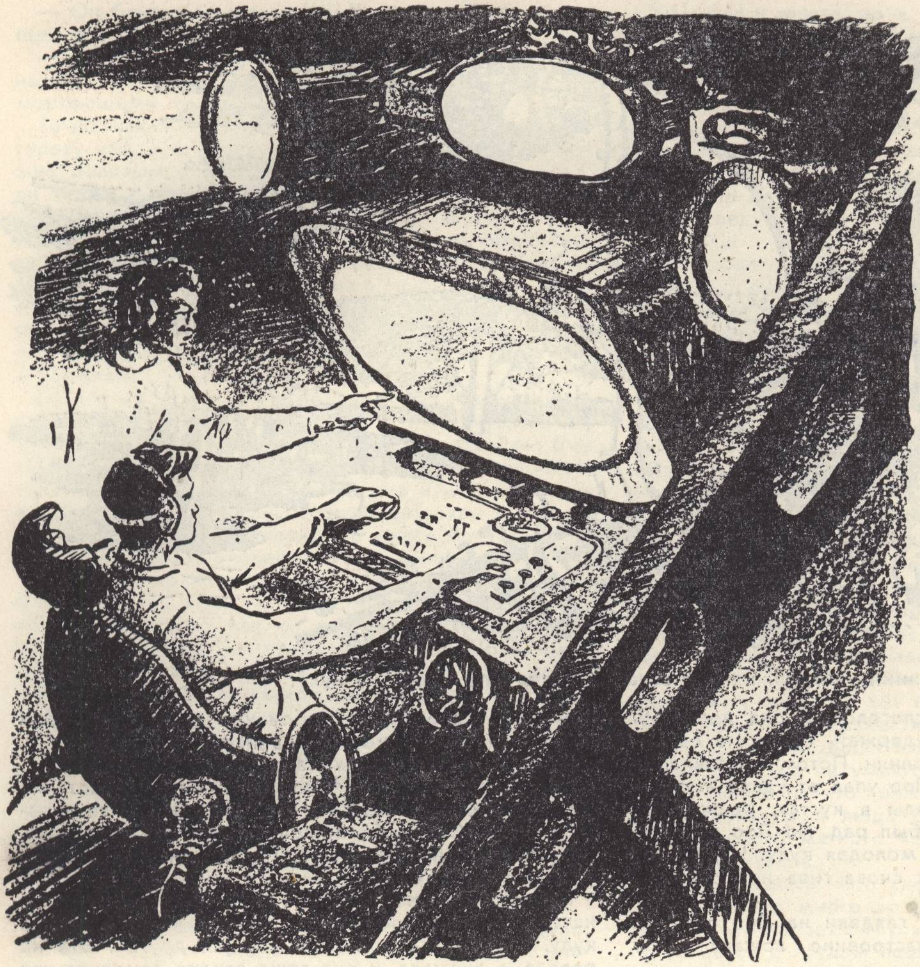
Прошло немного времени, и снова дикий рев разнесся по окрестностям. Все поняли, что это другая кулу, потому что голос у нее был другой. Эта не ревела, а визжала, и она тоже вскоре замолкла, как и первая. Ее никто не видел, но голос был слышен в той же стороне, где исчезла первая кулу. Может, она звала первую? Хц послал двух охотников посмотреть, что делают небесные кулу.

Лоо, не спрашивая позволения, отправился тоже.

Они шли долго, прежде чем увидели небесную кулу. Она уткнулась носом в воду, торчала только задняя половина. Далеко, там, где небо сходилось с болотом, виднелась другая кулу, казавшаяся отсюда маленькой. Эта, наоборот, хвостом ушла в почву, а морда ее смотрела в облака.

Пока охотники, стоя на вершине холма, разглядывали обеих кулу, послышался новый грохот. Из облаков выскочила еще одна кулу и врезалась в глину. Она продолжала реветь, не умолкая. Потом толчками стала все глубже впихиваться в мягкую, разбухшую почву. Под конец длинный, нестерпимо светящийся хвост протянулся до самых облаков, оставшаяся снаружи часть кулу с грохотом разметалась во все стороны, и все стихло. Только шипел кусок кулу, упавший в лужу неподалеку от охотников. Охотники стояли, окаменев от страха.

Из воды, неподалеку от того места, где упал другой обломок, выскочила обыкновенная кулу. Опираясь на массивный зад, она посидела немного, повертела маленькой головкой на длинной шее. Потом, переваливаясь на толстых, как бревна, задних ногах, поспешила подальше от опасного места. Огромная по сравнению с охотниками, она казалась совсем маленькой против небесных кулу.

Диск планеты ширился на экране телевизора.

планету вообще. В средних широтах — и все. А сейчас ищем место с точным адресом. И прибываем не одни, а целым караваном, с багажом в сотнях грузовых ракет.

— Да, идея открыть на Венере постоянную научную станцию грандиозна,— задумчиво произнес Гарги.— И по масштабам и по смелости. А помните, Нгарроба, как вы хотели захватить одного из обитателей Венеры, того юношу, что завладел электропистолетом Карбышева? И привезти его на Землю?

— Ну что ж,— откликнулся Нгарроба,—это было тоже смелое решение. Но вы меня удержали.—Он рассмеялся.— А хотел бы я с ним встретиться еще раз. Прошлый раз полного взаимопонимания с людьми Венеры мы не достигли, надо сознаться.

С лица Карбышева не сходило выражение озабоченности. Ольсен, отправивший всю армаду в путь и вылетевший затем на сверхскоростной ракете, чтобы прибыть на Венеру первым, молчал вторые сутки. Конечно, связь в районе Венеры капризная. Но сигналы автоматических станций наведения, заброшенных на планету, доходят до головного пассажирского корабля.

Каждые десять минут дежурный докладывает обстановку. Но что может изменить сейчас начальник экспедиции? Автоматы подведут ракету почти вплотную к цели,— лишь самые последние сотни или тысячи метров он будет сам управлять кораблем.

Карбышев смотрел на планету, медленно вырастающую на лилово-черном небе. Часть неба, видимая в иллюминатор, все уменьшалась. Наконец лишь темный ободок окружил ярко-голубой диск планеты. Затем ее сияние заполнило все окно. Включили оптические фильтры. На поверхности планеты стали видны светлые и темные пятна, застывшие завихрения. Медленно перемещались облачные образования.

Тонкий долгожданный писк. Локаторы нащупали металлическое тело.

— Считайте.— Голос Карбышева звучит сухо.

— Одна, две, три...— докладывает Сун-лин. Он сейчас дежурный.

— Шесть!

Молчание. Сун-лин начинает считать заново.

— Шесть,— повторяет он,— шесть.

— Одна из пристрелочных отлетела далеко,— говорит кто-то успокаивающе.— Локатор мог не нащупать ее. Тогда счет сходится.

Глядя на улепетывающую кулу, охотники почувствовали, что она указывает им, что надо делать. Торопливо подобрав «летающие жала», они побежали прямо по ее следам, отпечатавшимся на сырой глине. Кулу добралась до воды, плюхнулась в нее с размаху, поднимая волны и брызги, села на дно и высунула наружу маленькую голову, похожую на бутон гигантского цветка.

Охотники поплыли к дому.

3

— По-прежнему никаких сигналов от Ольсена,— коротко сообщил Гарги.

— А ракеты станции наведения?

— Одна, видимо, разбилась. Четыре действуют. Еще одну, которая села слишком далеко от остальных, мы выключили.

Карбышев подумал с минуту.

— Переведите одну из четырех в запас. Трех достаточно для посадки.

Нгарроба взглянул через иллюминатор.

— Что-то там не так,— заметил он.— Прошлый раз мы садились лучше.

— Положим, и тогда не прошло гладко.— Карбышев пожал плечами.— Кроме того, мы садились на

(Окончание в следующем номере.)

ВЕЗДЕХОД «ЛУНА-1»

Ю. СТОЛЯРОВ

Представьте себе: первый космический корабль долетел до Луны и благополучно прилунился. Открылся люк корабля, и из него беззвучно выползла вот такая удивительная машина, какую вы видите на этом рисунке.

В кабине машины не видно водителя. Космос таит в себе много опасностей для человека, поэтому первым вступит на поверхность Луны не человек, а послушный его воле автомат. Ведь автомату не страшны ни смертельные космические и ультрафиолетовые лучи, ни отсутствие воздуха, ни холод, ни потоки метеоритов, падающие на поверхность Луны, не защищенную атмосферой.

А кто же будет управлять машиной?

Она послушно выполнит все команды человека, сидящего у пульта управления перед экраном телевизора... на Земле. На «спине» машины есть антенна телеуправления, а на лобовой части — «телеглаз». То, что увидит перед собой машина, увидит и ее командир на Земле.

Машина эта — вездеход. Ей не страшны ни метеоритные кратеры, ни глубокие трещины, ни крутые склоны лунных гор: ведь у нее четыре гусеницы, они уменьшают давление машины на грунт и увеличивают ее проходимость.

В движение машину приводят два электродвигателя, установленные на ее бортах. Они работают независимо друг от друга. Питают их аккумуляторы, которые, в свою очередь, получают электроэнергию от солнечных батарей, вмонтированных в корпус вездехода.

Не рассказали мы еще об одном замечательном приспособлении — о «руках» машины. «Руки» эти имеют и плечо, и локтевой сустав, и даже запястье.

Представьте себе, что вездеход «Луна-1» отправился в свое путешествие по Луне. Вот «глаз» машины увидел перед собой что-то интересное: метеорит, кусок какой-нибудь лунной породы.

Человек, сидящий у пульта управления, подает команду, и стальная «рука» вытягивается, берет то, что заинтересовало ее командира, подносит к «глазу». На экране земного телевизора хорошо видно, что взяла «рука». Если находка заслуживает внимания, с Земли летит новый сигнал, и «рука» опускает ее в специальный люк.

Есть на вездеходе и «электронный водитель», который будет управлять машиной, если почему-либо прекратится связь с Землей.

На борту вездехода установлены автоматические научные приборы. Они исследуют атмосферу Луны, если она существует, излучения Солнца и многое другое.

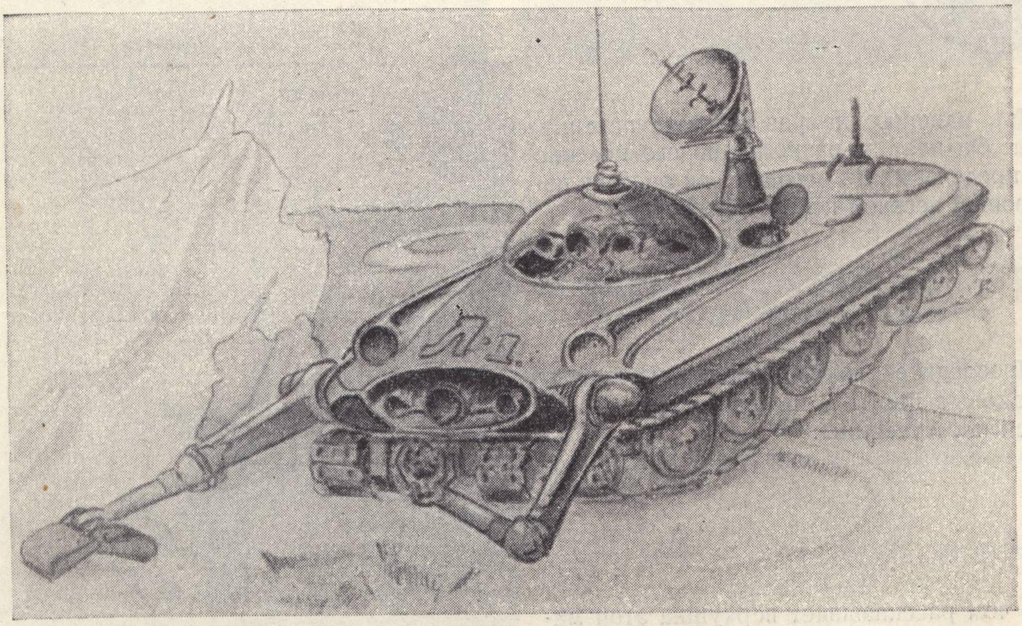
Кто же строит эту чудесную машину-автомат? Ученые, инженеры?

Нет, ее конструируют уральские ребята — челябинские юные техники.

Конечно, их машина меньше настоящего вездехода, длина ее всего лишь 1,6 метра, но работать она будет, как настоящая.

Юные техники Челябинска строят машину «Луна-1» на всесоюзный конкурс «Юные техники — Родине».

А что вы, ребята, приготовили на этот конкурс? Напишите нам, в редакцию.

КТО ИЗ ВАС НАСТОЯЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ?

КТО лучше умеет наблюдать, знает больше, ответит лучше, быстрее, подробнее?

Объявляем соревнование. В нем могут участвовать и отдельные ребята, и все звено, и даже отряд — кто как захочет, кому как нравится.

Чтобы ответить хорошо, мало читать книги, спрашивать у знающих людей, нужно самому исследовать, видеть, записывать, зарисовывать, фотографировать.

Присылайте в редакцию свои записи, фотографии, рисунки.

Победители получат премии. Ответы на первую серию принимаем до 1 августа. Присылайте их в редакцию.

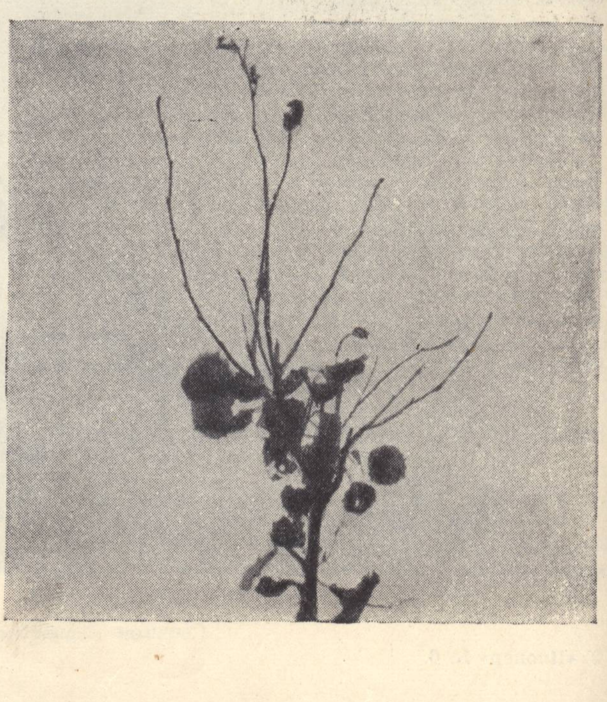
НАШИ ВОПРОСЫ
(Первая серия)

1. Кто носит этот значок? Какую цель ставят перед собой те, кто его носит? Заодно ли ты с ними?

2. Ты, наверно, не раз слышал песенку зяблика. Он поет по-разному, по его песенке можно предсказывать погоду. Как он поет перед хорошей погодой и перед ненастьем?

3. Проследите, какие бабочки посещают ваши садовые цветы и на каких растениях кормятся их гусеницы.

4. О чем рассказывает верхушка этой маленькой осинки?

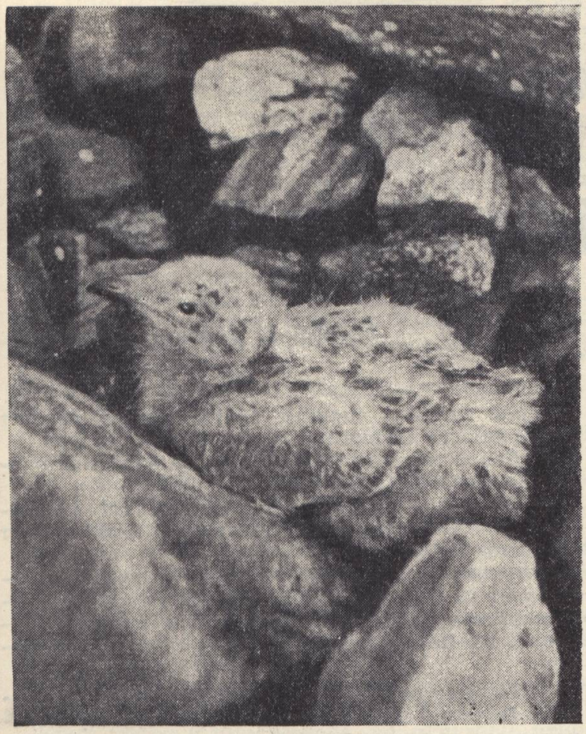

5. Кто быстрее летает: ворона, голубь, галка, сорока или воробей? Опишите характерные особенности их полета.

6. Когда пчелы берут нектар, они обычно садятся на венчик цветка, а вот как они берут нектар из цветков вики?

7. Как комнатная муха садится на стену, какое движение она делает после посадки и может ли она его не сделать?

8. От кого муравьи-скотоводы защищают тлей?

9. Почему птенец почти белой серебристой чайки (слева) имеет бурую окраску, а птенец бурого болотного луня белый?

10. В котором часу ложатся спать бабочки, летающие летом на лугах?

11. Проследите, какие из травянистых цветущих растений вашего края «засыпают» вечерами, а какие «просыпаются» и почему?

12. Какие насекомые живут в червивых грибах и что они там делают?

13. Какие ты знаешь следы диких и домашних животных (в ответе надо присылать описание и рисунки).

14. Как пьет курица, голубь, воробей? Одинаковые ли поилки им нужны? Какие кому?

15. Куда и зачем ходят муравьи из муравейника?

На золотых песках

Владимир СТЕПАНЕНКО

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

(Продолжение)

НАВИГАЦИЯ ОТКРЫТА

Катер осторожно двигался по узкому каналу. Он рыскал от берега к берегу, словно ощупывая путь. За ним тянулась баржа. Она то вдруг налетала на катер, то отставала на всю длину троса. Решено было попробовать доставлять солярку для бульдозеров по воде. Катер открывал навигацию.

И снова, как месяц тому назад, плыли вместе Ромка и Айнабад.

Ромка все еще не мог прийти в себя от счастья. Подумать только! Прилетел на вертолете, теперь плывет по каналу! Когда он расскажет Джуре, Мамеду, Ташли и Эджегиз о своем путешествии, они просто умрут от зависти. И все это Айнабад! Не упроси она Бориса Дурдыевича, не сидеть бы сейчас Ромке на носу катера, поглядывая на уходящие песчаные берега, на тихую, светлую воду.

В довершение счастья в руках у Ромки Петенькино двуствольное ружье. Он предупрежден, что вскидывать ружье и целиться нельзя. Но иногда он украдкой приподымает его и держит на весу.

Катер отошел на рассвете. Сначала плыть было чудесно. Но поднялось солнце, и песок полыхнул жаром. Даже у воды не чувствовалось прохлады. И только когда надвинулись высокие барханы, потянуло холодком.

Канал перерезал барханы. Между берегами было, как в ущелье, темно и сыро.

Свешиваясь с крутых стен, к воде тянулись бесчисленные корни трав и кустарников. Они напоминали сушившиеся рыболовные сети. Баржа то и дело задевала за берег и осыпала песок.

Впереди показался земснаряд, весь залитый сол925яркой, запорошенный песком. От него к берегу шли понтоны. На них — толстые металлические трубы, по которым гнали пульпу.

На катере взвыла сирена. И сразу же вслед за ее пронзительным воем механик катера, курносый парень в замасленной тельняшке, как бы не доверяя сигналу сирены, оглушительно свистит в два пальца и кричит:

— Давай дорогу-у! Глу-ши ма-ши-ну! Все равно зря горючее переводите!

— Не спеши ты, Соловей-разбойник! — обрывает его Петенька.— Никто тебе в пять минут понтонов не разведет.

Петеньке не нравится механик, который разыгрывает из себя бывалого матроса и то и дело закатывает рукава тельняшки, чтобы показать татуировку. Не нравятся его руки, синие от рисунков.

— Ты смотри на берег! — показывает Петенька.— Видишь, пульпа бьет? Вроде водичку перекачивают, а делают куда больше нас, бульдозеристов. Мы, как разведчики, впереди идем, а они победу решают. Кто тебе берега расширил, кто углубил фарватер?

Механик недовольно пожимает плечами: что же тогда делают эти бульдозеры, если после них остается столько работы?

— Голова, а еще механиком себя называешь! Попробовал бы ты пройти эту пустыню без воды. Первый бы взвыл. В том-то и дело, что мы ведем канал с водой. И используем самые дешевые механизмы — бульдозеры и земснаряды.

— Папа говорит, что в песке машинам трудно работать,— вмешивается Ромка.— У нас поэтому экскаватор сломался.

— Видишь, мальчик, а лучше тебя понимает!

Слышится грозная команда багера. Земснаряд лебедкой подтягивают к берегу, а потом на лодке растаскивают понтоны с трубами.

То, что катер пришел с верховьев, из самого сердца пустыни, кажется просто чудом. Петенька подробно рассказывает, как на грузовиках доставили к ним катерок и небольшую баржу. «Чудо» объяснено. Но, соскучившись по свежим людям, по новостям, строители не отпускают путешественников.

Катер стоит вплотную у борта земснаряда. Ромка и Айнабад торопливо передают команде газеты.

— Спасибо, ребята! —благодарит женщина-матрос.— Вот возьмите печенье!

От жары печенье засохло и рассыпается, как песок. Здесь, в пустыне, все засыхает. Снял сапоги — оберни мокрой тряпкой, если не думаешь сразу надевать их. А то придется выбросить.

Закончен перекур. Рассказаны новости. Все прощаются. Багер качает головой и выражает сомнение, что груженая баржа сможет пройти по каналу.

— Пройдете озеро Кара-шор — труднее будет. Там канал уже сильно зарос...

Катер вышел на чистую воду и прибавил ход.

— Папа, что это за озеро? — спросила Айнабад.

— Тут вдоль Бассага-Керкинского канала целая цепь озер образовалась. Вода для полива нужна весной да в начале лета. Осенью лишнюю воду из канала сбрасывают в эти озера. Канал тут уже давно прорыт, озера разлились, камышом обросли... Да вот сами увидите, когда мы в старую часть канала войдем...

Постепенно берега стали понижаться. Снова открылась степь, залитая солнцем.

Вдали показалась автомашина. Вот она свернула и быстро подкатила к берегу. Удивленный шофер уставился на катер. Он размахивал кепкой и что-то громко кричал.

— Поздравляет нас с плаванием! — взволнованно сказал Петенька.

Шофер постоял немного и уехал. Только рыжее облако пыли долго еще тянулось вдали.

За поворотом канала внезапно открылся большой плес. Послышались какие-то гулкие удары. Сначала глухо, а потом все громче и громче. Будто где-то били по воде вальками. Ребята в недоумении оглядывались и вдруг возле камышей увидели стаю больших птиц.

Развернувшись полукругом, птицы быстро неслись к берегу, щелкая клювами и колотя по воде метровыми крыльями.

— Это пеликаны охотятся. Рыбу загоняют,— заметил Петенька.

Крик людей и шум мотора не испугали птиц.

— Смелые, черти! — Петенька погрозил кулаком.— Знают, что в них не выстрелят!

В камышах, недалеко от катера, раздался шорох. Петенька схватил ружье. Один за другим прогремели два выстрела.

Стая уток взмыла вверх, одна из птиц упала на воду.

— Ну, как стреляю? — торжествовал Петенька и торопливо стал раздеваться.

Механик остановил катер. Петенька прыгнул в воду, вплавь догнал птицу и швырнул ее на палубу.

— Селезень! — сказал авторитетно Ромка.— Я бы тоже не промазал!

— Почему ты так любишь хвалиться? — удивленно спросила Айнабад.— Мог бы и не попасть!

— Ну-ка, давайте купаться! — приглашал Петенька.— Парное молоко, а не вода!

— Скоро остановку сделаем,— сказал механик.— Будем отдыхать на озере. Утки-то оттуда прилетели!

Было заметно, что озеро близко. Все чаще и чаще катер вспугивал уток, белых цапель, красноногих фламинго и гусей.

Вот впереди, за густыми зелеными камышами, открылась широкая полоса воды. В камышах легко можно было заблудиться. Едва катер проходил, как камыши за ним смыкались глухими занавесями.

Петенька не стрелял. Он как зачарованный смотрел на птиц. Большинство из них он видел первый раз в своей жизни. А Ромка боялся попросить ружье, чтобы не осрамиться перед Айнабад, если промажет.

Временами из воды вдруг вылетали огромные сазаны. От удара хвостом разбегались по воде круги.

— Вот бы где порыбачить Шурику! — заметил Петенька.— Кстати, не забыть бы: он просил меня купить ему лесок и крючков.

— И меня просил! — сообщил Ромка.— Я ему обещал показать, как ловить скаферинха! Эта рыба погоду предсказывает.

— Я вам сейчас руками рыбы наловлю! — пообещал механик и направил катер к отлогому берегу.— Скаферинх! — пренебрежительно продолжал он.— Вы про белого амура слыхали? Да где вам слышать! Мальков еще только-только привезли. Я сам видел, как их из пакетиков доставали. Пакетики блестящие такие, из полиэтиленовой пленки. Так вот в таких пакетиках привезли мальков. Из Пекина до Москвы они летели на самолете «ТУ-104». Потом оттуда в Красноводск тоже самолетом, а к нам, на канал, на вертолете. Трудно им, небось, пришлось в пакетиках-то: воды мало и кислорода! В канале уже много зелени завелось. Если ее не уничтожать, будет она мешать прохождению воды. Даже суда будет задерживать. А белый амур здорово истребляет зелень.

— Какую зелень? — не вытерпел Ромка.

— Да всякую. Ряску, водяную сосенку, лютик водяной, рдест, кубышку желтую. Ихтиолог нам рассказывал, что взрослые рыбы едят даже листья с деревьев. Упадет ветка в воду — они сразу объедают ее. Даже с арбузными корками за милую душу справляются. Едоки — будь здоров! Сколько рыба сама весит, столько и съедает за день. А знаете, какие они бывают? Больше метра вырастают, весят килограммов по двадцать пять! Ну-ка, опустите руку в воду!

Петенька и Ромка перевесились с катера и опустили руки в воду. И тут же маленькие рыбешки застучали носиками по их пальцам.

— Голодные попрошайки! — засмеялся Петенька.

— Надо им хлеба накрошить! — предложила Айнабад.

— Пеликанов надо бы стрелять,— сказал механик.— Пеликаны да чайки мальков уничтожают. А знаете, как белый амур по-китайски называется? Вань-юй, хуань-юй, цхоу-юй — рыба, которая ест много травы.

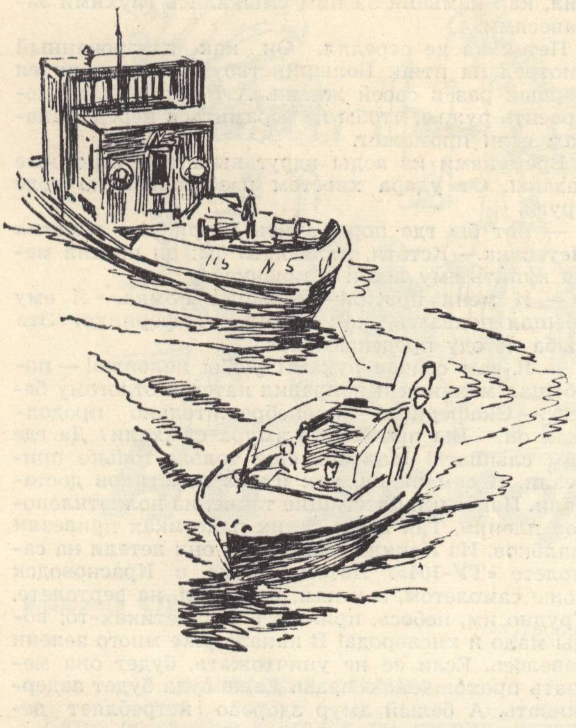
Айнабад и Ромка вслед за механиком громко повторили диковинные названия, стараясь их запомнить:

— Вань-юй, хуань-юй, цхоу-юй!

— Рома, у нас здесь нет карадрины, так мы будем у себя на канале охранять белого амура. И может быть, ты его еще будешь ловить на удочку. Я обязательно об этой рыбе Шурику расскажу,— сказала Айнабад.

Через два дня катер подходил к маленькому пыльному степному городку.

Городок жил тихой, размеренной жизнью. Раз в день на большую площадь приезжал разбитый автобус. Ему предстояло везти пассажиров на же-

лезнодорожную станцию за двести пятьдесят километров. Иногда, в базарные дни, сонную тишину городка будили колокольчики верблюдов. Это караван доставлял из пустыни в городок саксаул.

Хотя катер прибыл в полдень, на канале собралось много людей. Всем не терпелось увидеть смельчаков, приплывших из Каракумов.

Ни Петенька, ни механик, ни Борис Дурдыевич, ни Айнабад, ни Ромка — словом, никто на катере не ожидал такой встречи.

— Праздник начинается, а парадного костюма нет! — сказал механик.— Пароход пришел.

— Это корыто — пароход? Опомнись!..— Петенька взъерошил механику волосы.

Механик только пожал плечами. Что ж, пускай его катер называют как угодно, но он первый проплыл по каналу.

— Да как вам не надоест спорить? Неужели двух дней было мало? — засмеялся Борис Дурдыевич.— Я думаю, Виктор прав. Готовьтесь, Петенька, речь держать от имени строителей канала.

— Определенно будет митинг.— Механик торопливо вытирал руки.— Не забудь сказать, бригадир, что судоходство на канале открыл механик Виктор Бородачев. По отцу Акимович. Лучше сразу сказать, чтобы потом историкам не рыться по разным документам!

Едва катер успел причалить, как к берегу подкатил тупоносый вездеход. Из него вышел начальник строительства канала.

— Будем знакомиться,— сказал начальник строительства.— Пока мы здесь думали да гадали, пока инженеры высчитывали, вы новую дорогу открыли. Ну как, хорошая дорога?

— Отличная! — решительно ответил Петенька.— Нам без нее хоть в петлю головой. Решили мы чабанам помочь, а горючее режет.

— Знаю, знаю! А вы, очевидно, бригадир бульдозеристов, волгодоновец? И чабана Хаммата знаю. А тебя как, девочка, зовут?

— Меня — Айнабад, а его вот — Рома.

— Рохман! — поправил Ромка.— Так будет по-туркменски.

— Запомните, Айнабад, и ты, Рохман, этот день. В Каракумах началось судоходство.

Механик выразительно посмотрел на Петеньку и дерзко подмигнул.

— Историкам, наверное, интересно будет знать, что первый катер провел механик Бородачев Виктор Акимович.

— Наш народ этого никогда не забудет,— серьезно ответил начальник строительства.

К каналу подходили и подходили все новые люди. Колхозники из ближайшей артели пришли прямо с поля, в запыленных халатах и больших бараньих шапках.

Айнабад первая увидела красные пионерские галстуки.

— Рома, посмотри, пионеры!

— Вижу! Знаешь, как они нам завидуют! Все равно как если бы мы слетали на Луну.

— Опять ты сочиняешь!

Начальник строительства взобрался на капот машины.

— Дорогие друзья! — заговорил он по-туркменски.— Я понимаю, почему вы собрались сюда. Сегодня пришел из песков не караван верблюдов, а первый катер. Радость наполнила наши сердца. Пройдет еще немного времени — и поплывут к нам пароходы. Вода Аму-Дарьи соединится с Мургабом. Здесь бригадир бульдозеристов. Попросим его рассказать, как они работают.

Пока Петенька говорил, к Айнабад и Ромке подошли пионеры и засыпали их вопросами. Мальчики решили, что Ромка должен знать больше, и обращались только к нему. Их интересовало буквально все: как живут строители, как учатся ребята, как выглядит школа.

— Ну, чего ты молчишь? — нетерпеливо спрашивал мальчуган в цветной тюбетейке и дергал Ромку за рукав.

— А что я тебе расскажу? Я сам из колхоза приехал! — сказал растерянно Ромка. Забытое чувство зависти к Айнабад шевельнулось в груди. Ей-то есть о чем рассказать ребятам!

Мальчик в цветной тюбетейке сразу отошел от Ромки и торопливо стал расспрашивать Айнабад.

— Да, у нас есть школа. Самая обыкновенная, с партами. Поселок свой мы озеленили. Один шофер привез веточки тополя. Мы помогли ему сажать. Арык выкопали для поливки. Жалко только, веточек было мало. А какая у нас там рыбалка! — торопливо рассказывала Айнабад.— Как рыба клюет!

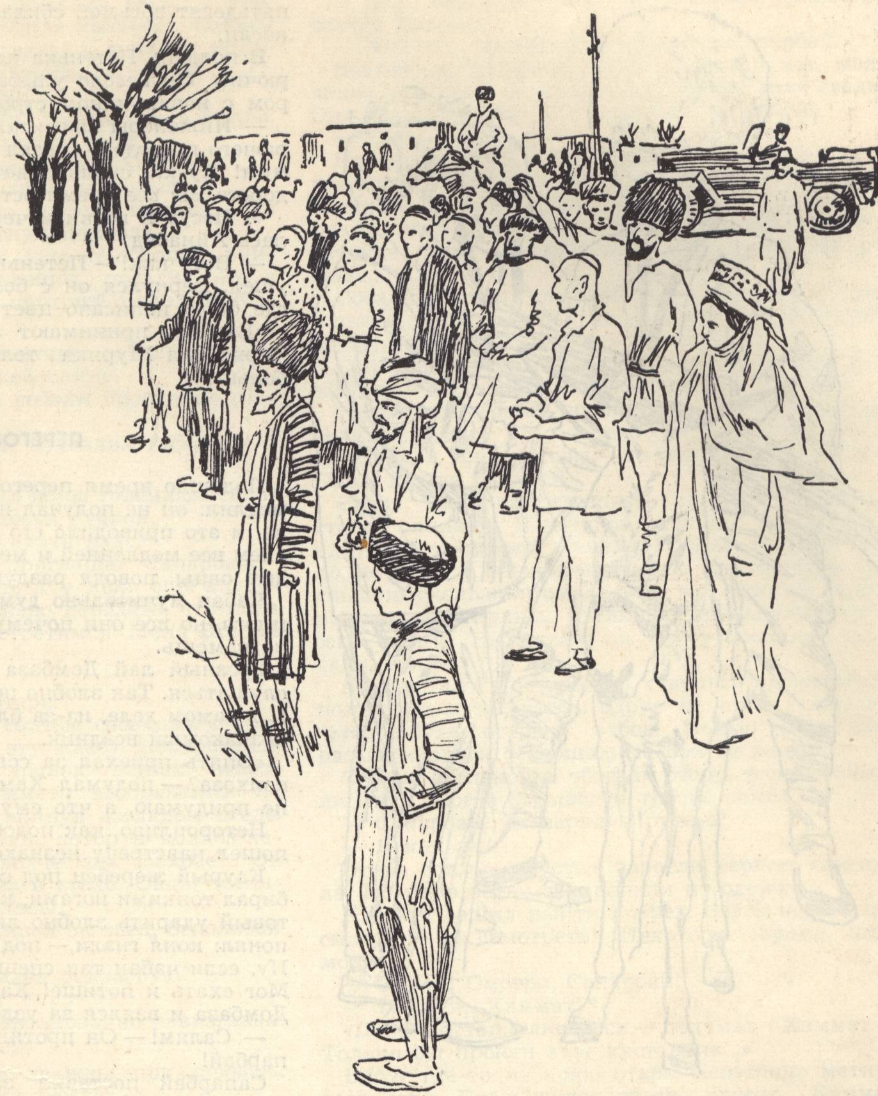
— Клюет здорово! — авторитетно добавил Ромка.— С тонкой леской лучше не выходи. Сразу сазан или сом порвет!

— Недавно Шурик Горяев поймал огромного сома. Этот сом Шурика даже в канал затащил. В нем больше двух пудов было. Шурик его в столовую отдал. Он всегда отдает, когда много поймает.

Мальчик в цветной тюбетейке подошел к Петеньке. Тот уже кончил говорить и платком вытирал пот со лба, пока начальник строительства переводил его речь.

— Скажите, это правда, что Шурик Горяев поймал сома на два пуда? — спросил мальчик.

— Если ты рыболов, обязательно приезжай к нам,— улыбнулся Петенька.— Может, и ты такого же сома поймаешь!

— На удочку?!.

— Отстань, Абаджан, от товарища бригадира,— строго вмешалась в разговор высокая, тоненькая девочка.— Можно подумать, что, кроме рыбы, нет больше ничего на свете!

— Да что ты понимаешь! Вот попробуй поймай такого сома!.. Я бы к вам на каникулы приехал. Можно?

— Приезжай. Остановишься у меня. Спроси бригадира Петра Егоровича, тебе каждый покажет.

На следующий день рано утром к барже пришли машины с солляркой. Но задолго до них около катера появился мальчик в цветной тюбетейке, Абаджан. Он видел Петеньку, который помогал шоферам прилаживать шланги для слива горючего, но не решался к нему подойти.

— Ромка, здесь твой знакомый! — позвал Петенька.

Ромка давно встал и не знал, чем заняться. Будь с ним его коробка с лесками, он обязательно начал бы ловить рыбу, но все крючки и лески он ведь подарил Раджабкули.

Ребята поздоровались. Абаджан спросил, не приходил ли кто из ребят, и сокрушенно покачал головой, узнав, что он первый: видно, проспали! А ведь уславливались собраться здесь рано утром!

В руках у Абаджана была целая охапка аккуратно нарезанных веток тополя. «Для Айнабад,— догадался Ромка.— Вот что значит жить на канале! А интересно бы узнать, охраняют ли здесь ребята поля от карадрины, ходят ли дежурить с ловушками ночью?»

— Абаджан, а что вы делаете с карадриной? — спросил он.

— Как что? Когда карадрина появляется, агроном посылает трактор опылять поля ядами.

— А мы карадрину фонарями ловили!

— Фонарями?!

Ромка стал рассказывать, а Абаджан слушал так заинтересованно, так увлеченно, что Ромка вдруг как будто со стороны увидел работу своего отряда и почувствовал себя участником большого, важного дела. Канал! Ну что ж канал! Разве ребята их отряда не связаны со строителями канала, разве у них не одна цель?!.

Из каюты вышла Айнабад.

— Айнабад, посмотри, сколько Абаджан веточек вам принес! — сказал Ромка.

— Вот спасибо!

— Я бы еще нарезал, но торопился.— Мальчик полез в карман.— А этих червей Шурику передайте... Интересно, много ли он рыбы поймает.

— Смотрю я, вы сегодня будете целый день принимать подарки,— сказал Петенька, подходя к ребятам.— Ну-ка, помогите мне. Вот вам блокнот, записывайте, сколько машин сольют горючее. А я пойду к начальнику строительства.

День выдался беспокойный. Не успели ребята записать очередную машину, как подъехал верхом на ишаке туркменский мальчик.

— Принимайте тополь! Я из колхоза «Большевик». Не видали мальчика на белом ишаке?

— Нет! А что?

— Он хитрый. Я боялся, он приедет раньше меня. Слушай, мой дедушка сказал: ветки надо завернуть мокрыми тряпками. Иначе посохнут!

Из-за бугра показался мальчик на белом ишаке. Он колотил его пятками по бокам, но ишак отнюдь не спешил.

— Это Аман! — засмеялся мальчик.— Сейчас посмотрим, что он привез?

— Кандам, ты уже здесь? — воскликнул запыхавшийся мальчик.— Вот чубуки винограда. Дедушка сказал: там, где сажают деревья, надо посадить виноград.

— Передай большой рахмат дедушке! — поблагодарила Айнабад.— Мы обязательно посадим его виноград.

Приятели простились и скоро уехали.

Между тем весть, что для озеленения поселка Карамет-Нияз нужны ветки тополя, а известному рыболову Шурику Горяеву требуются дождевые черви, передавалась в городе от пионера к пионеру.

Сначала Айнабад считала ветки, но на пятьсот пятьдесят восьмой сбилась. А ребята все несли и несли.

В полдень Петенька подъехал на машине с горючим. Он весело улыбался, довольный разговором с начальником строительства.

— Инженеры высчитали, что при перевозке горючего по воде,— сказал он,— мы здорово сэкономим! Ну-ка, сколько веточек вам принесли? По дороге мы все время встречали ребят...

— Несут и ветки и червей Шурику,— похвалилась Айнабад.

— Вот как! — Петенька засмеялся и куда-то ушел. Вернулся он с большим куском фанеры, где было написано цветным карандашом:

«Веточки принимают здесь без ограничения! Черви для Шурика только от ста граммов и больше!»

ПЕРЕГОН ОВЕЦ

Подошло время перегонять овец, а Хаммат все медлил: он не получал никаких известий с канала, и это приводило его в отчаяние. С каждым днем все медленней и медленней двигались тяжелые овцы, поводя раздувшимися боками.

Чабан мучительно думал. Знакомых на канале много, но все они почему-то молчат, не приходят на помощь.

Грозный лай Домбаза заставил Хаммата прислушаться. Так злобно пес лаял только на чужих. И в самом деле, из-за ближнего бархана вылетел незнакомый всадник.

«Опять приехал за советом чабан из соседнего колхоза? — подумал Хаммат.— Для себя ничего не придумаю, а что ему посоветую?»

Неторопливо, как подобает старшему чабану, он пошел навстречу незнакомцу.

Каурый жеребец под седоком вздрагивал, перебирал тонкими ногами, косил красным глазом, готовый ударить злобно лающего Домбаза. Хаммат понял: коня гнали,— под седлом выступало мыло. Ну, если чабан так спешил за новостями, то зря! Мог ехать и потише! Хаммат потрепал лобастого Домбаза и взялся за уздечку коня.

— Салям! — Он протянул руку гостю.— Эй, Сапарбай!

Сапарбай поставил закопченную узкогорлую медную тунчу на огонь. Ему очень хотелось послушать нового человека, расспросить его о здоровье, о делах. Он обязательно расскажет и о себе, о том, что он, Сапарбай, надумал жениться.

Всадник легко спрыгнул с коня и пустил его пастись.

Хаммат подвел гостя к костру и указал на разостланную прямо на песке кошму.

Кибитка была уже сложена.

— Собираетесь? — Всадник кивнул головой на груду мешков и хорджунов.

— Говорил я, что рано еще кибитку разбирать! — вставил Сапарбай.— Чай пьем на песке!

Всадник подсунул подушку под бок, вытянул на кошме ноги.

«Долго ехал!» — определил Хаммат. По обычаю, он не задавал вопросов, пока гость не утолит «малую жажду» и сам не заговорит.

— Хороший сторож! — похвалил гость Домбаза.

— Конь славный! — ответил любезностью Хаммат.— На скачках не участвовал?

— Два раза шелковые платки получал! Может быть, слышали о Кавлаче? Так это он!

— Я читал об этом коне в газетах!

В узком горле тунчи пробежала рябь. А уже через секунду вода стала выплескиваться. Сапарбай достал из хорджуна пиалы и заварил крепкий чай. Первую пиалу он протянул гостю.

Приезжий жадно отхлебнул.

— Я добрую весть привез. Можно гнать отары. Трактористы вывезли на дорогу воду.

— Спасибо за новость,— сказал Хаммат.

— Тебе спасибо. Это ты летал на канал.

Хаммату некогда было рассиживаться. Он быстро допил чай и свистнул Домбаза.

Пес подбежал к хозяину, уже не обращая внимания на чужого,— раз хозяин посадил его у огня, пусть сам за ним и смотрит! Дело Домбаза — овцы!

— Домбаз, живо собирай отару! — Чабан ласково шлепнул пса по широкой спине.

Домбаз, а за ним и все собаки бросились сбивать овец в кучу.

— Хороший пес! — снова похвалил гость.

— Молодой еще.

Всадник поднялся, достал из-за голенища сапога камчу с обтертой до блеска ручкой.

— Рахмат за угощение, ехать надо!

— Посидели бы еще! — приглашал Сапарбай.

— Хорошо на тое гулять. А у меня еще впереди большая дорога. Всем надо передать, что пора гнать отары. На канале встретимся. Меня Ширли зовут.

Чабан ускакал.

Хаммат направился к отаре.

Овцы тяжело дышали, сбитые собаками в тесный круг. Казалось, что эту массу движущихся тел в грязных, забитых пылью шубах невозможно сосчитать. Но Хаммат, взобравшись на высокий бархан, быстро окинул взглядом стадо. Так, а где же белолобая овца, которую колхоз недавно купил в каракулеводческом совхозе?! Он сбежал с бархана и вошел в стадо. Овцы теснились вокруг и прятали головы.

Сколько раз ни расталкивал он овец, белолобой не нашел.

— Ау, Сапарбай! Не видел белолобую?

— Нет. Разве отбилась?

Подбежал Домбаз. Он взволнованно повизгивал.

— Ищи белолобую, ищи!

Домбазу не надо было дважды приказывать. Он бросился вперед, нюхая землю.

— Сапарбай, ушла белолобая! Надо искать...

— Зачем искать, когда собака есть!

— Ладно, ты укладывайся. Я один пойду...

Чабан внимательно заглядывал под каждый куст, за высокие осыпающиеся склоны барханов, не сохранились ли где-нибудь следы овцы? Около большой норы рыжей песчанки он увидел широкий след черепахи. «Кормись, кормись! — пожелал он ей.— Скоро трава сгорит, и ты заляжешь спать в свою нору до другой весны». Много бед приносят такие норы. То конь сломает ногу, то овца. А сколько змей и разных паразитов находит в них убежище! Раскопай нору — и увидишь спрятавшуюся от жары змею — «стрелку» или кобру с широкой, плоской головой. В норах выводятся москиты. Там можно найти и клещей, которые часто нападают на овец.

Осмотрев ближайшие барханы, Хаммат двинулся назад. Уже у самой отары, спускаясь с бугра, он увидел Домбаза. Пес осторожно подталкивал лобастой головой серенького ягненка. Второй ягненок, упав на колени, сосал белолобую овцу.

— Два барашка — это к счастью,— радостно сказал Хаммат.

— Хаммат, посмотри! — крикнул Сапарбай.

Невдалеке, подымая пыль тысячами ног, медленно двигалась чужая отара. Чабаны шли сзади. Они вели за собой двух верблюдов и ишака.

— Пора и нам идти!

Наконец все уложено. Продукты — в мешках и хорджунах. Кибитка с ее кольями и кошмой привязана к спинам верблюдов. Хаммат в последний раз оглядел место стоянки. Сколько их бывает в течение года! Когда-нибудь он снова придет сюда...

Собаки подняли овец, и отара, сбитая в одно плотное тело, похожая на огромную вывернутую шубу, медленно двинулась.

Сапарбай вел за собой верблюдицу. Позади шагали еще два одногорбых верблюда.

Незаметно черным пологом опустилась на пески ночь. Огромное небо заблестело россыпью звезд. Песок был еще теплым, но воздух похолодел. Овцы пошли быстрей.

Сразу же с наступлением темноты пустыня стала оживать. В звонкой тишине раздавался вдруг короткий вой шакала. И опять все смолкало, но тишина была обманчивой. Где-то рядом неслышно скользили змеи, шли на водопой осторожные джейраны, пугливые и выносливые в беге сайги. Выходили на охоту лисицы, корсаки, волки.

Все двигалось осторожно, стараясь производить поменьше шума, чтобы вдруг не стать добычей чьих-нибудь острых зубов. Ночью в песках разыгрывались беспощадные бои за жизнь.

Собаки беспокойно обегали отару, теснее сбивали овец, иногда отрывисто, грозно лаяли.

— Сапарбай, ты зарядил ружье?

— А как же!

Отара вошла в густые заросли черного саксаула. Крепкие ветви зацарапали по одежде.

Хаммат решил выйти вперед. Здесь надо было смотреть да смотреть! Некоторое время шли молча.

— Эй, эй! Смотри, Сапарбай!

— Гоп, гоп, Хаммат!

«Пора останавливаться,— подумал Хаммат.— Только бы пройти этот кустарник...»

Вдруг где-то на краю отары испуганно метнулась овца. Послышался треск кустов. Хаммат бросился в ту сторону, но споткнулся о корень и упал.

Злобно залаяли собаки. Волки!

И тут же два выстрела один за другим хлестнули сзади, осыпая кусты картечью. Это стрелял Сапарбай.

Хаммат вскочил и, перехватив поудобнее палку, торопливо побежал на лай. Справа метнулась черная тень. Наперерез ей бросилась с низким, глухим лаем собака.

— Бери, Домбаз! Бери!!

Домбаз широкой грудью ударил волка, сшиб и навалился на него. Послышался лязг зубов. Два мохнатых тела сцепились в клубок. Чабан выхватил большой охотничий нож и бросился на помощь Домбазу.

Горячее дыхание и острый запах крови ударили в лицо. Сначала под руку чабану попал круглый лоб собаки. Затем он схватил острое ухо волка.

— Бери, Домбаз!

Домбаз остервенело рвал волку горло...

После тяжелой ночи Хаммат с радостью встре-

тил рассвет. Теперь можно осмотреть отару, пересчитать овец. Едва он поднялся с кошмы, на которую прилег отдохнуть после нападения волков, как вскочил и лежавший поблизости Домбаз. Пес хромал: лапа у него была прокушена. На лбу зияла рана с запекшейся коркой крови.

— Домбазка! — Обычно скупой на похвалы, Хаммат ласково трепал пса.— Молодчина ты, старика свалил!

Хаммат пошел по следу. Вот и место, где на хищника бросился Домбаз. Песок перерыт острыми когтями, залит кровью. Кругом клочья выдранной шерсти, Домбаз зарычал.

— Тихо, тихо, Домбаз!

Два натоптанных круга на взбитом песке рассказали, что волк долго оборонялся, кружил, присев на задние лапы, готовый к стремительному прыжку.

С громким криком с соседнего куста соскочила саксаульная сойка — чурчири. Эта птица всегда показывает дорогу шакалам, пожирателям падали! Значит, волк там.

Домбаз медленно, с достоинством, как подобает победителю, направился к кусту. Волк лежал там, большелобый, с черными острыми ушами.

Такого огромного волка Хаммату еще не случалось видеть. «Может, пришел из Казахстана? — подумал он.— Напугали тракторы на целине!» — Хаммат опустился на колени и принялся снимать шкуру.

Свернув ее, сырую, пахнущую кровью, и вскинув на плечо, Хаммат пошел искать следы других волков. Сапарбай застрелил волчицу. Остальные убежали. Волки нападали стаей. Хорошо, что отделались одной овцой.

И снова овцы двигаются по пескам. И снова справа и слева от них идут зоркие и верные сторожа — овчарки. И как всегда, впереди отары — Домбаз. Он сильно хромает, но никому не уступит своего места.

Изредка Хаммат останавливался, доставал из кармана свернутую карту с маршрутом и смотрел на нее. Идти надо было все время на север. Чабан ориентировался не по компасу, а по очертаниям кустов, по расположению нор песчанок. Точное направление показывали и барханы: пологие склоны их всегда обращены на север.

Пока Хаммат разглядывал карту, Сапарбай не спускал с него глаз, горячо дышал ему в затылок, проникаясь все большим уважением к старшему чабану.

На третий день собаки стали нюхать землю и повизгивать. Сапарбай нагнулся и увидел на такыре отпечатки острых копытцев — джейраны!

— Скоро вода.

Вода, как магнит, притягивала к себе всех обитателей пустыни. Давно чабаны не видели столько следов. Тут пробегали лисицы, корсаки, зайцы. Ящерицы пропахали в песке бесчисленные дорожки. И все следы тянулись в одну сторону.

Прошло еще немного времени, и вдруг овцы сорвались и побежали. Поднявшись на очередной песчаный гребень, чабаны увидели впереди большую белую цистерну.

Подойдя к цистерне, Хаммат увидел на ее крутом боку четкую надпись:

«Хаммат, мы ждем на канале. Айнабад!»

— Скоро буду! — громко сказал старший чабан. Он открыл сразу все четыре крана цистерны и, не отрываясь, смотрел, как вода льется в приваренное снизу длинное корыто.

Овцы жадно бросились пить.

(Окончание в следующем номере.)

(Окончание в следующем номере.)

МАСТЕР

Очерк Е. МАНУЧАРОВОЙ

Мартирос Сергеевич Сарьян, народный художник СССР

У Сарьяна есть одна небольшая картина. Она никак не называется и висит не в музее, а в комнате его сына. На картине полоса пшеничного поля, зажатого между темными горами, суровыми и прекрасными, и таким же иссиня-черным, как горы, обрывом. Солнце еще не появилось из-за гор, его лучи только высветлили небо над горами и, пробившись в ущелье, осветили полоску поля. Сейчас солнце появится. Ночь отступает. Свершается огромное ежедневное чудо. Свет побеждает.

Всякий, кто хоть раз побывал в Армении, знает, какого труда стоит здесь людям каждый клочок земли, как приходится отвоевывать землю у скал, убирать с нее камни, как трудно в горах тракторам.

Маленькая картина Сарьяна — солнце на возделанном поле — это прославление труда, прославление жизни.

В Армении знают цену труду и любят мастерство. Наиболее уважаемых людей называют там «варпет», что значит «мастер». Варпет урожая, варпет кисти, варпет слова... Но когда говорят без имени и без профессии, просто Варпет, каждый понимает: это о Сарьяне. Вы можете остановить на улице Еревана любого человека и спросить: «Как пройти к дому Варпета?»,— и вам тотчас покажут. А если вы вышли вместе с Сарьяном из дому, то чуть не каждый встречный поклонится ему: «Здравствуйте, Варпет». И в этом обращении, в этом втором имени, которым наделил художника народ, признание его таланта и уважение к его всемирной славе и любовь к нему как к человеку.

Когда Сарьяна спрашивают, что ему чаще всего вспоминается из детских лет, он говорит: «Солнце. Запах земли. Собаки на хуторе. Коровы. Каким было утро. Каким был вечер. Какой была степь».

Природа — вот самое сильное впечатление его детства. Он жил тогда с отцом на маленьком хуторе в донской степи, близ города Нахичевани.

Сейчас Мартиросу Сергеевичу Сарьяну восемьдесят лет. Начал он рисовать с пятнадцати.

Окончил училище и поступил на работу в контору по подписке на газеты и журналы. В контору приходили люди, сменялись разные лица, и мальчик старался каждое воспроизвести на бумаге.

Портрет революционера А. Ф. Мясникяна, первого председателя Совнаркома Армении. Внизу — рисунок к картине «Встреча Пушкина с телом Грибоедова», а на следующей странице — зарисовка военных лет: у разъезда под Сталинградом.

Однажды он нарисовал старика, который часто бывал в конторе. По несчастной случайности тот на следующий день заболел и был убежден, что виноват в этом рисунок. Он суеверно считал, что не поправится, пока рисунок не будет уничтожен. Мальчика заставили порвать рисунок и запретили рисовать в конторе.

Это было настоящим большим горем. В семье поняли, что для мальчика рисование — это жизнь. Решено было отправить его учиться в Москву.

В 1903 году Сарьян блестяще окончил Московское училище живописи и ваяния, а потом еще год учился в мастерской Валентина Серова и Константина Коровина, замечательных русских живописцев.

Когда картины Сарьяна впервые появились на выставке, они ошеломили публику необычайными красками, горением цвета. Так еще никто не писал.

К сожалению, по репродукциям, которые вы увидите здесь, нельзя судить о красках сарьяновских картин. Представьте себе, что вы знаете звучные стихи Пушкина только по содержанию, которое вам пересказали. Репродукция — это лишь пересказ картины.

Когда будете в Москве, в Третьяковской галерее, или в Ленинграде, в Русском музее, посмотрите там картины Сарьяна.

Многие люди, приехав в Ереван, спешат в мастерскую Сарьяна, чтобы увидеть его новые работы. Спешила и я.

Это было в ненастный день. Мне все сочувствовали, огорчались, что я так неудачно приехала в Армению: увижу картины Варпета в плохом освещении.

В передней я стряхнула капли дождя с плаща и поднялась в мастерскую.

Открылась дверь — просторная высокая комната была залита солнцем. Оно горело на прямоугольниках полотен. Под его лучами сверкали картины. Невольно я повернулась к окнам: нет, за окнами все так же лил дождь. Это на полотнах, остановленное волшебной кистью Варпета, яркими, звучными красками светило солнце.

Глядишь на картины Сарьяна — и уходят

куда-то огорчения. И серый день. И усталость. Ты видишь только эти краски, этот свет и воздух, эту прекрасную землю. Ты переживаешь какую-то сложную, интересную жизнь. Ты понимаешь что-то самое важное в природе. И в себе самом. Так приходит счастье — ни отчего; и оттого, что ты понял; и от красоты, которую видишь; и оттого, что живет на свете этот великолепный мастер, властью искусства заставивший тебя быть счастливым.

Да, картины Сарьяна рождают ощущение счастья. Почему так происходит?

Потому ли, что на его картинах изображена прекрасная природа? Но ведь и у Левитана его щемящие душу перелески, его тихая вода, его серое небо тоже прекрасны. Почему же они рождают другие чувства, другое настроение, тоже возвышенное, только скорее грустное?

Но, может быть, у вас картины не создают вообще никакого настроения и вы рассматриваете только, как на них нарисованы предметы, насколько они похожи? Если так, то боюсь, вы еще не научились смотреть картины. Ничего. Если вы их любите, вы обязательно этому научитесь, научитесь видеть в картинах не только сюжет, но и нечто большее.

Это большее — душа художника, которую он отдает вам, его радости, его печали. И они тем слышнее, чем талантливее художник, чем больше чувства он вложил в свои картины.

Сарьян любит природу страстно и рассказывает о ней с увлечением, с радостью. Он говорит, что природа — его дом и его утешение, что его восторг перед природой больше, чем перед искусством, потому что природа богаче и прекраснее, чем все, что может создать искусство.

Любимая гора Варпета — Арарат. Он пишет ее в различные времена года, с разных точек, в разное время дня. Я спросила:

— Вам нравится писать одно и то же?

— Ничуть не нравится.

— Но Арарат...

— Так разве это одно и то же? Он другой каждый раз.

На картинах Сарьяна Арарат тоже каждый раз другой. Варпет знает горы Армении так, будто он сам создал их. Геологи шутят, что, поглядев на пейзажи Сарьяна, можно определить, какие в этих местах ископаемые. Так велика правда его полотен.

Посмотрите картину «Армения» (вы увидите ее на цветной вклейке). Здесь

образ страны, с ее благодатным теплом, с ее суровыми горами, на которых солнечные лучи оставили все краски спектра, с ее красивыми, трудолюбивыми людьми.

Армения такая, какой увидел и показал нам ее Сарьян. Но не ищите в Армении место точь-в-точь, как на этой картине. Вы не найдете его (художник — это не фотограф). Сарьян рассказывает о жизни и о природе новое, то, чего вы сами не узнали и, может быть, не поняли. Он обостряет увиденное, усиливает и сводит воедино. Благодаря этому вы проникаете как бы в самую душу страны.

Сарьян тщательно продумывает свои картины и четко отбирает детали, оставляя только самое необходимое. «Моя цель,— говорит он,— простыми средствами, избегая всякой нагроможденности, достигнуть наибольшей выразительности». И он достигает. Посмотрите картину «Пальма» (она тоже на цветной странице). Низенький домик, тяжелый веер опущенных листьев, презрительная морда верблюда, две сидящие фигуры. И раскаленный воздух. Вот и все. Но это портрет Египта. Таким он был в начале века — страной отсталой, с замедленным ритмом жизни. Та-

На этих двух страницах — мгновенные зарисовки с натуры: ашхабадский базар, туркменские девочки и ковровщицы.

ким его увидел Сарьян во время своего путешествия.

Каждый пейзаж Сарьяна — это рассказ о стране, о природе. И вместе с тем это рассказ о самом себе, о своем взгляде на мир. Вы никогда не спутаете его работу с холстами, написанными в прошлом столетии. Сарьян видит мир как человек именно нашего века.

В прошлом году Сарьян писал скалы Вайоцдзора. Он поднимался туда с экспедицией ботаников, искателей вымирающих растений. Раз взглянув на эту картину, уже не забудешь ее. Рыжая земля, рыжие и розовато-сиреневые, странной формы каменные громады. Это не те горы, на которых человек расчищает поле под виноградник, не те горы, на которые он гонит стада. Перед вами кусок планеты, могучие складки земной коры. Глядя на них, вдруг начинаешь думать о тех гигантских силах, которые смяли землю в эти складки и которые живы еще и сейчас. И ты чувствуешь, что так нарисовать эти скалы мог только человек нашего времени, человек космической эпохи, который в мыслях видит всю землю целиком, видит как одну из планет. И понимает ее. И любит.

Рядом с этой картиной в мастерской стоит портрет девушки — начальника той самой экспедиции ботаников. На девушке желтое платье. Оно освещено солнцем. Скалы, составляющие фон портрета, почти того же цвета, что и платье, но на них нет солнца, и неожиданно это дает ощущение контраста. Один тон будто ударил другой и высек ослепительные искры.

Природа и человек — вот что интересует Сарьяна, вот о чем он рассказывает. Его мастерская заставлена портретами. Сарьян пишет людей самых разных: разных возрастов, разных профессий, разных характеров. Он не льстит своим моделям, и перед ним трудно спрятать истинный характер. Поэтому всегда его портреты вызывают интерес к людям, которых он нарисовал, всегда раскрывают их внутреннюю жизнь. И даже по зарисовкам, сделанным на заседании (чей-то профиль, затылок, чьи-то руки), можно угадать: вот упрямый, а вот ленивый, а вот добрый человек.

Я видела, как Сарьян писал портрет. Портрет одного из своих старых знакомых. Он выбрал место, позу для модели, краски для палитры, сел за мольберт... И тут оказалось, что позирование в обычном смысле ему совершенно не нужно. Он хотел, чтобы модель двигалась, разговаривала, словом, совсем забыла о портрете. Он хотел видеть модель естественной.

И вот на холсте стал рождаться человек. Сперва лицо было очень похоже на того, кто позировал, но как бы совсем без характера и гораздо моложе. Постепенно оно менялось, на нем одна за другой проступали черты характера. Вот лицо стало добрым, вот чуть надменным. Потом появилось некоторое легкомыслие, жизнелюбие, потом их перекрыла, не скрывая, однако, совсем, мечтательность.

«Цвет лепит предметы»,— говорил известный французский художник Сезанн. Краски Сарьяна ложились на холст, и каждый удар кистью лепил все более точно форму лица. Оно становилось старше, выражение его — все более сложным.

Человеку, которого писал Сарьян, надо было уходить. Сеанс прервался. Художник остался у неоконченного портрета. Види-

мо, четыре часа работы прошли для него незаметно. Ему не терпелось продолжать.

— Я мог бы сегодня кончить портрет. Но как писать без модели? Вот некоторые говорят: «Неважно, похож портрет или не похож». Как же неважно? Тогда не называй портретом! Не сажай перед собой человека. Зачем ему сидеть, если его лицо тебе не нужно? Нет, взялся писать портрет, так покажи именно через эти внешние черты душевные качества именно этого человека: его особенности, его характер, его отличие от других. Самое интересное в людях — это своеобразие каждого. Никто ни на кого не похож, как не бывают похожи две жизни, даже идущие рядом. Каждый переживает все по-своему, и это оставляет на лице следы, лепит лицо. Внутреннее выражается во внешнем. Характер и душа — в лице.

Разговаривая, он что-то энергично делал с портретом, далеко выбрасывая вперед руку с кистью.

— Ну вот, и на душе легче стало,— сказал он вдруг.— Конечно, здесь должен быть синий. Поглядите.

Он работал над фоном портрета. Фон был пестрым. Сарьян посадил модель в мастерской, среди своих картин.

— Зачем? Почему на фоне картин?

— Я люблю, когда у портрета фон беспокойный. Ведь так и в жизни: все в движении, все в беспокойстве. Колеблется воздух, меняются краски. Нет постоянного цвета: в каждом цвете много тонов. Нет постоянного освещения: оно все время меняется. В этом вечном движении красота.

Художник должен ее раскрыть. Поэтому нужен беспокойный, как бы вибрирующий фон, он поможет передать трепетность света и воздуха. Делать спокойный, неподвижный фон теперь невозможно. В старинных портретах это прекрасно. Но наша эпоха — это эпоха прежде всего движения, и писать теперь нужно совсем по-иному.

Сарьян требует от искусства чувства и разума.

В каждой его картине необычайно глубокий замысел. Вот почему каждая говорит о большем, чем то, что на ней нарисовано.

Однажды он рассказал о теме новой картины и о том, как эта тема родилась. Возвращаясь домой, в Ереван, самолетом, художник смотрел на проплывающие внизу горы и увидел тучку, прилепившуюся к горе. А под тучкой селение, и там идет дождь. Он подумал: жителям селения кажется, что дождь идет повсюду. А на самом деле сверху видно, как вокруг солнечно, как мала тучка.

Это очень характерный для Сарьяна замысел. В каждом маленьком кусочке природы он помогает вам почувствовать весь широкий мир.

И дело тут не только в том, что пишет Сарьян, но и как он пишет.

Знаете ли вы, что в пении зовется кантиленой? Это звуки, которые как бы вытекают один из другого, они не прерываются, не слышатся каждый порознь, а звучат единым целым.

Картины Сарьяна, как песня. Пятна цвета сменяют друг друга, точно звуки в кантилене, сливаясь в яркий поток. И взгляд, следя за ними, уходит в солнечный простор картины, в ее ширь, перешагнув раму, забыв про нее.

...Быть может, для художника не обязательно быть щедрым, гостеприимным, добрым. Но Сарьян такой. И он именно такой, каким обязательно быть настоящему советскому художнику. Он любит жизнь, любит людей. И люди любят Варпета.

В его доме не успевают закрываться двери. Приходят знакомые и незнакомые, старые и молодые, приезжие и живущие рядом, на соседней улице.

Знают дом Сарьяна и пионеры. Они маршируют сюда, чтобы провести, например, сбор, посвященный его творчеству. И вот ребята читают Варпету стихи, которые сочинили для него, поют ему народные песенки, танцуют. Здесь встретишь художников, приехавших из других стран, музыкантов, поэтов, ученых, рабочих.

Каждый день в дом Сарьяна приходит большая почта. Письма от самых разных людей. Молодой солдат посылает ему портрет своей невесты. Изобретатель сообщает о своей идее. Старый колхозник просит: «Варпет, пришли мне на память кисть, которой ты пишешь свои картины». Пионеры из Харькова рассказывают ему, как у себя в школе они устроили музей Сарьяна.

И нет такого письма, такой просьбы, нет такого вопроса, на которые бы он не откликнулся дружеским словом, а где надо,— то и делом.

Но, разумеется, особенно любят к нему приходить молодые художники. И когда однажды у него спросили, чего он хочет от молодежи, какие качества ему особенно дороги, он ответил:

— Искренность. Прежде всего и больше всего. Если человек искренен и много трудится, все придет к нему. Он сумеет найти самого себя. Я думаю, ни один человек не рождается плохим. Но задача человека — день ото дня становиться лучше. И тут нельзя быть к себе снисходительным, нельзя делать себе поблажки. Труд художника — нелегкий труд. Вот перед тобой полотно, и ты должен сделать так, чтобы полотно исчезло и появилась жизнь, и нужно знать эту жизнь, раз ты взялся показывать ее людям. Иначе победит пустое полотно: ты замажешь его красками и все равно не покажешь жизни. Полотно, хоть и раскрашенное, останется пустым. Но искренний и трудолюбивый художник всегда послужит своему народу, своей стране. И в этом его счастье.

В этом счастье и самого Варпета.

Одна из иллюстраций М. С. Сарьяна к поэме Фирдоуси.

ПЕЙЗАЖ. АРМЕНИЯ. М. Сарьян.

ЮЖНАЯ ЗИМА. М. Сарьян.

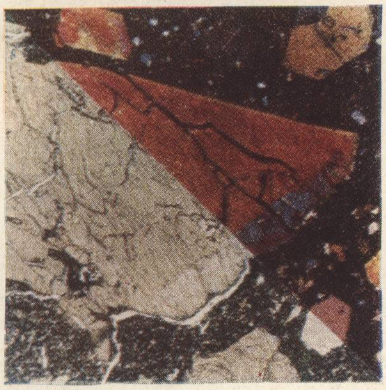
МИНЕРАЛЫ

Кварц и полевой шпат

Эгирин

Авгит

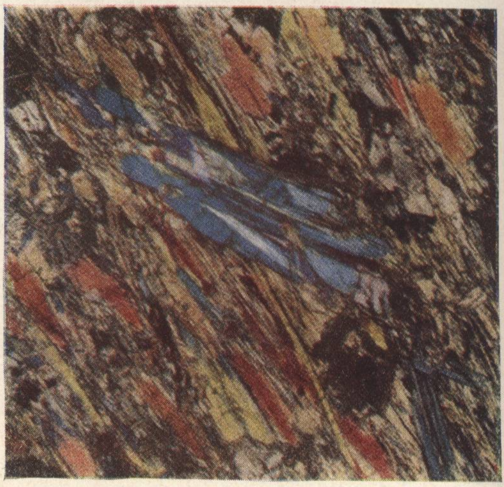

Золото и свинцовый блеск

ГОРНЫЕ ПОРОДЫ

Песчаник

Сланец

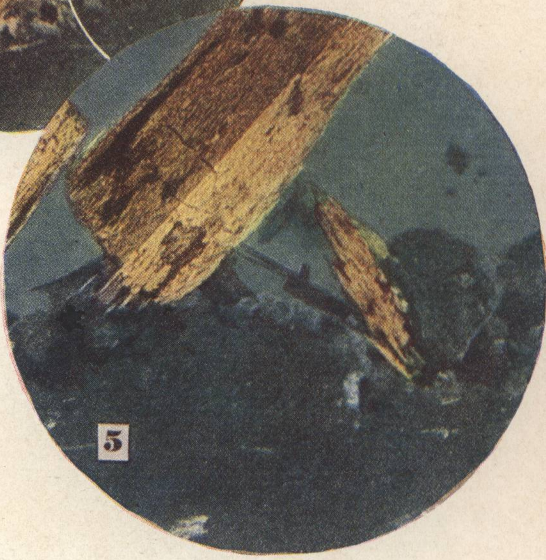
Дунит

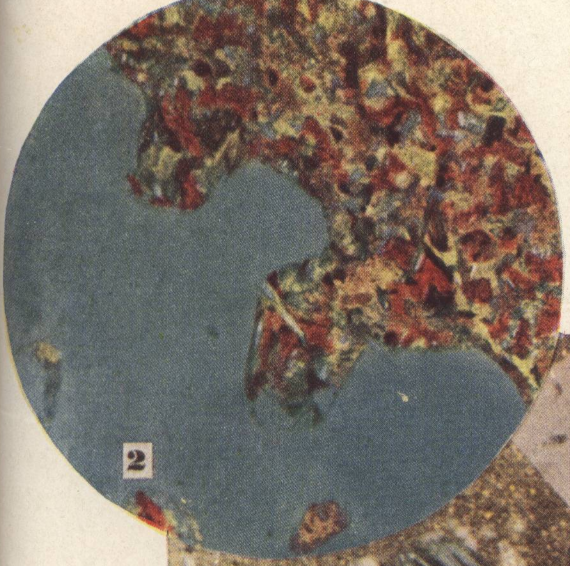

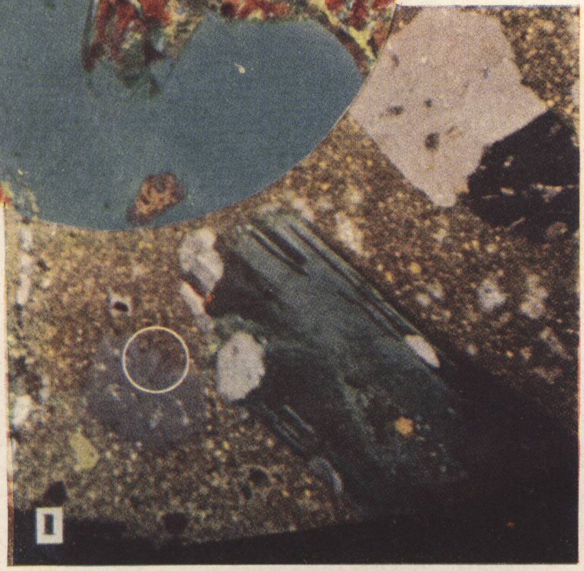

Камни под микроскопом. Вот какой необыкновенный мир открывается человеческому глазу, когда тонкие пластинки, шлифы, сделанные из самых обычных, знакомых всем горных пород, например, гранитов или песчаников, попадают на предметный столик микроскопа.

На левой странице помещены «фотопортреты» различных пород и минералов. У минералов портреты составные: одна половина их снята в обыкновенном свете, а другая — в поляризованном. Видите, как резко меняется их окраска? Это свойство минералов помогает геологам узнавать их и отличать друг от друга.

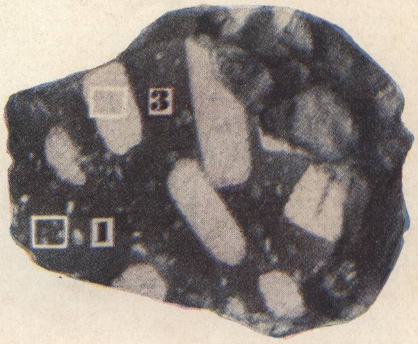

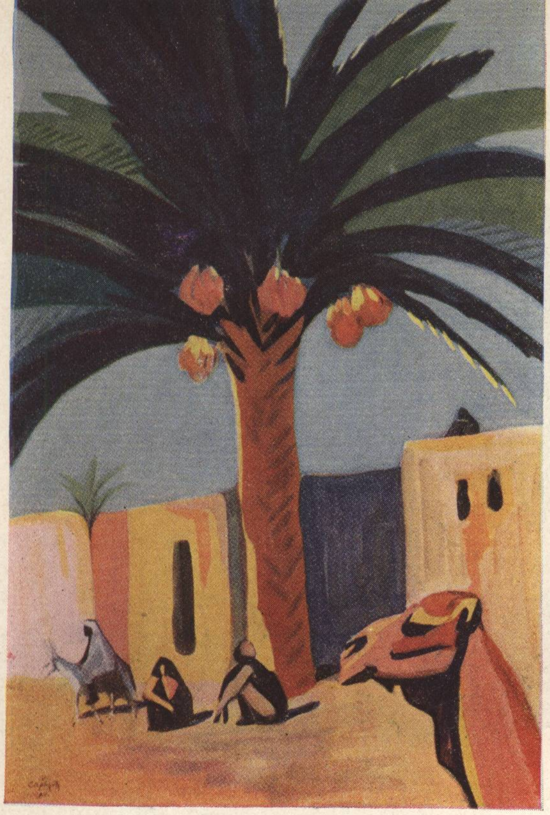

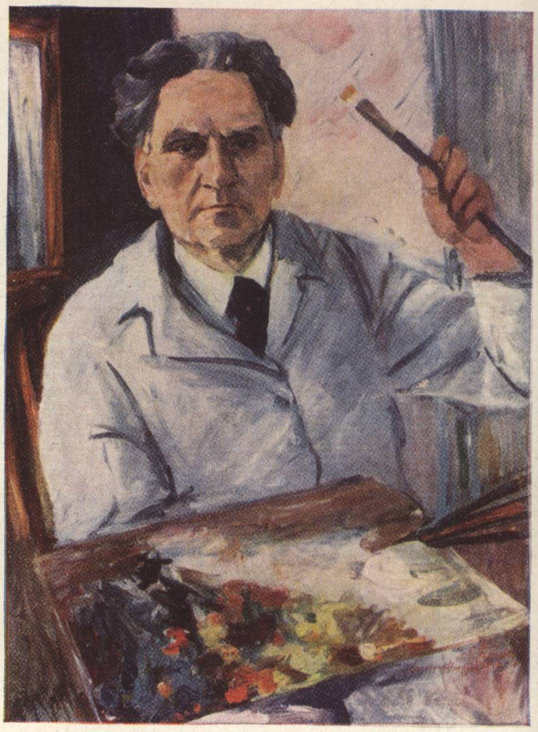
Фотографии на этой странице показывают, как микроскоп помог геологам разгадать загадку черного камня, золотоносной дайки. На снимке внизу — обломок этой дайки. На нем квадратиками обозначены места, откуда взяты образцы для шлифов. Рядом первый шлиф под микроскопом, а выше, при еще большем увеличении, та часть его, которая обведена кружком. Изображения третье, четвертое и пятое показывают, как микроскоп последовательно раскрывал подробности в строении загадочных вкрапленников.

О том, какую же историю рассказал камень, прочитайте в очерке А. Шмидта «О чем говорят камни».

ФИНИКОВАЯ ПАЛЬМА. ЕГИПЕТ. М. Сарьян.

АВТОПОРТРЕТ. М. Сарьян.

БАЗАР. М. Сарьян.

ПЯТЬ ТОПОЛЕЙ

Деревья растут быстрее, чем люди. В этом Юра Рождественский убедился на собственном опыте.

Два года назад посадил он во дворе тополь. Впрочем, тогда это был лишь хилый и тонкий прут.

— Разве из такой палки выйдет что-нибудь? — смеялись ребята.

И зря смеялись... Деревце оказалось живучим и упрямым. За два года сам Юра подрос всего лишь на несколько сантиметров. А тополь, будто его кто-то за макушку тащил, вон какой вытянулся!

Хороший пример заразителен. Рядом с Юркиным деревом встали еще четыре тополя.

Но свой Юра считает особенным, потому что посадил он его в тот самый день, когда наконец белодворцы помирились с чернодворцами. Еще не подружились, нет, а только заключили перемирие...

О ТОМ, КАК ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Белодворцы и чернодворцы... Кто это? Закованные в латы рыцари? Герои Вальтер Скотта?

Нет. Обыкновенные ребята. И жили они не в мрачную пору средневековья, а в наше время. Жили в Воронеже, на одной и той же улице — Плехановской — и даже в одном и том же доме № 1.

Дом построили не сразу. Сначала одну половину, потом другую. И к тому времени, когда строительство закончилось, одна половина двора уже преобразилась: обросла кустарниками, обзавелась газонами, клумбами, скамейками. А на второй было пусто и голо. Только мусор да битый кирпич. Получилось как бы два двора в одном. И называть их стали по-разному: белый двор (это зеленый и чистый) и черный двор (голый и грязный). А соответственно и жителей тех подъездов, что выходили на черный двор, называли чернодворцами, а тех, что на белый двор,— белодворцами.

Трудно сейчас вспомнить, из-за чего именно началась вражда: то ли белодворцы загордились, задрали нос, то ли чернодворцы чего-то натворили. Но война была жестокой. Ребята-белодворцы лупили чернодворцев, чернодворцы совершали лихие набеги на территорию противника и допускали там, как говорил участковый уполномоченный, действия, граничащие с хулиганством.

А помирил их дядя Вася — Василий Александрович Корнеев, полковник запаса. Он не грозил, не уговаривал, не обещал привлечь к ответственности и подвергнуть штрафу. Просто однажды вышел во двор с книгой, присел на ступеньках и крикнул:

— Эй, вояки! Кто хочет про настоящую войну послушать? Идите сюда!

Подошли. Так, из любопытства. Интересно все-таки...

Но книжка оказалась и впрямь захватывающей. Целый час белодворцы сидели рядом с чернодворцами и слушали. Они просидели бы больше, но вот досада: на самом интересном месте дядя Вася вдруг замолчал, поднялся...

— Остальное завтра...

И завтра и послезавтра противники сидели рядом и слушали. Тихо, внимательно слушали. И надо же: Витька Торопов, один из главарей белодворцев, не выдержал, сцепился с кем-то. Кого-то он щелкнул по голове, кто-то его толкнул ногой — знаете, как это бывает? Словом, завязалась драка.

Дядя Вася не стал ни разнимать драчунов, ни уговаривать. Он нахмурился, закрыл книжку и негромко сказал:

— Больше читать не буду.

И ушел.

Если бы книжка была не такой интересной, если бы ребятам не захотелось поскорей узнать, а что же дальше, может быть, тогда с Витькой ничего бы и не случилось.

А случилось такое, от чего даже он, видавший виды вояка и задира, долго не мог оправиться. Ну попало ему от чернодворцев! Понятно: старые недруги. Но свои! Свои не защитили, не поддержали, а добавили... Этого Витька не мог понять.

Говорят, это была последняя битва. После нее началось перемирие. И тогда-то дядя Вася предложил:

— Знаете что? Давайте-ка посадим во дворе тополь!

— Тополь? Зачем? — недоумевали ребята. Но дядя Вася молчал, только усмехался. Не стали спорить. Посадил Юра Рождественский первое деревце. А зачем и для чего посадили тополек, об этом ребята после узнали.

А СЕЙЧАС О ТОМ, КАК НАСТУПИЛ НАСТОЯЩИЙ МИР

Но перемирие — еще не мир. Притихшие противники, правда, уже не дерутся, но и дружбы особой тоже не видно. Что делать? Чем заняться? Думает дядя Вася. Думают члены вновь созданного штаба.

Галя Могилевская говорит:

— Надо нам какое-то дело затеять. Чтобы всем интересно было, чтобы подружились ребята...

Верно. Но какое?

— А давайте все вместе по утрам зарядкой заниматься. Прямо во дворе! — предложил Боря Богданов.

Рано утром запел горн. Горнист Саша Краскенкер созывал на первую зарядку. Выбежали из подъездов Люся Некрасова, Боря Богданов, Гена Андриянов, Валерий Титов, Галя Могилевская, Римма Овчинникова — все члены штаба собрались. А остальные?

Распахнулось на третьем этаже окно, высунул взлохмаченную голову Саша Пономаренко, скорчил рожицу, помахал рукой.

Еще кто-то сверху ехидно выкрикнул:

— Физкульт-привет!

Что делать? Расходиться?

— Нет, начнем, — скомандовала Римма Овчинникова, инструктор физкультуры.

...Через некоторое время во дворе посадили второй тополь. И было это в тот день, когда на зарядку выбежали все ребята.

КАК ВАЛЯ ПАНТЕЛЕЕВА СТАЛА ХОРМЕЙСТЕРОМ

Организовать хоровой кружок поручили Валере Титову. Валера — человек немногословный, но решительный, а главное, исполнительный и безотказный. Чего ни поручи — сделает. Попросили создать волейбольную команду — выполнил. Велели собирать металлолом — одних старых примусов штук десять притащил.

И сейчас Валера сказал:

— Будет.— Сказал и прикинул: «Хор — значит, человек двенадцать надо собрать. Ну, ладно, созовем». И уверенно добавил:

— Считайте, что уже есть ваш хор.

Но оказалось, что от «будет» до «есть» — большое расстояние. И не так-то просто его пройти.

Ребят Валера действительно созвал. Кого уговорил, кого за рукав притащил в красный уголок.

— Давайте петь!

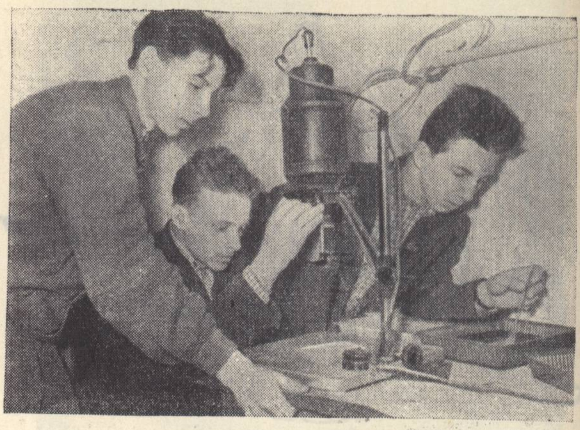
— Петь? А чего?

— Ну, песню какую-нибудь. Только все сразу, чтобы хор был.

— А может быть, лучше радио включим,— предложил Саша Пономаренко.

— Или радиолу заведем,— съязвил Боря Богданов,— пластинки хорошо поют.

— Хватит,— отрезал Валера.— Ну, давайте...

Толя Лагутин, Сережа Клычников и Юра Ягло целыми днями пропадают в фотолаборатории.

И первый начал:

По улице шагает веселое звено...

Ребята молчали, только перемигивались и усмехались.

— Ну чего же вы,— обиделся Валера,— подпевайте! А может, песня не нравится? Тогда давайте другую. Ну вот эту...

Путь далек у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди...

Три-четыре голоса подхватили. Но расхохотались почему-то и бросили.

— Не выйдет у нас...— протянул Боря Богданов.

— Почему же?

— А потому, что надо сначала разучить — до, ре, ми, фа, соль... И дирижер нужен.

— Чего? — нахмурился Валера. — Дирижер? А без него нельзя?

— Нельзя,— авторитетно изрек Боря.

Дела складывались плохо. О до, ре, ми и прочем Валера имел смутное представление. Петь ему нравилось просто так, когда настроение.

Что же делать? Отказаться? Не такой человек Валера.

Он рассудил:

— Конечно, все эти до, ре — штука сложная, не какие-нибудь примусы. Но ведь и примусы нелегко было раскопать.

И вот тогда-то Валера вспомнил, что одна из его соседок, Валя Пантелеева, и поет и даже в музыкальную школу ходит. Вспомнил и тут же направился к ней.

— Ты серьезно петь умеешь?

— Нет,— ответила удивленная Валя и подозрительно покосилась: «Чего это он?»

— У-у...— разочарованно протянул Валера.— Ну хоть играть-то на чем-нибудь умеешь?

— Умею. На пианино.

— Хорошо. А до, ре, ми знаешь?

— Знаю.

— Молодец! Выручай. Понимаешь, хоркружок надо создать. Я отвечаю. А я, ну, понимаешь, я... Согласна?

Вот так Валя стала хормейстером. И под ее руководством вновь созданный хор скоро разучил несколько песенок и выступил с ними на празднике двора. Все хлопали певцам. А больше всех Валера

Титов. К тому времени он уже создавал другой кружок — драматический.

И вот появился во дворе еще один тополь, третий по счету. В честь командиров кружков и секций. Тех, про кого Валера Титов говорил:

— Мои кадры. Я подобрал.

КАК ИЗ КУКУРУЗЫ ВЫРОС ТОПОЛЬ

Четвертый тополь совсем особенный. Про него говорят, что он вырос из кукурузы.

Однажды пропали Гена Андриянов и Игорь Матросов. Никому ничего не сказали, встали утром и ушли.

— Секретничают,— разозлились ребята,— ну и пусть!

А наутро оказалось, что ходили они в колхоз, который километрах в двенадцати от города.

— Знаете, что мы придумали? — рассказали они ребятам.— Собраться нам всем и на несколько дней туда — поработать! Мы уже договорились. Председатель сказал: «Давайте».

Со знаменем, с горном, с палатками за плечами шли ребята в колхоз. Лагерь разбили в большом фруктовом саду. Пять дней выходили в поле, пололи кукурузу, а когда вернулись домой, посадили во дворе четвертый тополь. И говорили всем, что вырос он из кукурузы. И, в общем-то, были недалеко от истины.

И КАК ВАЛЕРИЙ ЛЮТОВ НАУЧИЛСЯ ПОДМЕТАТЬ ПОЛ

В пионерских личных книжках записано: «Производи полную уборку комнаты».

Решили в штабе провести рейд: пройти по квартирам, посмотреть, кто и как выполняет свои обязанности. Подобрали бригаду. Самых строгих, самых придирчивых. Чтоб никакой поблажки. Ни ребятам, ни родителям. Родители тоже разные бывают. Вот Валерий Лютов, например, веника никогда в руках не держал. А мама его говорит: «Правильно. Он мальчик. Не его это дело!»

В штабе решили иначе: «Какой же он пионер, если пол подмести не может?» И на торжественной линейке преподнесли Валерию половую щетку. И в тот же день он в присутствии проверяющих подмел и комнату, и кухню, и коридор.

Словом, строгие были проверяющие.

И плохо же приходилось тому, у кого комната оказывалась грязной! Ядовитые карикатуры немедленно оповещали весь двор о лодыре и неряхе.

Вот и старались ребята. Убирали, чистили, драили.

А во дворе стал расти пятый тополь. Дерево чистоты и порядка.

...Пожалуй, сейчас во дворе по Плехановской улице уже не пять, а больше тополей. Такие уж здесь ребята. Они, наверно, еще много всяких интересных дел придумали. У них, наверно, произошло много других важных событий.

В. Гринберг

Воронеж.

Фото Ф. Сочуры.

У штаба много важных дел. Он руководит жизнью двора.

Солнце, воздух и вода — это да!

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 6 ИЮНЬ 1960 г.

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАГЕРЯ

Делаю первую запись
В блокнот:
«В лагерь приехал.
Стою у ворот.
Нас провожали и папы
и мамы».
Просьба к редакции:
Ждать телеграммы.

День первый

Завтра праздник,
А площадки
Еще в полном беспорядке...
АВРАЛ!!!

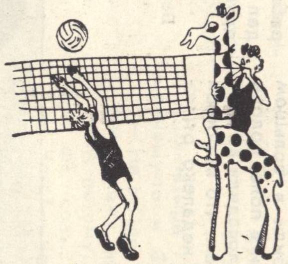

Совет дружины
Нажимает на все пружины:

— Надо
У отряда
Поднять дух,
Чтоб каждый работал
за двух!

— Точно!
Срочно
После обеда
Беседа
«О долге».
Разговор долгий.
Потом отряд кушает
И снова слушает,
Как успеха ради
Записывать надо в тетради,
Что сделано за день.
А не сделано ничего
Ни за двух, ни за одного.

День второй

Солнце ввысь едва полезло,
Отложил перо, альбом.
Иногда небесполезно
Всю игру стоять столбом.

День третий

Там, где ручей сжимает лес,
Весь лагерь дружно строит
ГЭС.
Мне приказ особый дан:
Заменить на стройке кран.

Во втором звене подружки
Подрались из-за подушки.
Бой! Бей! Бам! Бум!
Крик, гам, стон, шум!

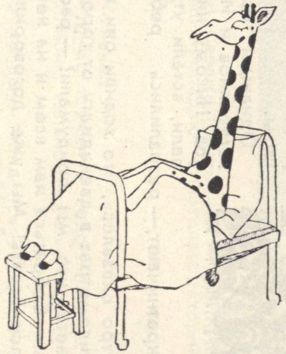
Это у нас
Мертвый час.

День четвертый

МАЮ
ВОСКРЕСЕНЬЕ НЕТ ДОНЕСЕНИЯ
СРОЧНО ПРИШЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ
РЕДАКЦИЯ

День пятый

Прошу простить
за канитель —
Едва-едва не слег в постель.

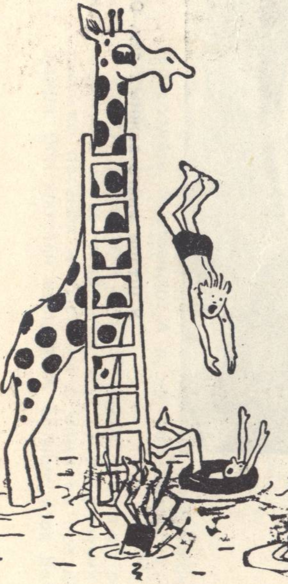
Вчера я к работе
Приставлен был новой:
Весь день был в заботе
О нашей столовой.

А вот такое никому не нужно

Мыл, мел,
Пыль тер.
А в полдень к нам
Заглянул вахтер.
— Ребята, машина пришла
с клубникой.
Май, в кухню ее сгрузи-ка!
Что ж, пожалуйста, коль
говорят,
Я даже почистить ее был
рад.
До вечера чистил всем
назло.
Ящик стал легче на пять
кило.
И вот
У меня заболел живот
(От перегрузки и усердия).
Пришлось обратиться
к сестре милосердия.

Жирафенок
Май

Телеграммы принял
А. Шестопал.

ВАРШАВА. Филателисты второй харцерской дружины Решова открыли свое почтовое отделение. У них есть свой штамп: «ХАРЦЕРСКАЯ ПОЧТА — ГОРОД РЕШОВ».

ДОМ-МУЗЕЙ ВОССТАНОВЛЕН

Первая средняя школа г. Риги названа именем латышского писателя-революционера Леона Паэгле. Ученики литературного кружка этой школы восстановили дом в селе Видрижи, где родился писатель, и создали в нем музей.

Министерство культуры Латвийской ССР вынесло благодарность ученикам первой школы.

Хона Гольберг,
юнкор «Пионерских известий»

Чтоб леса не рвалась,
Чтоб уха удалась!
(Без нее у Амура нельзя!)
Тем, кто начал рыбачить,
Пожелаем удачи:
Счастливого лова, друзья!

Спорт

ЛУЧШАЯ СРЕДИ ДЕВОЧЕК

Состоялись соревнования по прыжкам в воду на приз «Комсомольской правды». Галя Крушинина, ученица 7-го класса 268-й ленинградской школы, взяла два приза среди девочек.

КАНДИДАТЫ В СБОРНУЮ

В соревнованиях юных конников Киргизии двое из призеров — ученики 1-й и 13-й фрунзенских школ Якушев и Прядько — выполнили нормы первого разряда и стали кандидатами в сборную команду республики.

НЕ УЕХАЛ НИКУДА — ЭТО ТОЖЕ НЕ БЕДА

* * *

Во дворе Талицкого Дома пионеров соревнование парашютистов. Ребята будут запускать модели. Подается команда, и над головами зрителей плывут маленькие белые купола. Лучше всех оказался парашют Саши Власова.

Свердловск.

* * *

В нашей дружине создаются сводные отряды пионеров. В каникулы мы будем вместе весело отдыхать. Пойдем в поход, совершим экскурсию в типографию, пойдем и на бумажный комбинат.

Терентьева Люба
г. Котлас, 7-а класс, школа № 10.

„НАШ" ВАВА́

Мальчик назвал себя странно: «Вава̀». «Как, как? Вóва?» — переспросил я. «Да не Вова, а Вава̀». И тут я вспомнил известного бразильского футболиста.

Первый день в лагере Вава̀ провел на футбольном поле. Возвратился он в палату без ног, не стал читать свой любимый «Советский спорт». Весь в пыли, улегся на кровать. Шли дни, а режим Вава̀ не менялся. Однажды мы решили сходить в ближайшую деревню помочь колхозникам. Всем нам очень хотелось познакомиться с деревенскими ребятами. Вдруг Вава́ говорит: «Ох, ребята, как я себя плохо чувствую! У меня температура, я заболел». Мы отправились без него. Вечером решили помериться силами с новыми друзьями. Все вместе мы вернулись в лагерь и устроили футбольный матч. Вдруг я заметил, что центра играет наш больной Вава̀.

Игру мы выиграли. Но потом к нам подошел паренек, капитан колхозной команды, и сказал:

— Ведь это нечестно. За вас играл подставной — парень не из вашего лагеря. — И он указал рукой на Вава̀.

Мы стали доказывать, что он наш, из нашего первого отряда.

— Что ж мы его в колхозе, на поле, не видели?

— Так он болел, — заметили мы.

— Хорош больной! Три штуки забил!

Обозленный капитан пошел к своим товарищам. Кто-то из нас подошел к Вава́ и тихо спросил: «Ты был здоров?»

«Кажется», — ответил он с улыбкой. И тут я подумал: может быть, Вава́ и в самом деле не наш?

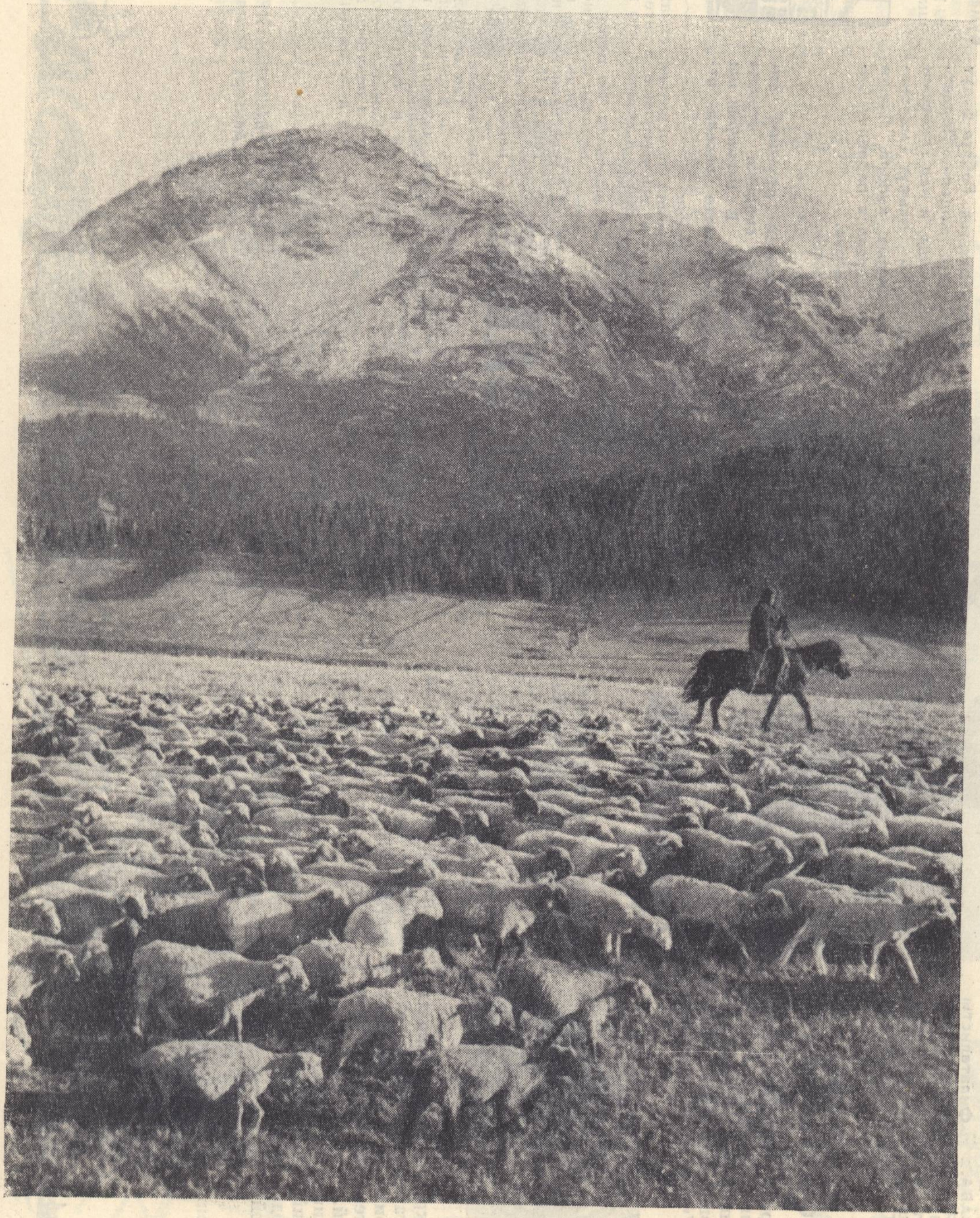
Евгений БЕГ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал [редактор], Женя Берлянд, Таня Копылова. Рисунки Миши Корси.

На джайляу

КРАСНЫЕ ГАЛСТУКИ НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

Живыми волнами поднимаются отары на джайляу.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В горах снова был туман, густой, как овечья шерсть. И снова к ночи на отару набежали волки. Овцы тревожно заметались, а кудлатые сторожевые псы по-особому — на волка — подали голос.

Чабан Иманкалык Джакипбаев схватил ружье, выбежал из юрты и сразу же пропал в тумане. Сыновья чабана — Вовка и Ерджигит — напряженно прислушивались к гневным пронзительным крикам отца и беспорядочным выстрелам.

В прошлую ночь, когда чабан отлучался по делам в аул и ребята оставались одни, они не решались даже отойти от юрты, только кричали и стреляли в воздух, отпугивая волков. А утром Ерджигит увидел внизу, у реки, остатки волчьего пира—овечью голову и ноги.

Крики отца и выстрелы слышались теперь снизу, от реки, где туман был особенно густ. Отец, наверное, тоже палил в воздух: в такой туман легче подстрелить собственную овцу, чем серого вора. А потом все стихло.

— И тут я испугался,— с усмешкой вспоминает Ерджигит.— Мне сразу показалось, что я очень замерз. И не мог согреться. Когда трусишь, самый теплый чапан не согреет.

Ерджигиту Иманкалыкову всего четырнадцать лет. В таком возрасте мальчишки не любят рассказывать о собственных слабостях. А Ерджигит охотно посмеивается над собой. Мы с ним только что познакомились и с любопытством оглядываем друг друга. У Ерджигита выпуклые веки и узкие светло-карие глаза. А по всему лицу родинки.

Ерджигита интересует моя дорожная сумка. На застежке медный шарик, и Ерджигит сейчас пробует его отвинтить. Все мальчишки, с которыми мне случается разговаривать, обязательно стараются отвинтить этот шарик. Но далеко не все мальчишки рассказывают так много интересного, необычного о своей жизни. Я начинаю понимать, почему Ерджигит может непринужденно подшучивать над тем, как трясся от страха в ту тревожную ночь. Это потому, что он вовсе не трус. Труса отец не возьмет с собой в горы, не доверит ему стеречь по ночам отару. Кстати, имя Ерджигит означает «герой, джигит».

— А дальше что было? — спрашиваю я моего собеседника.

— Я все время выбегал из юрты и кричал, чтобы отец мог найти нас. Он пришел без ружья: потерял в тумане. Утром я отправился искать ружье и увидел его возле самой тропы. Слез с коня и поднял ружье. Вы видели, какой у меня конь?

— А как его зовут?

— Никак. Конь Ерджигита — вот и все.

Русские ребята всегда дают своим лошадям имена. Назовут Серко, Чубарка, а то и просто Васька. Казахские ребята не кличут лошадей. Так здесь не принято. Конь — это ноги джигита. Подошел к нему, отвязал, взлетел на спину — и словно слился с конем в одно единое существо. Даже самый маленький мальчишка сидит верхом цепко и в то же время свободно: не подпрыгивает, не вскидывает локтями.

...Двое верховых приближаются к юрте. Это Каракойши Самахов и Оразхан Сламкулов — одноклассники и старые друзья Ерджигита. На мальчишках легкие рубашки. Вельветовые брюки заправлены в крепкие сапоги. Друзья о чем-то сговариваются. Потом Ерджигит уходит в юрту к отцу, выбегает оттуда довольный и отвязывает своего коня.

Три всадника скачут наперегонки по долине. Я знаю, куда держат путь ребята. Километрах в двадцати отсюда, на высокой скале, стоит, подняв круглые уши, башенка радиорелейной линии, связывающей Алма-Ату с Фрунзе. У радистов, живущих там, есть телевизор, принимающий передачи из обеих столиц. Ерджигит, Каракойши и Оразхан помчались смотреть детскую передачу.

ШКОЛЬНАЯ БРИГАДА

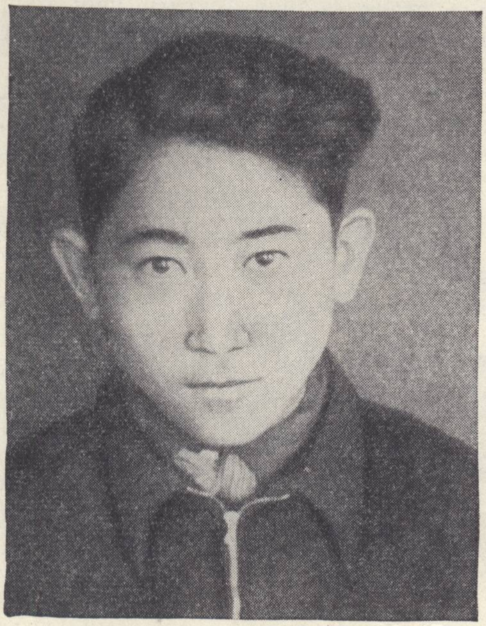
Джайляу — это высокогорные пастбища. Только не представляйте их себе небольшими лужайками, стесненными между скал. Когда едешь к джайляу сверху, оно открывается вдруг, огромное, как море, вздымающееся мощными зелеными волнами. Вьются дымки возле ближних и дальних

юрт, несут щекочущий запах кизяка. Катит по ровной дороге ярко раскрашенный автофургон — походный магазин объезжает джайляу. Напрямик через пастбище направляется к недвижной отаре машина с синим крестом — ветеринары приехали делать овцам прививки. Крытый брезентом грузовичок встал у «красной юрты», там поднимают раму, затянутую белым полотном: вечером будет киносеанс прямо под открытым небом. Кого только не увидишь летом на джайляу! Тут и артисты Казахской филармонии, и писатели, и художники...

Можно приехать на джайляу из города и оценить поразительную чистоту горного воздуха, когда отчетливо виден каждый кустик, каждый камень на дальнем склоне. Можно восхищаться яркими красками альпийских лугов, прохладой горных потоков. Но чтобы понять ту особую праздничность, что царит на джайляу, надо прийти сюда из длинной и трудной чабанской зимы.

Зима для чабана всегда трудна. Легких не бывает. Зиму чабан со своей отарой проводит у самой кромки пустыни, а то и дальше — в песках.

Бродят по снегу овцы, выбивая копытами корм, а за отарой на заиндевелой лошади чабан в лисьем малахае. Весь день на морозе, на пронизывающем степном ветру. Один. Хорошо, если еще зима не очень снежная и овцы могут добыть подножный корм. А минувшую зиму снегу навалило так много, что отары пришлось подкармливать сеном и зерном.

Бригадир юных чабанов Каракойши Самахов.

Но вот пришла весна, холодная, переменчивая. В отарах окот. На весенние каникулы слетелись домой юные помощники. Новорожденного ягненка надо поскорее тащить в теплое помещение. И краской сделать пометку — один и тот же знак на ягненке и его матери. Иначе потом ни за что не разберешься, кто чей.

Снова чабан ни днем, ни ночью не знает покоя. Ведь в отаре до восьмисот маток!

Весенние каникулы закончились. Ребята снова в школах. И уже считают дни, когда отары с зимних пастбищ начнут стягиваться к центральному поселку совхоза. Здесь овец купают, стригут. Здесь чествуют чабанов, чьи овцы больше дали шерсти и больше принесли ягнят. Но это еще только канун праздника.

А вот и сам праздник. Отары уходят в горы. От скудной зимы к альпийскому приволью. Тысячи, десятки тысяч овец бредут по степи к синеющим вдали горам. Во главе важно выступают бородатые козлы. Эти четвероногие мудрецы издревле водят небогатых умом баранов. Отара слепо верит своему вожаку. Рассказывали мне ребята, как зимой один молодой чабан вел свою отару сквозь снежные заносы на открытые песчаные пастбища. Чабан шел впереди отары и многие километры пути тащил за рога козла-вожака. Следом послушно двигались овцы.

Вместе с отарами движутся на джайляу семьи чабанов. Едут на лошадях, на машинах, на верблюдах. Встречаются в пути с родными и друзьями, которых не видели всю зиму. Узнают в городских юношах и девушках, соскакивающих с попутных грузовиков, своих детей — студентов столичных вузов. Все торопятся на джайляу.

Идет туда и школьная производственная бригада. Она не совсем обычная. Ребята работают не все вместе, а каждый со своим отцом или старшим братом. На джайляу они будут охранять табуны и отары, помогут доить кобылиц и делать из овечьего молока сыр-курт, твердый, как камень, и кисловатый на вкус.

Своим бригадиром ребята избрали приятеля Ерджигита — Каракойши Самахова. Я сразу заметила, что к этому худенькому и очень сдержанному мальчишке товарищи относятся с особым чувством. Почему?

...Это было уже на джайляу. По широкой долине с гиканьем и свистом катился маль-

чишеский «кокпар». Так называется старинная казахская конная игра. Две команды всадников борются за тушу козла. Всадники вырывают ее друг у друга, подхватывают с земли, передают на полном скаку. Победит команда, которая утащит козла к себе. Игра азартная и, пожалуй, опасная.

У мальчишек вместо козлиной туши был мешок, перетянутый арканом, но сражались они за него отчаянно. Вот мешок ухватил рослый здоровяк. За ним сразу погнались несколько мальчишек. Кони сшибались. Всадники старались перекричать друг друга.

— Хватай! Окружай!

Оразхан Сламкулов разогнался, помчался наперерез, круто завернул и на полном скаку сорвался с неоседланного коня. Всадники промчались мимо. Даже лучший друг — Ерджигит — только оглянуться успел на упавшего, но не остановился. Кокпар — это такой вихрь, что всех уносит с собой, даже зрители порой не выдерживают и вмешиваются в игру.

Но один всадник сразу осадил коня — Каракойши. Во весь опор поскакал он к упавшему Оразхану. Тот уже сам поднимался на ноги.

— Не повезло. Проиграем теперь,— смущенно сказал он подоспевшему Каракойши.

— Пустяки! — ответил тот.— У тебя где болит?

И оба пустились догонять товарищей. Нет, не зря уважают ребята Каракойши!

Каракойши не только бригадир, но и помощник табунщика. На стройном дончаке скачет он следом за своим табуном. Ветер, стекающий с гор, дует ему в лицо. Он несет запахи трав джайляу. Раугаш, тобыл, кияк — этих названий нет в учебнике ботаники, и ученые люди называют их, конечно, по-другому. Каракойши обещал учителю привезти осенью в школу гербарий. Но сейчас ему не до трав. На джайляу приехали ремонтеры. Есть такое старое армейское дело: ремонт, пополнение конского состава. На скакунах из табуна Каракойши будут ездить в дозор пограничники. Ремонтеры наметанным глазом отбирают самых лучших.

— Вон того!

Скакуны на джайляу стали сытыми и совсем одичали: шарахаются от людей. Табунщик гонится за одним из скакунов с арканом. У Каракойши тоже есть аркан — петля на длинной палке. По-казахски «курык».

Каракойши летит во весь опор. Он уже поравнялся с диким скакуном. Издает торжествующий крик. Взмахивает курыком. Петля захлестывает шею скакуна. Палка летит в густую траву. В руке Каракойши тугой конец аркана. Тревожно фыркая, тянется на аркане дикий скакун.

Отобранных ремонтером лошадей пускают в загон, который за неделю построили ребята из бригады Каракойши. Здесь, в загоне, лошади смирятся, притихнут, и тогда мальчишки под командой опытного табунщика погонят косяк на станцию железной дороги.

ВСЕ В СБОРЕ

...Зимой овцы немало потрудились, добывая из-под снега скудный корм. Сейчас они лениво полеживают в сочной альпийской траве: отъелись, зажирели. Но все же дурная голова завела на крутую скалу вон ту овцу—куцую, с подпалиной. Стоит над пятиметровым обрывом, мекает и бессмысленно смотрит вниз. Сама-то она ни за что не свалится, но подойдешь к овце сзади или собаку пошлешь — кинется с перепугу вниз.

Торехан — сын известного чабана Жолдаспека Садвокасова — погрозил овце кулаком и начал карабкаться по отвесной каменной стенке, по такой, за какие альпинистам, возможно, и зачеты ставят. Долго лез. А потом появился у овцы перед самым носом и погнал ее в отару. Отцу обо всем этом ничего не сказал. В таких случаях всегда неизвестно — похвалят за храбрость или отругают за то, что чуть не погибла овца.

Вот Каракойши и другим ребятам — им об этом можно рассказать. Вся школьная бригада — как и уславливались — хоть раз в неделю, а собирается вместе. Прилетят мальчишки на своих скакунах. Девочки стайкой соберутся там, где на старом, жилистом дереве у них подвешены качели из волосяного аркана. Зимой в интернате девочки ходят в коричневых форменных платьях, а здесь — в пестрых, широких. И поверх платьев безрукавки-камзолы. Тугие жесткие косы покрыты яркими платками.

Вся бригада в сборе. Значит, сейчас и рассказы пойдут и уж, конечно, игры. Во что же играют мальчишки и девчонки здесь, на альпийских лугах джайляу?

Очень много у ребят конных игр. О кокпаре я уже рассказывала. Есть еще саис — борьба всадников: кто кого на землю стянет. И байга — отчаянные скачки наперегонки. В байге и девочки порой участвуют — самые боевые.

Но особенно нравится мне вот какая игра: ак-сюёк. О ней хочу подробнее рассказать — может быть, прочтут мальчишки и девчонки где-нибудь под Воронежем или Рязанью и тоже сыграют.

Начинают эту игру казахские ребята в сумерках. Делятся на две команды. Темнеет в горах быстро — лиц уже не разобрать, только очень заметно белеет в руках одного из мальчишек старая, вымытая дождями верблюжья кость. Ак — белый. Сюёк — кость. Отсюда и название игры.

Ак-сюёк вручают кому-нибудь из взрослых, и все по-честному отворачиваются. А тот размахивается, раскручивает ак-сюёк, как метатель диска... Ак-сюёк улетает куда-то в темноту. Теперь победит та команда, которая первой найдет ак-сюёк и принесет на условленное место.

Ребята рассыпаются в разные стороны. Вот что-то белеет в траве. Сразу несколько человек бросаются туда. Напрасный переполох. То был просто камень.

— Есть! — приглушенно вскрикивает Ерджигит.

Все налетают на него — ак-сюёк еще можно отобрать, как, скажем, баскетбольный мяч. Ерджигит катается по траве, изворачивается. Сейчас все сгрудились вокруг него. И вдруг — торжествующий крик Торехана. Оказывается, он уже стоит с ак-сюёком в условленном месте. Хитро «разыграли» приятели противника, даже своих с толку сбили. Вовсе и не находил ничего Ерджигит, только притворялся. Спорить не полагается — любые хитрости дозволены при игре в ак-сюёк. Зато драться строго запрещается.

Ак-сюёк снова уже улетел в темноту. Много еще будет сегодня смеха, возни, ловких и хитрых проделок.

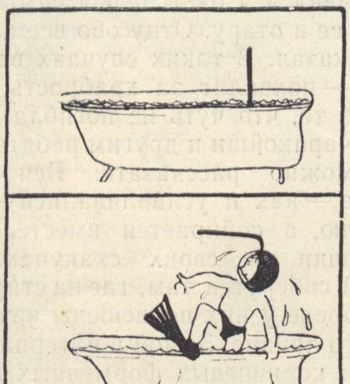
* * *

Поздно разошлись ребята, стихли вдали их голоса. И вдруг невидимый в темноте всадник проскакал совсем рядом. Пронзительным мальчишеским дискантом он выводит «Джилкиши». Я часто слышу эту песню о коневоде на концертах в казахских школах, но нигде еще не звучала она так сильно, свободно и красиво, как здесь, на джайляу, хотя никто не аккомпанировал певцу, и он уже не пел, а радостно кричал во все горло...

Видно, в очень хорошем настроении скакал куда-то мальчишка из школьной чабанской бригады.

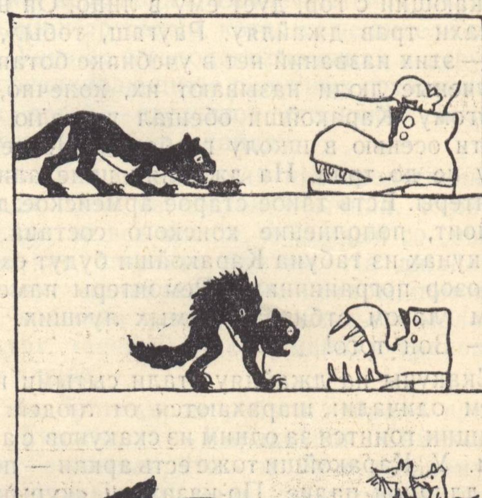
И. СТРЕЛКОВА

Рисунки А. Шабанова.

АППАРАТ ПРОВЕРЕН

ВОТ ТАК ШТУКА!

На катамаранах по Днестру

Фотографии учеников Косинской школы.

На самой середине косинского Белого озера учитель объявил:

— Начнем экзаменоваться! Кто первый?

— Анатолий Зотович, ну пускай мальчишки плывут двести метров, а девочкам можно и половину, да?..

Но Анатолий Зотович Романов был неумолим. Одного за другим он бросал за борт и учеников и учениц. Ребята выбирались на берег в мокрых куртках и шароварах, радостные оттого, что и этот экзамен сдан успешно, и теперь — в поход!

Об этом походе мечтали целый год! Еще бы: пройти по Днестру от верховья до Дубоссарского моря!

Однажды Игорек Пшенин, у которого все тетрадки разрисованы кораблями и подводными лодками, вычитал в одном журнале, как строить необычное судно — катамаран.

О, это, без сомнения, самое надежное и удобное средство для путешествия по реке!

Делается катамаран просто. Надо сшить из плотной материи два узких длинных мешка, вроде колбасы. В каждую такую «колбасу» вложить по дюжине обыкновенных баскетбольных камер. В мешках делают клапаны и пропускают сквозь них соски камер. Надул камеры — вот и готов корпус катамарана.

Поверх двух корпусов прикрепляется легкая рама из тонких досок. На раму натянута мешковина, которая служит дном. Чтобы катамаран держал больше груза, снизу укрепляют две автомобильные камеры. Конечно, дно подмокает. Оно только для того, чтобы было куда ноги ставить. Сидеть нужно на поперечных досках-шпангоутах. А можно приспособить наволочки с сеном, тогда сидеть будет совсем удобно.

Хитрое судно — катамаран! Мешковина да резина, а грузоподъемность такая, что на испытаниях шестнадцать человек садились на него, и ничего — держал!

Но это на испытаниях. А для похода ребята решили соорудить по катамарану на каждых четырех человек.

Чтобы заработать на поход, мальчики превратились в косарей. Они вставали на рассвете и косили до наступления жары. Девочки сгребали, ворошили, копнили сено.

НА СНИМКАХ:

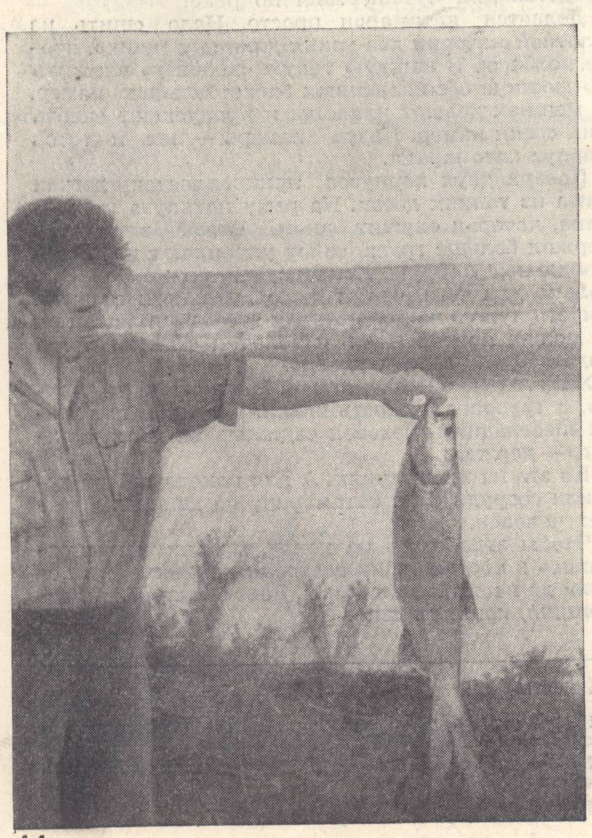
1. Что это? Арбузы на бахче? Нет, обыкновенные баскетбольные камеры.

2. Камеры зашиты в корпус. Теперь их надо надуть получше.

3. Флотилия готова к спуску на воду.

А потом будущие путешественники устроились на ремонтно-механический завод подсобными рабочими. Они резали и подносили железные прутья, укладывали детали, убирали цехи и территорию, сажали цветы и деревья, грузили кирпичи, опилки, шлак, мыли стекла.

Всего каждый заработал по шестьсот рублей. Казначей Ира Короткова рассчитала, что этого достаточно: по триста восемьдесят рублей на дорогу до Днестра и обратно, остальное на питание.

Работали по шесть часов, а вечерами приходили в школу, которая была превращена в судостроительную верфь.

Шефы с трикотажной фабрики нашли для путешественников брезент, доски, тесьму. Ребята приступили к постройке судов. Кто умел, делал рамы и весла, девочки шили. Приводили в порядок палатки, инструмент и другое туристское снаряжение.

Катамараны прибыли к берегу Днестра в багажном вагоне. А ребята — в пассажирском. 5 августа, в 15 часов 50 минут, наступил торжественный час отплытия. Возглавлял флотилию флагман. На нем разместились Анатолий Зотович, командир похода Юра Сидорин, фотокорреспондент Володя Ландер и Люся Кошелева. В ее честь катамаран назвали «Люсй». Учительница Зоя Никифоровна и трое самых сильных ребят плыли на замыкающем катамаране.

Сначала команды никак не могли «сгрестись». Четыре человека на катамаране, у каждого по короткому дюралевому веслу. Не сразу удается четверке попасть в такт. Катамаран неуклюже кружится, ребята злятся... В Подмосковье, когда уезжали, стояла тридцатиградусная жара, а здесь такой холодина. Собирались ребята загорать и купаться, взяли темные очки от солнца, соломенные шляпы — и в первый же день до ниточки промокли под холодным дождем.

Но бывалые туристы говорят, что дождь в начале пути — самая лучшая примета. А верить в хорошую примету — это вовсе не суеверие.

Впереди сквозь дождливую завесу виднелись очертания гор. Постепенно начали свыкаться с погодой и грести веселее. Помогало сильное течение.

Увидев необычную флотилию, ребятишки в легких лодочках спешили к путешественникам. Рыбаки оставляли свои верши, колхозники, работавшие по берегам, звали в гости...

Вечером, когда разбили лагерь, шел по реке быстроходный катер. Ребята закричали, пригласили команду катера к своему костру. А на следующее утро катер на буксире потянул катамараны вниз, к Старой Ушице. Дождь лил, не переставая. Все вымокли, продрогли. Только и радости, что катер.

Но что такое? Вот невезение! Мотор на катере закапризничал. Пристали к берегу. Подумали — и снова за весла. Сразу согрелись!

А впереди новая напасть — пороги.

Они издалека напомнили о себе глухим шумом. Вначале путешественники думали перета-

НА СНИМКАХ:

1. Село Жванец. Перед стартом.

2. Пасмурное утро. На переднем катамаране Юра Иванов, казначей Ира Короткова и начальник флотилии Саша Дьяков.

3. Вот так рыбина! Витя Шаров — знатный рыболов.

щить катамараны по берегу волоком, но, посовещавшись, решили проскочить в том месте, где между порогами оставался проход. Девочек высадили на берег, а мальчики взяли весла, и катамараны понеслись через пороги. Зрелище было захватывающее. Рычала вода, днища упругих корпусов терлись о камни, ребята отталкивались веслами, как шестами. И вот пороги позади.

Ночью впервые за время путешествия увидели звезды. Пасмурный период экспедиции заканчивался.

На следующий день плыли под солнышком. Разделись, стали загорать. Течение по-прежнему быстрое. Часто попадаются островки.

Высокие берега стали живописнее. На склонах широкими лентами тянулись виноградники, бахчи и сады. Иногда встречались разрушенные румынские заставы и множество разбитых и уцелевших дзотов.

Старая Ушица. Дневка.

Катамараны вытащили на берег, перевернули, чтобы из корпусов вытекла вода. Надо для профилактики подкачать камеры, заклеить прохудившиеся баллоны, выстирать и просушить одежду. Да мало ли дел у туристов!

Вверх по склону террасами поднимались густые деревья, сверху сбегал по камням чистый ручей. На ручье соорудили запруду, и образовался небольшой водоемчик, из которого брали воду.

Вот он, Косинград-на-Днестре! Так косинские туристы назвали свой бивак. Палатки стоят в одну линию, по шнуру. Поставлены они не на кольях, а на веслах. Чтобы не портить лес, не рубить каждый раз рогульки и перекладины для костра, ребята взяли с собой самодельные металлические треноги.

Зоя Никифоровна благословила Игоря Пшенина на ратный подвиг: сегодня он впервые назначен поваром. Нелегкая задача! Но должность корабельного кока — это важнейшая флотская должность! Судьи на туристских слетах говорят, что самое скучное в походных дневниках — это описание обеда. Но как можно ни слова не сказать о той минуте, когда воздух напоен ароматами закипающего борща и компота и никто взгляда отвести не может от урчащих закопченных котлов! Это и есть романтика походного обеда. А дальше начинается проза, то есть массовое варварское уничтожение всего, что приготовили повара.

* * *

Путешественники, «сплотившись», то есть составив катамараны один за другим, мирно продолжали путь. Каждый был занят своим делом. Витя Шаров с надеждой поглядывал на поплавок, мечтая о подлещике. Слава Устинов, нахлобучив размокшую шерлокхолмовскую шляпу, придумывал какую-то каверзу.

Так и есть: придумал. Сыграли в «садовника», и Слава, быстро сориентировавшись, назначил Васе Шеховцову отремонтировать катамаран «Люсю».

Ох, не завидует ему никто! Прощайся, Вася, с послеобеденным отдыхом, бери мешок с худыми камерами и надувай все подряд.

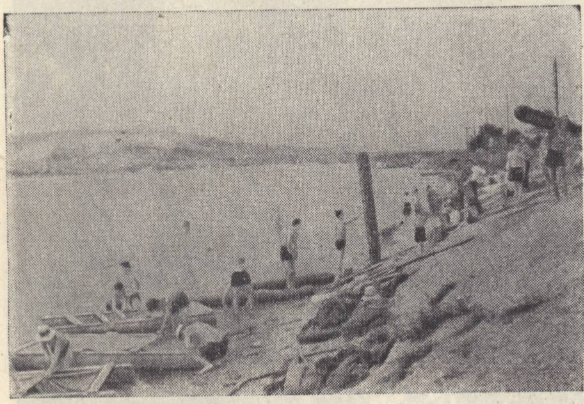
НА СНИМКАХ:

1. Если берег крутой, приходится оставлять катамараны на плаву, привязав их канатом к дереву.

2. Косинград-на-Днестре.

3. Ах, как вкусно!

Неожиданно всеобщую полудремоту прервал пронзительный вопль шеф-повара Юли Синевой: «Ой, половник!!!».

И ребята не успели еще ничего сообразить, как Юля скрылась под водой. Прошло несколько секунд. Над поверхностью воды, как перископ подлодки, возник половник, а за ним и торжествующая Юлина физиономия. Спасен самый главный кухонный инструмент!

* * *

Не хотелось даже смеяться и шутить. Ведь впереди тридцать километров по совершенно стоячей воде. Как отличается низовье Днестра от Днестра в верховье! Иногда кажется, что приходится плыть против течения.

Но Игорек Пшенин расшевелит кого угодно. Про него давно говорят, что он «моряк в душе». Не потому ли Игорек заносчиво стал относиться к флагманскому катамарану, обозвав его фелюгой и старой развалиной?

Разве мог стерпеть это Юра Сидорин, командир похода?! Разгорелось морское сражение. В ход пошли пустые шапки подсолнухов и «водометные установки» — весла, руки.

Флагман прижимал катамаран Игоря к берегу, но тот увернулся и стал заходить с тыла. На флагмане заволновались. Началась новая атака. В воду нырнуло весло, Игорь героически спас его.

— В одной камере пробоина, накладывай пластырь!

Самая первая камера у форштевня начала предательски пускать пузыри и пищать.

— Нет! — решил Игорек.— Пищи, а плыви!

Но скорость резко уменьшилась. Катамаран Игоря был взят на абордаж. Юра Сидорин попытался столкнуть Игоря в воду, но не удержался и сам нырнул первый. А потом в отместку за неудачу несколько раз «макнул» Игорька с головой. Тот только отфыркивался...

Около села Катериновка берег плоский, и путешественники решили превратиться в бурлаков. Шли по колено в воде по скользкому илистому дну, то и дело оступались. 21 августа, в 16 часов, флотилия прибыла в Рыбницу. Здесь кончался шестнадцатидневный поход на катамаранах. Ребята прошли на веслах по Днестру пятьсот шесть километров. Они побывали во многих приднестровских колхозах, хорошо поработали в колхозных садах, они взбирались на кручи над Днестром и лазали в меловые пещеры, видели разбитые доты и украшали цветами памятники погибшим советским воинам. И в развалинах старой крепости побывали — той самой, что описана в книге С. Беляева,— и на Дубоссарской ГЭС.

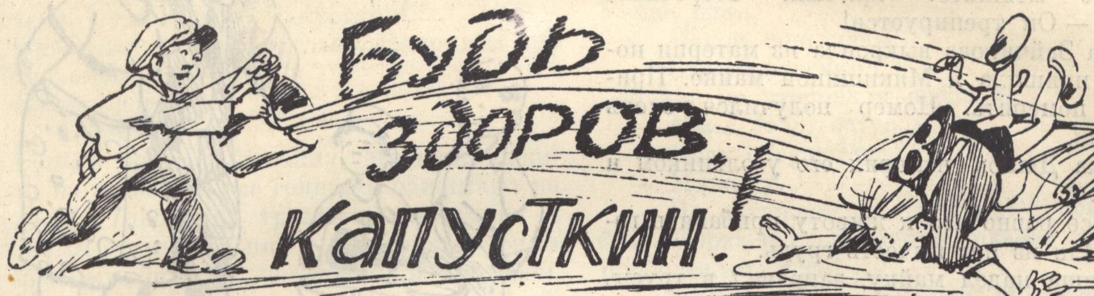
Водный путь по Днестру от Жванца до Рыбницы благополучно закончен.

Прощайте, стойкие суда! Вас крепко потрепали и дожди, и солнце, и пороги. Теперь отдыхайте до следующего похода. Катамараны разобрали, упаковали и отправили багажом домой. А сами поехали в Кишинев посмотреть незнакомый город...

З. Гольдин

НА СНИМКАХ:

1. Под парусом.
2. Рыбница. Водная часть маршрута закончена.
3. Кишинев. У памятника Г. И. Котовскому.

М. КОРШУНОВ

Рисунки Ю. Узбякова.

1

Звали его Мякишей. Откуда пошла кличка, никто не знал. Мякиша и Мякиша.

Он беспрерывно возился с велосипедом, смазывал, подтягивал гайки, спицы, крылья, устанавливал седло то ниже, то опять выше, потому что казалось вдруг, что подрос. А подрасти было необходимо: ему давно хотелось участвовать в соревнованиях на первенство района.

Каждый год летом устраивались велогонки для школьников. Мякиша тоже каждый год являлся в штаб соревнований. А с ним являлась и вся его деревня Березайка, все его друзья. Но штаб Мякишу не брал: мелковат.

Мякиша краснел и возмущался. Возмущалась и вся Березайка.

— Он и без рук может!

— И задом наперед!

— И в гору в один пых!

— И с горы!

— И...

Штаб не принимал во внимание Мякишины заслуги. Выставлял его и деревню Березайку за дверь. В один пых!

2

Наступило лето, когда Мякиша пришел в штаб и заявил:

— Я вырос! Седло поднял.

Заявила и вся Березайка:

— Он вырос!

— Мы его измерили. Угольником!

— Симка Дымов измерил. Он скажет.

Симка Дымов сказал:

— Ноги — пять угольников. Живот — два угольника. Грудь — тоже два. Голова — один угольник.

В штабе сказали:

— Ну, если ноги — пять угольников...— И записали Мякишу в список велогонщиков.

Он даже номер получил — восемнадцатый.

3

В деревне Березайке начались волнения. Среди друзей, конечно.

Мякиша бешено тренировался: ездил на велосипеде по главной улице.

Три раза стукнулся о забор.

Два раза — о телеграфный столб.

Два раза — о колодец.

Один раз — о корову.

— Не мешайте! — кричал встречным Мякиша.— Тренируюсь!

— Не мешайте! — кричали встречным друзья.— Он тренируется!

Люба Зайчикова выкроила из материи номер и пришила к Мякишиной майке. Принесла померить. Номер получился очень большой.

Симка Дымов измерил его угольником и сказал:

— Все равно что к животу прибавить голову. Или из ног вычесть грудь.

Мякиша надел майку, заправил в трусы. С майкой заправилась в трусы и половина номера. Единица еще была похожа на единицу, а от восьмерки остался верхний кружок. Получилось у Мякиши на спине не восемнадцать, а десять.

Люба очень огорчилась.

Ребята посоветовали:

— Сделай майку пузырем.

Мякиша сделал майку пузырем. Вытянул из трусов восьмерку. Майка на ветру надулась, как пустая наволочка. Внутри наволочки сидел Мякиша.

Егор Аплетин предложил привязать к раме велосипеда бутылку: во время гонок Мякиша сможет что-нибудь пить, подкрепляться. Все велогонщики пьют. Егор не знает только, что пьют, может, ситро, а может, квас.

Мякиша выбрал ситро.

Ну, а самое главное предложил Ванька Бугорков — стратегический план! Если выполнить — победа обеспечена. Диплом и всякие премии уже в кармане у Мякиши. Совершенно точно. Без всякого смеха.

Будь здоров, Капусткин!

Насчет Капусткина — это любимая Ванькина поговорка. Но кто такой Капусткин, Ванька не знал. Да и никто не знал. Так же как не знали, почему Мякишу прозвали Мякишей.

Что для стратегического плана нужно?

Ведра с водой.

Да. И больше ничего.

Каждый берет по ведру, чтобы обливать Мякишу, освежать. Понятно? Гонщики будут пропадать от жары, а Мякише хоть бы что. Прохладно. Вроде он через каждые пятьсот метров окунается в речке. Получше, чем ситро!

Ребята подумали и согласились с Ванькой Бугорковым: ведра с водой, конечно, лучше, чем ситро. И Мякиша согласился. Но от ситро не отказался. Пускай и то и другое.

Ленька Кузовлев еще сказал, чтобы Мякиша низко наклонялся к рулю. Он должен быть самым обтекаемым.

Мякиша обещал наклоняться. Быть самым обтекаемым.

4

Все ребята из Березайки взяли ведра с водой и вышли на шоссе. Растянулись от старта к финишу. Зрители заинтересовались: для чего ведра? Ребята из Березайки молчали.

Стратегический план!

Мякиша в майке-наволочке вышел на старт. На раме висела бутылка, привязанная веревкой. Главный судья увидел на Мякишином велосипеде бутылку. Велел снять ее.

— Упадешь, разобьется бутылка, поранит. Сними.

Мякиша снял. Отдал Ваньке Бугоркову. Ванька тут же выпил все ситро.

Сзади велогонщиков стоял мотоцикл, на котором поедет главный судья: будет следить за порядком. Стояла еще «Скорая помощь» с красным крестом, носилками и доктором.

Мякиша волновался.

Тряс ногами — разминал мышцы.

Глубоко дышал носом — регулировал дыхание.

Не выпуская велосипеда, попробовал присесть — размять весь организм.

Присел. Размял.

А встать не сумел: велосипед падает. Выручил Ванька Бугорков. Помог.

Главный судья командует:

— На старте, приготовиться!

Велогонщики садятся на велосипеды. Помощники придерживают за седла. Мякишу придерживает Ванька Бугорков. Шепчет:

— Ты не жалей себя, крути педали, а ребята будут тебя освежать. И победа обеспечена. Будь здоров, Капусткин!

Прибежал на старт Ленька. Напомнил про обтекаемость.

Взмах флажка.

— Марш!

Ванька толкает Мякишу. Мякиша нажимает на педали. И все гонщики нажимают на педали. Тарахтит, трогается мотоцикл с главным судьей. За ним — «Скорая помощь» с красным крестом, носилками и доктором.

Мякиша пригнулся к рулю, сделался обтекаемым и покатил по шоссе. Майка-наволочка надулась на ветру.

Поворот. Первый пост с ведром.

Мякише еще не жарко. Но облиться не плохо.

С ведром дежурит Юрка и его маленький братишка Денис.

Юрка, завидев Мякишу, выбежал на шоссе. Ведро воды полетело Мякише навстречу. Мякиша промок насквозь. Даже озноб прохватил.

Возле Юрки и Дениса притормозил мотоцикл.

— Вы что хулиганите? — строго сказал главный судья.

— Мы не хулиганим,— ответил Юрка.— У нас план.

— Какой еще план?

— Стратегический.

Денис не утерпел и добавил:

— Мы... это... остужаем.

— Кого остужаете?

— Мякишу.

— Не остужаем, а освежаем,— поправил брата Юрка и укоризненно покачал головой: проболтался, осел!

— План, значит. Ну что ж, освежайте своего Мякишу.

Мотоцикл умчался. За ним уехала «Скорая помощь».

Мякиша крутит педали, не жалея себя. От колес летят брызги. Майка-наволочка прилипла к спине. Номер на майке смялся и почернел.

Из-за деревьев выскочил Егор Аплетин. Размахнулся ведром, и длинная струя воды попала Мякише в бок.

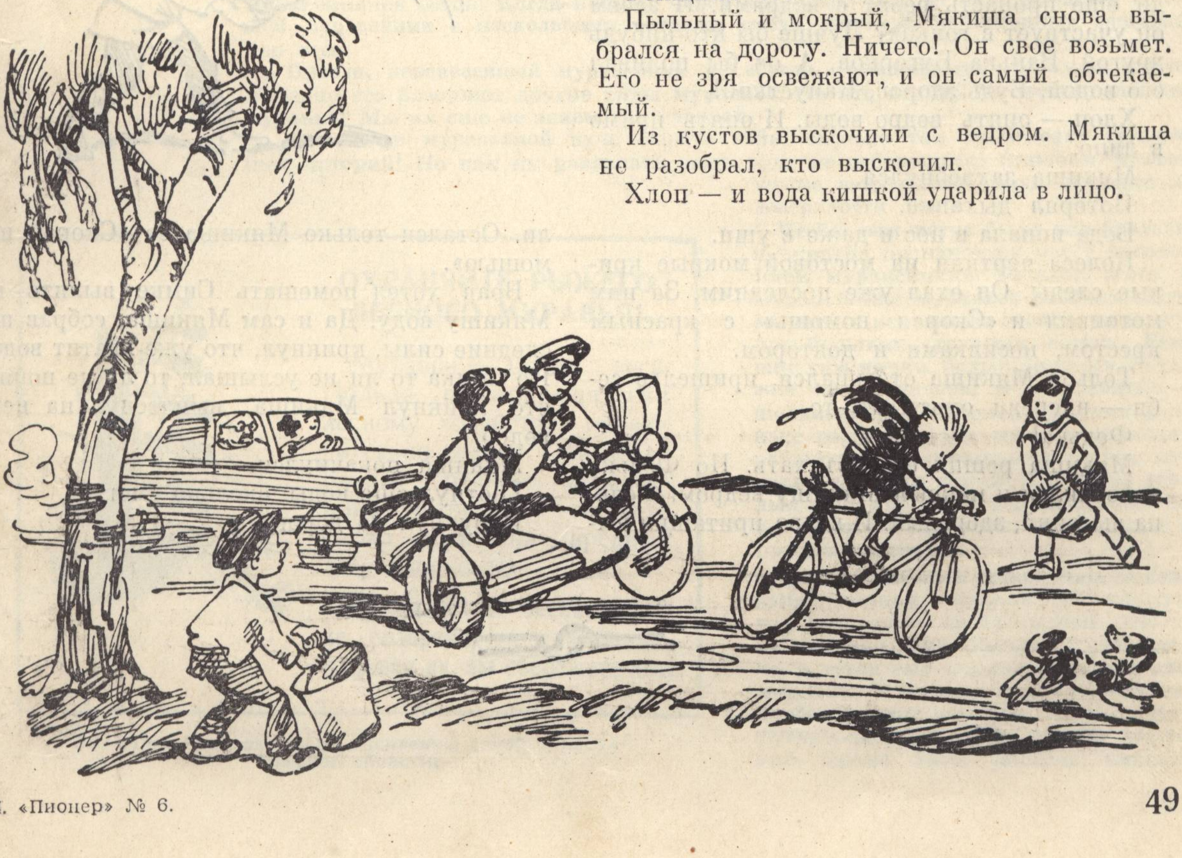
Мякиша потерял равновесие. Едва удержался на велосипеде. Чиркнул педалью по мостовой, и его вынесло на обочину. Взвилась густая пыль, будто Мякиша взорвался.

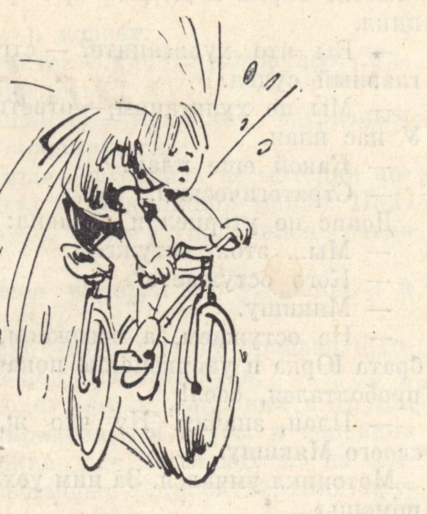
Гонщики его обгоняли.

Пыльный и мокрый, Мякиша снова выбрался на дорогу. Ничего! Он свое возьмет. Его не зря освежают, и он самый обтекаемый.

Из кустов выскочили с ведром. Мякиша не разобрал, кто выскочил.

Хлоп — и вода кишкой ударила в лицо.

Мякиша вильнул рулем и чуть не свалился в канаву.

Задохнулся.

Закашлялся.

Немного воды пришлось даже проглотить. Мякиша вновь крутит педали. Струйками стекает с него вода. Замерз. Дышать тяжело. Крутить педали тоже тяжело. Совсем близко едет мотоцикл. В коляске кто-то громко смеется. Мякишу трясет от холода. Руки и ноги закоченели. Он с испугом думает, что впереди еще пропасть ребят с ведрами. И зачем он участвует в гонках? Лучше бы кто-нибудь другой. Ванька Бугорков. А он бы поливал его водой. Будь здоров, Капусткин!

Хлоп — опять ведро воды. И опять прямо в лицо.

Мякиша захлебнулся.

Потерял дыхание.

Вода попала в нос и даже в уши.

Колеса чертили на мостовой мокрые кривые следы. Он ехал уже последним. За ним мотоцикл и «Скорая помощь» с красным крестом, носилками и доктором.

Только Мякиша отдышался, пришел в себя — впереди опять кто-то.

Федька!

Мякиша решил его объехать. Но Федька изловчился и накрыл Мякишу ведром. Федька высокий, здоровый. И ведро притащил высокое, здоровое. На Мякишу обрушился поток с брызгами и пеной.

Мякиша мотнул головой.

Отфыркнулся.

Федька показывает руками: крути педали, крути, вырывайся вперед!

А у Мякиши зуб на зуб не попадает. И в животе полным-полно воды: наглотался. Силы пропали. Обтекаемость пропала. Чувствует, что пропадает.

Вот-вот упадет.

Еще одно ведро — и свалится.

Гора кончилась. Мякиша еле-еле крутит педали. Вдруг с ним поравнялась «Скорая помощь». Врач что-то показывает. Мякиша вначале не понимал, что врач от него хочет. Потом понял и протянул руку.

Врач нащупал пульс. Начал считать. Ехали рядом — «Скорая помощь» и Мякиша. Одной рукой Мякиша управляет, другая у врача. Мотоцикл их обогнал и скрылся из виду.

На дороге стоял с ведром Симка Дымов. Вышел на середину. Гонщики давно проеха-

ли. Остался только Мякиша со «Скорой помощью».

Врач хотел помешать Симке вылить на Мякишу воду. Да и сам Мякиша, собрав последние силы, крикнул, что уже хватит воды. Но Симка то ли не услышал, то ли не понял, что крикнул Мякиша, выплеснул на него ведро.

Мякиша покачнулся.

Глотнул еще воды, сколько смог.

И рухнул на дорогу.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МУРАВЬИНОГО НАРОДЦА

П. МАРИКОВСКИЙ

Рисунки автора

Всем известны муравьиные кучи в лесу. А вот что вы знаете об удивительно деятельном народце, населяющем это сложное сооружение, о первейших друзьях леса — лесных рыжих муравьях? Они поражают наблюдателя своим бесстрашием и готовностью жертвовать жизнью ради своего муравейника.

Рыжий лесной муравей приносит большую пользу. Один муравейник может за лето уничтожить около миллиона различных насекомых, в том числе и вредителей леса. К сожалению, не все это знают и нередко разоряют муравейники из никчемного любопытства или озорства.

Муравей этот живет в лесах не везде: он медленно расселяется, и вы, ребята, можете помочь переселению муравейников. Особенно нужны муравьи в полезащитных лесных полосах, в больших колхозных садах и лесных питомниках. Для заселения лесных полос в степи годится близкий родич лесного муравья — степной рыжий муравей, который тоже строит муравьиные кучи, только более низкие и плоские.

Переселение муравейников — совсем несложное дело. Выберите место для будущего муравейника где-нибудь на пригорке, который весной не заливает вода. Хотя бы несколько часов в день пригорок должен освещаться солнцем: муравьи не любят жить в тени. Расчистите на пригорке площадку и в теплый ясный день отправляйтесь за муравьями.

Положите в большое ведро часть муравьиной кучи вместе с ее обитателями и, обвязав его сверху куском материи, чтобы муравьи по дороге не разбежались, перенесите на новое место. Опрокиньте на площадке ведро и слегка прикопайте его с боков землей. Пусть муравьи под ведром пробудут хотя бы несколько часов, а еще лучше ночь, и успокоятся. Потом ведро осторожно снимите — и молодой муравейничек готов! Когда-нибудь, через несколько лет, из него вырастет большой муравейник с несколькими сотнями тысяч жителей, неугомонных защитников леса.

Правда, перенесенный муравейник не всегда приживается на новом месте. Нередко его разоряют другие виды муравьев. Но кто эти враги лесного рыжего муравья? Мы их еще не знаем как следует.

Сколько в муравьиной куче скрыто тайн, сколько там происходит загадочных историй! Но как их разузнать, ведь туда не заберешься! Впрочем, многое можно увидеть, наблюдая муравьев на поверхности земли.

Чтобы вам легче было разобраться, я вкратце познакомлю вас с населением муравейника. Больше всего в муравейнике муравьев-рабочих. Кроме того, в нем живет несколько десятков больших, грузных самок. Есть еще там яички, белые личинки, похожие на червячков, и запеленатые в шелковистую оболочку куколки разных размеров. Из мелких выходят рабочие, из крупных — крылатые муравьи-самцы и самки. В один из теплых дней крылатые муравьи навсегда покидают муравейник, отправляясь в брачный полет.

Для наблюдений раздобудьте походный складной стульчик: на корточках ведь долго не просидишь. Обычно муравьи скоро узнают о посетителе, и тогда ему несдобровать: отряды защитников начнут свирепую атаку. Чтобы избежать этого, надо сидеть неподвижно, не делая резких движений. Кроме того, полезно смазать

ОХРАНЯЙТЕ РЫЖЕГО ЛЕСНОГО МУРАВЬЯ!

Муравьи — друзья леса. Польза, приносимая ими лесному хозяйству, исключительно велика. Обитатели одного среднего муравейника истребляют за лето около миллиона вредных лесу насекомых.

Граждане! Не беспокойте и не разоряйте муравейники. Охраняя их, вы сбережете лес!

Вот такие листовки были расклеены всюду в лесах Томской области.

дегтем сапоги или ботинки. У муравьев острое обоняние, они не переносят резких запахов.

Наблюдать муравьев нужно через бинокль, на широкий конец которого надевается вставленное в оправу очковое стекло плюс одна или плюс две диоптрии.

Вооружившись необходимым снаряжением, вооружитесь еще и терпением и отправляйтесь в лес, к муравейнику. Не наблюдайте сразу за всеми муравьями: у вас глаза разбегутся, и вы ничего, кроме суеты, не увидите. Обратите свое внимание прежде всего на небольшие скопления муравьев-рабочих. Там наверняка происходит что-нибудь интересное. Вы не ошиблись. Муравьи собрались не попусту вместе, они что-то затеяли. Ну, теперь не спускайте глаз, а потом подробно запишите все виденное.

Наблюдая муравьев, никогда не тревожьте их зря и не позволяйте никому разорять муравейники. Рассказывайте всем о пользе, которую приносит рыжий муравей. Развешивайте в лесу листовки в защиту муравья.

Я немало дней провел возле муравейников и был свидетелем множества интереснейших и нередко поучительных историй, о которых написал большую книгу. Здесь вы прочитаете несколько коротких рассказов из этой книги.

ПАУК-ПРИТВОРЯШКА

На муравейник случайно забежал небольшой тарантульчик. Не повезло паучку: сразу же на него наскочили муравьи. Один, другой, третий...

Убегать, скорее убегать! Но как убежишь, когда вокруг мечется столько хищников. И тарантульчик не побежал — этим еще больше раздразнишь преследователей,— он скрючил ноги и притворился мертвым.

Одно дело, когда добыча сопротивляется, куда-то рвется, пытается убежать. Тогда не зевай, хватай ее за ноги, за усики, изловчись и брызни кислоту в ранку, сделанную челюстями, или еще лучше—прямо в рот. А что делать, если добыча неподвижна, будто неживая? Муравьи в замешательстве плотной кучкой стоят вокруг тарантульчика, наперебой щупают его усиками.

Долго ощупывают муравьи незнакомца, так долго, что у меня ноют от усталости ноги. Вот уже более получаса я сижу на корточках. Скорее бы они кончили обследовать бедного паука и оставили его в покое!

Наконец несколько муравьев в толпе взмахивают задней ногой. Жест этот мне знаком. Он подается, когда муравей тащит какую-либо добычу, и его челюсти, усики и передние ноги сильно заняты. Что означает этот жест? Не приглашение ли окружающих присоединиться к тому, чем занимался до встречи с тарантульчиком муравей, подающий этот сигнал? Трудно разгадать значение разнообразных сигналов муравьев, для этого нужно наблюдать и наблюдать, искать точные доказательства.

Но муравьи не столь уж глупы, они не собираются так просто оставить находку. Сейчас им надо решить трудную задачу: почему добыча жива, а не сопротивляется и лежит, будто мертвая? Может быть, в этом скрыто что-нибудь опасное?

Толпа, окружившая тарантульчика, привлекает к себе других муравьев. Одни прибегают, другие убегают. Наконец появляется какой-то опытный муравей.

Ему знакомо все это притворство, он немедля деловито изгибает брюшко и впрыскивает капельку смертоносной муравьиной кислоты в рот пауку. И вдруг колдовство потеряло свою силу. Один за другим брызжут кислотой и другие муравьи. Вскоре тарантульчик мертв, и его волокут в один из входов муравейника. С этой задачей вполне могут справиться несколько носильщиков. Остальным тут делать нечего. Толпа муравьев рассеивается.

ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

На одном муравейнике я увидел с десяток маленьких ракушек. Они были пусты и основательно разрушены. Я не обратил внимания на них: муравьи ведь все тащат в свое жилище, могли они притащить и кем-то изгрызенные ракушки.

Но вскоре я увидел, что над одной из ракушек хлопочут муравьи. Пригляделся к ним внимательнее.

Муравьи отрывали кусочки панциря, отбрасывали их в сторону и постепенно обнажали моллюска. Как же могли они разгрызть своими ма-

ленькими челюстями довольно крепкую ракушку?

Оказалось, муравьи и не грызли ракушки, они брызгали на них муравьиной кислотой. Кислота шипела и пузырилась, соединяясь с известью, из которой была сложена раковина. В том месте, где выделялись пузырьки углекислого газа, раковинка уже легко ломалась.

Кто бы мог подумать, что муравьи пользуются химической реакцией, чтобы овладеть моллюском!

ДОМОВЫЙ ГРИБ

Тихой и безмятежной представляется жизнь большого муравейника. Но это только так кажется. У муравьев много врагов.

Вот по лесу от большого муравейника протянулась оживленная процессия муравьев-носильщиков. Переносится — и судя по всему, очень спешно — живой груз: яички, личинки, куколки. Переносятся далеко, почти за две сотни метров, четыре часа пути в один конец. Там, где кончается муравьиная дорога, спешно сооружается новый муравейник.

К чему это переселение, что это за прихоть, зачем такая огромная трата сил?

Проходит месяц. На новом месте вырастает новый муравейник. У его основания светлеет свежей землей кольцо фундамента: одновременно с сооружением летнего жилища муравьи позаботились и о зимнем — вырыли глубокие земляные ходы. Старый же муравейник опустел. Но в нем ничего не тронуто, как будто он только что оставлен. Переселенцы не захватили с собой ни единой палочки. Может быть, потому, что далеко тащить?

На краю старого муравейника вырос серый гриб с белыми крапинками в центре шляпки, поблизости приподняла хвоинки целая куча таких же грибов. Отчего бы здесь расти грибам?

Вскроем аккуратно муравейник. Под конусом из хвоинок видны земляные ходы. Они увиты тонкими серо-желтыми нитями. Будто натолкали сюда клочья грязной ваты. Да это мицелии грибов! Они пронизали весь муравейник.

Неужели муравьи испугались грибов? Я копаюсь в книгах, определяя гриб. Он оказывается очень ядовитым и относится к тому же роду, к которому принадлежит и всем известный красный с белыми крапинками мухомор. Кто бы мог подумать, что у муравьев есть враг — домовый гриб? Так вот чем объясняется бегство муравьев! Вот почему муравьи не взяли с собой из старого жилища ни единой палочки, вот почему не осталось в нем ни одного муравья, и никто не проведывает эту зачумленную обитель: в новый дом нельзя заносить грибную заразу.

Но как нашли муравьи такое мудрое решение столь редкой задачи? Помог инстинкт! Какой он сложный и, конечно, далеко не такой уж трафаретный, как это представляют себе до сих пор энтомологи.

ПОМОГИТЕ ПТИЦАМ

Советуем вам, ребята, заняться заготовкой птичьего корма на зиму.

ЧТО СОБИРАТЬ

Семена березы. Их любят чечетки и чижи. Не дожидайтесь конца июля и начала августа, когда семена совсем созреют. Спелые семена быстро осыпаются и разносятся ветром. Поэтому собирайте не вполне зрелые, но уже побуревшие сережки, которые при сгибании ломаются.

Семена репейника. Это любимый корм щеглов. Собирайте совсем зрелые плоды (шишки) с почерневшими семенами.

Семена лебеды и конского щавеля. Свяжите веники из стеблей лебеды и щавеля со спелыми семенами и высушите. Зимой развесите их на деревьях.

Семена сурепки и салата. Их любят многие птицы, в том числе и канарейки.

Семена арбуза, кабачков. Это прекрасный корм для синиц.

Ягоды рябины, калины, бузины, можжевельника. Запасайте их для дроздов, зябликов, свиристелей и снегирей. Кисти ягод свяжите в пучки и подвесьте под крышей сарая или на чердаке.

Кузнечики, куколки бабочек — тоже хороший корм. Обдайте их кипятком, а потом высушите.

О чем говорят камни

А. ШМИДТ

Рисунки П. Кирпичева.

ЗОЛОТАЯ МЕТКА

Когда меня попросили рассказать, как и зачем геологи изучают горные породы, я вспомнил историю одного камня. Сейчас он стоит у меня на письменном столе. На первый взгляд в нем нет ничего замечательного: черно-зеленый камень, с крупными, мягко закругленными, как бы оплавленными, розовыми и голубыми кристаллами — вкрапленниками. Но история его образования оказалась необычайной и загадочной.

...Это было лет семь назад. Наша экспедиция работала в Восточном Забайкалье — стране голубых сопок, светлой лиственничной тайги и холодных прозрачных речек. Мы занимались поисками и изучением коренных золоторудных месторождений. Золотые россыпи здесь были известны давно. Еще в очень далекие времена золотоискатели «старались» тут — мыли золото по долинам речек.

Почему именно по долинам! Потому что речки, прорезая горы, в недрах которых залегают золотоносные жилы, постепенно эти жилы разрушают и вместе с обломками пород, песком и илом увлекают вниз по течению крупинки золота. Золотинки тяжелее песка и быстро оседают на дне. Особенно много их накапливается там, где течение реки замедляется. Так вот и образуется «золотой песок». Большие скопления его называют россыпными месторождениями.

Со временем россыпи вырабатываются, и перед геологами встает задача отыскать коренные месторождения.

Поискам помогают сами золотинки.

Золото плывет вниз по течению и, как сказочный мальчик с пальчик, кропит золотыми значками свой путь. А геологи должны распутать этот прерывистый след и прийти по нему к золотоносной породе.

Легко сказать — распутать! Да как же найти затерявшиеся в речном песке золотые крупинки!! А вот как. Геолог вооружается лотком или ковшом, набирает в него песок и начинает промывать, плавно покачивая ковш... Постепенно все легкие песчинки, которые составляют большую часть песка, уносятся водой, а тяжелые остаются. Их немного, и среди них теперь сразу можно заметить золото, разумеется, если оно есть. Такой остаток — из тяжелых рудных песчинок (обычно это зернышки магнетита, ильменита, рутила и других темных рудных минералов) называют черным шлихом.

Так и идут геологи по рекам, моют песок, ищут золотую метку.

Поднимался поисковый отряд и по одному небольшому притоку Шилки.

Время от времени лошадей останавливали и доставали из вьючных сум продолговатые лотки. Рабочий-пробщик пробирался сквозь заросли ольшаника к реке, набирал в лоток песок и промывал его.

И вот однажды на черном бархатистом фоне шлиха сверкнуло золото.

Сразу веселее стало в лагере.

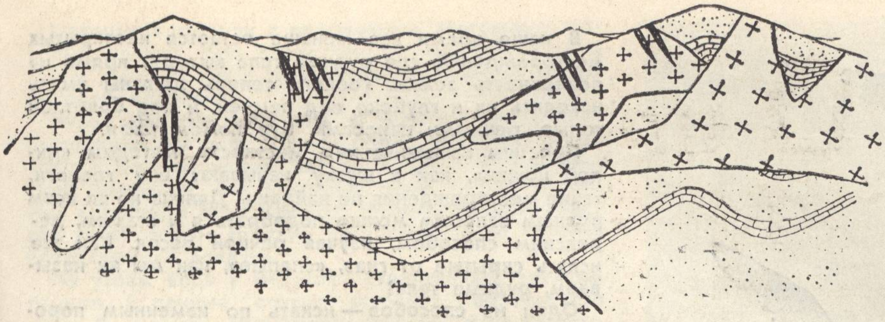
Каждый день приносил радостные новости. Чем выше поднимался по речке отряд, тем больше золотинок оказывалось в пробах. Сначала это были мелкие, гладко окатанные частички. Потом стали попадаться более крупные и угловатые. Разведчикам было ясно: значит, все ближе и ближе подходят они к тому месту, где речка размывает золотоносную породу.

И вдруг золото в шлихах пропало.

Весь день велись поиски. Геологи поднимались вверх по течению, отходили в стороны по впадающим в речку ручьям, мыли все новые и новые пробы, но нигде не блеснуло ни одной золотинки.

След оборвался. Значит, золото выходит чуть ниже по течению.

Уже стемнело, когда разведчики вернулись назад, к тому месту, где последний раз попадались пробы

Осадочные породы: известняки и песчаники.

Магматические породы: граниты и диориты.

Рудные жилы.

Вот так выглядит земная кора в разрезе: толщи осадочных пород, смятые в складки, прорваны телами застывшей магмы — интрузиями. Как видите, с одними из них связаны рудные жилы, с другими — нет.

с крупными неокатанными золотинками. Коренной источник металла был где-то рядом. Где-то здесь, под таежным буреломом, пряталось «золотишко»... В этом месте и разбили лагерь.

Ночью разведчикам не спалось. И в сером утреннем свете все уже собрались на берегу. Прикидывали, где лучше всего вырыть канавы и дудки, валили в намеченных местах лес. К концу дня несколько дудок уже дошло до скальных пород и врезалось в них. И вот тут в первый раз и увидели геологи наш черный камень. А в нем, в пересекающих его тонких кварцевых прожилках, заманчиво поблескивали золотые крупинки.

Чтобы выяснить, как много золота содержится в породе, из нее отобрали пробы и послали на соседний рудник, в лабораторию. А несколько кусков тут же раздробили в стальной ступке, потом промыли и получили шлих (такой шлих называют искусственным). В шлихе оказались те же крупные угловатые золотинки, что встречались в речном песке. Их было довольно много.

Так было найдено новое месторождение.

КАМЕННАЯ РОДНЯ

Когда мы услышали о том, что в нашем районе золото обнаружено в какой-то необычной черной породе, мы решили обязательно осмотреть ее.

— А зачем вообще изучать уже открытое месторождение! — можете вы спросить.— Надо исследовать те места, куда геологи еще не заглядывали!

Но для того, чтобы знать, где искать новые месторождения, надо изучать уже открытые, узнавать, в каких породах они залегают, в какой «геологической обстановке» они образовались.

Одна из забайкальских речек. Немало золотого песка еще таят такие долины.

В наше время все меньше остается неоткрытых месторождений, где рудные тела выходят прямо на поверхность земли. Геологи теперь должны уметь находить их и глубоко под землей, и под болотной топью, речными наносами, буреломом тайги.

Простым выхаживанием местности, методом «дикой кошки», как в шутку называют его геологи, такие месторождения не найдешь. Далеко не ко всем рудным залежам можно подобраться и старым, дедовским способом, изучая речной песок. Как же искать скрытые от глаз, «слепые», как мы их называем, рудные тела!

Один из способов — искать по каменным породам, с которыми эти руды «состоят в родстве».

Большинство руд своим происхождением обязано магме.

Глубоко под землей температура местами становится очень высокой. Такой высокой, что каменная оболочка земли начинает плавиться. Образуется магма — огненно-жидкий расплав очень сложного состава. В магме много рудных элементов. Некоторые очаги магмы особенно богаты ими. И вот когда такая магма по глубоким расколам в земной коре поднимается вверх, в более холодные горизонты, и начинает застывать, рудные элементы из нее выделяются и образуют большие залежи, которые мы и называем месторождениями.

Горные породы и рудные тела, образовавшиеся из одного магматического очага, можно назвать родственниками. И, как бывает в дружных семьях, эти родственники обычно не любят разлучаться.

Горные породы залегают крупными массивами, и их отыскать уже нетрудно. Проведя геологическую съемку района, обозначив на карте все породы, выходящие на поверхность, и отметив особо породы, «родственные» рудам, мы будем знать, куда нужно направить поисковые отряды.

Геологи детально изучат эти места, обследуют все коренные выходы, а там, где их нет, выкопают канавы и шурфы, пробурят скважины.

Здесь будут работать геофизические и геохимические отряды, которые смогут обнаружить рудные тела, даже если они не выходят на поверхность.

Так горные породы помогают искать месторождения.

Вот почему выяснение родственных связей между каменными породами и рудами и является первой задачей геологов. Для этого они и изучают уже открытые месторождения.

МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ЧЕРНЫМИ КАМНЯМИ

От района наших основных работ до нового месторождения было километров полтораста. Большую часть пути можно было проделать по воде — в тайге это самый удобный и быстрый способ передвижения.

Лето в тот год стояло сухое. То и дело вспыхивали пожары. Когда мы собирались в путь, поблизости горела тайга.

Пожар был низовой, не особенно опасный. Языки пламени, подгоняемые ветром, бегали под деревьями, пожирая сухой кустарник и только слегка обугливая стволы. Но в любой день пожар мог разыграться, и тогда искать спасения можно будет лишь в реке.

Ночью перебегающие огни отражались в черной воде. Все вокруг затянуло дымом, таким плотным, что уже в полусотне шагов очертания предметов расплывались. Солнце висело тусклым розовым шаром и походило скорее на полную луну. Его можно было фотографировать.

Маленький катерок с водометным двигателем, который должен был везти нас, не рискнул идти в таком дыму. И мы с товарищем поплыли на легкой длинной долбленке.

Через день мы выбрались из зоны пожара, и мгла постепенно растаяла. Стояла такая чудесная, ясная погода, которая бывает только поздней осенью. Чистый, холодный, как ключевая вода, воздух и теплый солнечный свет! Кажется, физически ощущаешь, как пронизывают горячие лучи стеклянную глубину неподвижного воздуха.

По утрам вода у берегов схватывалась хрупким ледком, и речные струйки журчали, обтекая его края. С высоких, обрывистых берегов ярко-золотыми языками спускалась по расщелинам лиственничная тайга в густо-зеленых пятнах сосен. По ночам в тайге кричали изюбри.

Днем в два весла наша лодка легко скользила по черной осенней воде, а на ночь мы ложились в дрейф, спуская под дно на веревке большой камень: с таким грузом лодка сама держится в самой быстрой струе, и дежурному остается только следить, чтобы она не стукнулась о скалы подмываемого берега и не закрутилась на перекатах.

Над нашими головами беспрестанно слышался свист крыльев и откуда-то далеко сверху доносились тревожные крики гусей и журавлиное курлыканье: над Шилкой, как по столбовой дороге, днем и ночью летели утки, гуси, журавли — в теплые края. Иногда по утрам из тумана прямо на нас выплывала, покачиваясь на воде, огромная отдыхающая стая. Если мы не шевелились, птицы не взлетали и только поворачивали вслед нам головы. А однажды мы проплыли мимо пары лебедей — таких белых, гордых и одиноких, что казалось, они попали сюда из какого-то иного, сказочного мира.

По пути мы остановились у знакомого бакенщика. Накануне он поймал огромную, двухметровую калугу. Ее решили сохранить до нашего возвращения. Вбили на берегу заливчика крепкий кол, привязали к нему длинную цепочку, другой ее конец продели сквозь жабры и пустили рыбину в реку. Так она и жила на привязи, как собака. Сын бакенщика даже водил ее на прогулку вдоль берега.

Три дня такой дороги, дневной переход по тайге — и мы у цели. Так вот какая она, эта новая находка!

Кругом дремучая тайга. Никаких, как мы говорим, «обнажений», то есть выходов каменной породы на поверхность. Только возле дудок груды камней, добытых с глубины. Но каких камней! Темно-зеленые, почти черные, с огромными ярко-розовыми «яблоками» каких-то кристаллов! Ничего подобного ни в этих местах, ни раньше нам еще не доводилось видеть.

Весь день мы лихорадочно, с обычно просыпающейся в такие минуты страстью коллекционера собирали образцы. Искали камни с крупинками золота. Искали такие обломки, где загадочный черный камень соприкасается с основными в этом районе горными породами. Зарисовывали, фотографировали.

А вечером, расположившись возле палатки, мы разбирали свое богатство и долго препирались, что брать, а что выкинуть. Потихоньку каждый укладывал в рюкзак и образцы, забракованные товарищем, но почему-то приглянувшиеся тебе.

Это уж всегда так. Геологи тащат на своей спине гораздо больше камней, чем надо, а выбросить их не подымается рука. Ведь каждый найденный образец чем-то по-особенному интересен. Обычно, чтобы разумно сократить свои коллекции, зовешь друга, сам отворачиваешься, и тот беспристрастно строгой рукой отбирает только действительно необходимые образцы, а остальные зашвыривает далеко в кусты, чтобы ты потом их не отыскал.

Иногда таежная речка становится для геологов «шоссейной».

Так и мы долго просидели над нашими образцами, потом написали для них этикетки, аккуратно завернули в бумагу особой геологической заверткой, не разворачивающейся при любой тряске, и плотно уложили их на дно рюкзаков.

Теперь осталось привести в порядок записи, спрятать их в резиновые мешочки, чтобы не промокли ни при каком ливне, ни при какой аварии, вынуть из «леек» отснятую пленку и зарядить новую, на обратный путь, и можно приниматься за ужин.

На костре уже булькала уха из только что пойманной форели — одну из них мы поймали прямо руками в мелком ручье у самого входа в палатку. Я пошел за последней охапкой хвороста — и вдруг нос к носу столкнулся с небольшим бурым медведем. Встреча была неожиданной для нас обоих, и мы, медленно пятясь, разошлись в разные стороны. Затем раздался громкий хруст: очевидно, медведь пустился наутек полным ходом. Вряд ли он собирался возвращаться, но на ночь мы на всякий случай перебрались в старое, заброшенное зимовье.

На следующий день мы поднялись еще затемно. Умылись в речке, разбив слабый утренний ледок, подогрели завтрак, сбили иней с палатки, туго скатали ее, приторочили к мешку и тронулись в обратный путь, пригибаясь под тяжестью рюкзаков.

К вечеру мы вышли к Шилке, туда, где в устье речушки осталась наша долбленка. А еще через несколько дней добрались до своей партии.

Образцы золотоносных пород были плотно уложены в посылочные ящики и отправлены в Москву, в наш институт.

КАК ГЕОЛОГИ ЗАСТАВЛЯЮТ КАМЕНЬ ГОВОРИТЬ

Приступая к изучению любой горной породы, геолог, конечно, прежде всего «определяет» ее. То есть узнает, какие минералы ее слагают и из чего она образовалась: из магмы или из морских осадков. Дело это нелегкое. Зерна минералов, из которых складывается порода, часто бывают очень мелкими и похожими друг на друга по внешнему виду. На глаз или под лупой их далеко не всегда может определить даже очень опытный геолог. Тут на помощь приходит микроскоп.

Вы, наверно, удивились: как же можно изучать под микроскопом камни, ведь они непрозрачные!!

Оказывается, камень можно сделать прозрачным. От него отбивают молотком или выпиливают алмазной пилой небольшой кусочек и на шлифовальном кругу с обеих сторон стачивают до тех пор, пока не получится тончайшая пластинка, толщиной всего в три сотых миллиметра. Такая пластинка, даже сделанная из самого темного камня, совершенно прозрачна.

Особой смолой — «канадским бальзамом» — ее приклеивают к стеклянной пластинке, а сверху прикрывают тонким «покровным» стеклышком. Такой препарат называется шлифом. Его и изучают под микроскопом.

Но рудные минералы — магнетит, серный колчедан, свинцовый блеск и многие другие,— какие бы тонкие пластинки из них ни делали, все равно не становятся прозрачными. Поверхность таких пород приходится шлифовать особенно тщательно, пока она не станет совершенно ровной и блестящей, как зеркало. Такие препараты — их называют аншлифы — приходится изучать уже не в проходящем сквозь них, а в отраженном от их поверхности свете.

Микроскопы, которыми пользуются геологи для изучения шлифов и аншлифов, называются поляризационными, потому что объекты изучения в них освещаются не обычным, а поляризованным светом, то есть таким, в котором световые волны колеблются в строго определенной плоскости. При помощи особого «столика» шлиф можно поворачивать и вправо и влево и вверх и вниз во всех трех измерениях.

Поляризационный микроскоп помогает выявить одно удивительное свойство минералов. Оказывается, большинство минералов, часто по цвету и прозрачности очень похожих друг на друга, отличается по своим оптическим свойствам — пропускает лучи света в разных направлениях с различной скоростью.

Микроскоп имеет специальное приспособление — анализатор, позволяющий изучать это свойство. И вот, если осветить шлиф поляризованным светом и включить анализатор, минералы покажутся нам окрашенными в яркие, сочные цвета. По этим-то окраскам и по некоторым другим оптическим свойствам их и определяют.

Раскройте сейчас журнал на цветной вклейке и посмотрите на левую страницу, мы тут сфотографировали некоторые минералы в обычном свете (левая часть снимков) и в поляризованном (правая часть).

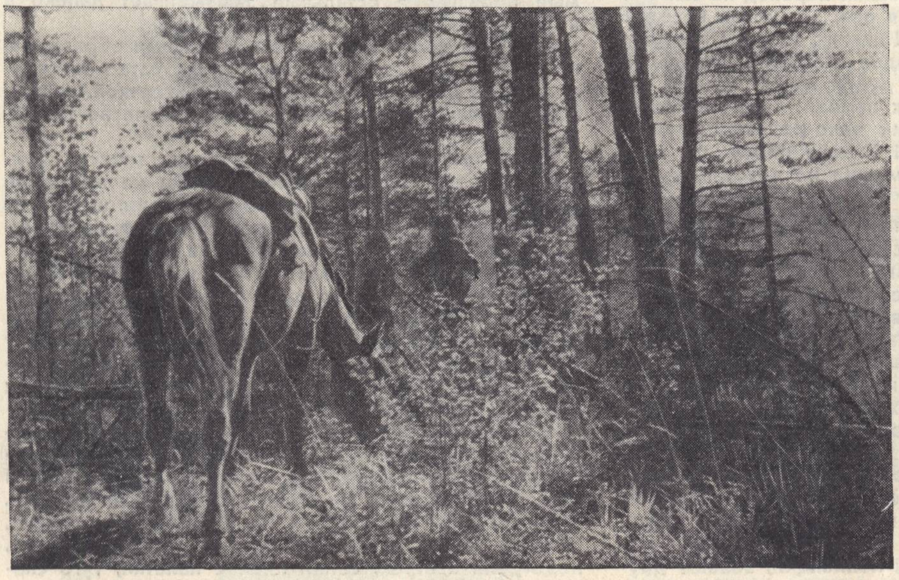
Вот верхний снимок слева. На предметный столик был положен шлиф, сделанный из куска гранита. Тут перед нами два составляющих эту породу, очень распространенных минерала: кварц и полевой шпат. В простом свете их почти невозможно различить. А в поляризованном каждый из них окрашивается на свой лад.

А вот два очень схожих по цвету зеленоватых минерала: эгирин и авгит. Посмотрите, в какие яркие цвета они окрашиваются. Теперь уж их не спутаешь.

Отличаются по цвету и рудные минералы. Вот, например, как отчетливо видна расположенная в прожилках свинцового блеска крупинка золота.

Вот так, по различным цветам минералов и по другим оптическим свойствам, пользуясь многочисленными приспособлениями, которыми оборудованы современные поляризационные микроскопы, опытный петрограф в течение нескольких минут может определить, из каких минералов состоит порода, даже если размеры этих минералов меньше булавочной головки. Он может подсчитать и химический состав всей породы в целом, на что химику-аналитику требуются недели кропотливого, напряженного труда.

Определить состав породы для геолога очень важно, так как с различными породами связаны различные полезные ископаемые. В дунитовых массивах он будет искать платину, среди перидотитов — никель, а побли-

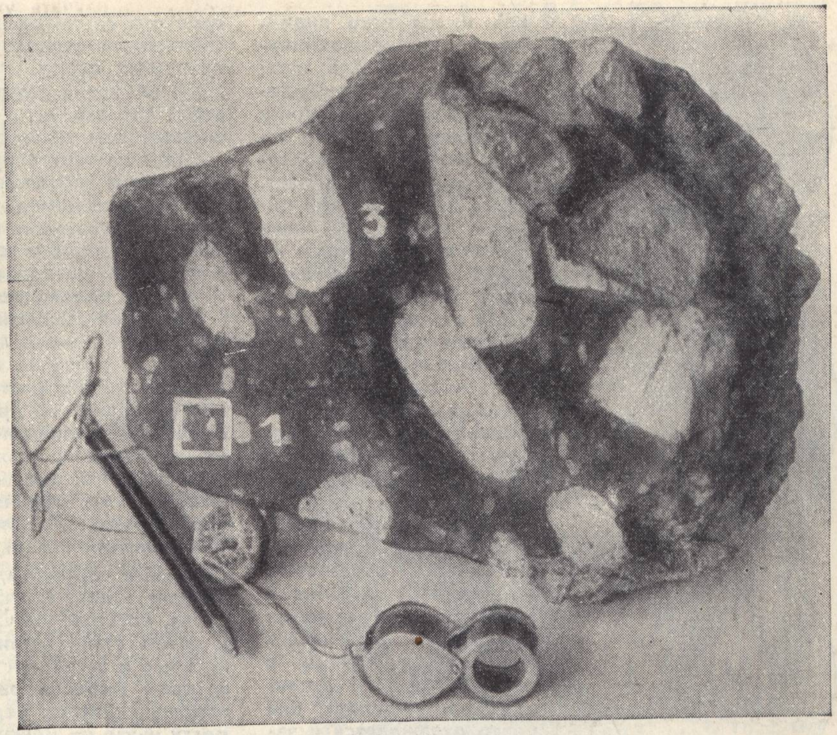

В экспедиции лошадь — верный товарищ, надежный помощник.

зости от светлых аляскитовых гранитов—олово, вольфрам и молибден.

Но не только состав породы изучает геолог под микроскопом. На той же странице цветной вклейки даны микрофотографии трех горных пород. Они отличаются не только минеральным составом, но и всем своим обликом. Это объясняется тем, что они образовывались по-разному.

Одни из них, такие, как песчаники, образуются на дне морей и океанов из веками накапливающихся там осадков; другие, например дуниты, возникают при остывании огненной магмы; третьи получаются при горообразовательных процессах, когда породы сдавливаются, дробятся и сплющиваются так, что превращаются в плитчатые сланцы, совершенно не похожие на породы, из которых они образовались. Горные породы при внедрении в них интрузии обжигаются ее горячим дыханием. Они изменяются, когда через них проходят выделяемые магмой растворы, несущие рудные вещества. Все это оставляет в породах свои следы. Они-то и рассказывают опытному глазу геолога о тех процессах, которые здесь протекали.

Вот он, герой нашего рассказа, черный камень с розовыми вкрапленниками, Рядом — лупа, карандаш и резинка на одной тесемке. Одетые на шею, они всегда под рукой. Испробуйте в походе: это удобно.

К сожалению, геологи пока еще не могут пользоваться теми методами лабораторных исследований, какими пользуются химики, физики, биологи: создавать определенные условия и изучать полученные при этом результаты. Геологи вынуждены иметь дело с одними результатами — с каменными породами; при самом процессе камнеобразования они пока еще присутствовать не могут.

Но форма минералов, очертания их границ, их пересечения, проникновения одних минералов в другие рассказывают геологам всю историю камня. Видя в магматических породах крупные правильные кристаллы, они понимают, что кристаллы выросли «на свободе», а значит, выделялись первыми. А кристаллы, которые теснятся, заполняя промежутки между ними, образовались позднее. Зная, когда выделялись рудные минералы, геолог узнает, и где их надо искать: на дне затвердевших магматических бассейнов, если они выделялись первыми и «тонули» в магме, или над ними, если они накапливались в остаточных жидких растворах и выделялись уже после большинства других нерудных минералов.

Микроскоп расскажет, и в каких условиях образовывались эти породы. При постепенном охлаждении зерна минералов растут медленно и спокойно, превращаясь в крупные кристаллы. При резком — порода застывает быстро, и поэтому образуется множество центров кристаллизации, а зерна минералов так мелки, что их не видно невооруженным глазом.

Это и многое другое рассказывает геологу камень о своем прошлом.

ЧТО ЖЕ РАССКАЗАЛ ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Посылка с черными камнями пришла в институт. Мы с товарищем уже вернулись к этому времени из экспедиции. Изо всех интересующих нас участков камня — из основной его массы и из вкрапленников — мы выпилили алмазной пилой тонкие пластины и отдали их в нашу шлифовальную мастерскую. И вот наконец прозрачные шлифы готовы.

Что-то они нам расскажут! Давайте вместе с вами посмотрим в микроскоп и подумаем.

Прежде всего нам надо решить, что это за порода: осадочная, интрузивная или вулканическая. Посмотрите снова на цветную вклейку, на страницу справа.

Вот перед нами шлиф черной породы при малом увеличении (фото 1). Нет, порода явно не осадочная. Осадочная состояла бы из обломочных или окатанных частичек. И в ней видна была бы слоистость, так как частички эти слоями накапливались на дне.

Совсем по-другому выглядят интрузивные породы. Слагающие их зерна выросли из медленно остывающей в земных недрах магмы в виде довольно крупных кристаллов, часто правильной формы. Нет, и на такую породу наши камни не похожи.

Что же получается, когда магма при извержении вулкана выливается прямо на земную поверхность? Охлаждение здесь происходит так быстро, что кристаллы обычно не успевают вырасти, и магма застывает в виде стекла, а газы, заключенные в ней, образуют округлые пустотки, миндалины.

На первый взгляд черная плотная масса нашего камня напоминает именно такие породы. Но вот мы поставили другой, более сильный объектив. Теперь увеличение достигает двухсот крат (фото 2 на вклей-

ке), и мы ясно видим, что тут не сплошная стекловидная масса, а множество очень мелких зерен. Да и таких крупных вкрапленников, как в нашем камне, в вулканических породах не бывает.

Что же за порода перед нами? Крупные вкрапленники похожи на зерна, из которых слагаются интрузивные породы, а основная масса такая мелкозернистая, что ее можно спутать со стекловидными вулканическими породами.

Такие породы нам, геологам, хорошо известны. Мы их называем жильными породами, или дайками. Дайки образуются в два этапа. Сначала в спокойной обстановке, на большой глубине в магме растут крупные кристаллы, а потом, когда по трещинам в земной коре магма поднимается вверх, она резко охлаждается и застывает в виде мелкозернистой массы, а кристаллы оказываются вкрапленниками в нее.

Осадочная, интрузивная и вулканическая породы под микроскопом.

Теперь мы знаем, что наша порода должна залегать в земной коре не слоями, как лежат осадочные породы, и не крупными массивами, которые слагают породы интрузивные, а длинной, узкой жилой. Мы можем определить, в каком направлении тянется она под толщей наносов. Когда магма текла по трещине, то удлиненные розовые кристаллы неслись в ней, как бревна в реке, параллельно берегам, то есть стенкам жилы. Значит, и сама дайка должна тянуться в том же направлении, в котором ориентированы розовые кристаллы, а их ориентировка видна в дудке, выкопанной на берегу.

Но на этом изучение черного камня только начинается. Теперь предстоит решить самый сложный вопрос: как образовалась такая необычная порода, к какому «семейству» она принадлежит и почему именно с ней связано золото?

Почему же эта порода сразу показалась нам странной?

Здесь надо сделать маленькое отступление. Интрузивные горные породы не случайное собрание минералов. Из магмы, которая богата кальцием, железом и магнием и бедна кремнекислотой (ее называют «основной» магмой), образуются минералы, тоже богатые этими элементами: кальциевые полевые шпаты и так называемые темноцветные минералы (они темного цвета потому, что в них много железа и магния). Такие минералы образуют основные породы, например габбро. Наоборот, из магмы, богатой кремнекислотой и щелочами, получают преимущественно светлые минералы: кварц, мусковит, калиевый полевой шпат и другие, которые образуют «кислые» породы, например граниты.

А вот в нашей породе все правила нарушились: сама она состоит из минералов, присущих основным породам, а вкрапленники — из минералов «кислых» гранитных пород.

Какие же странные обстоятельства повинны в этом? Что это, игра природы или новый, еще неизвестный нам процесс камнеобразования?

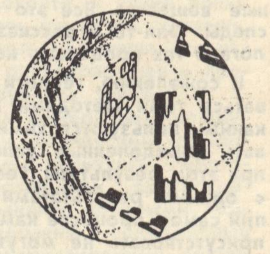
Ответ на этот вопрос можно было получить только у самих вкрапленников.

С нетерпением дожидались мы, когда тонкие пластинки, выпиленные из самой сердцевины этих загадочных розовых и голубых вкрапленников, будут отшлифованы до полной прозрачности. И наконец они лежат на предметном столике нашего микроскопа.

Вот какая необыкновенная картина открылась перед нами (фото 3, 4 и 5 на вклейке). Вкрапленники оказались вовсе не такими однородными, как положено спокойно растущим в магме кристаллам, какие вы видели на других фотографиях. Чем сильнее брали мы увеличение, тем ясней становилось видно их чрезвычайно сложное внутреннее строение.

Посмотрите, они все буквально переполнены разнообразными включениями: здесь и неправильные зерна полевых шпатов, и округлые — кварца, и угловатые иголочки темноцветных минералов.

Давайте подумаем, как это могло получиться. Один вариант таков. Сначала из магмы выросли мелкие зерна, которые сейчас находятся в виде включений, а потом стали расти крупные, большие кристаллы, которые и захватили их. Но тогда мелкие кристаллы, которые выросли раньше, должны были бы иметь хорошую форму: ведь они росли в жидкости, и их росту никто не мешал. Но взгляните на этот рисунок. Очертания у включений неровные, «изъеденные». И вот что особенно интересно. Зерна полевых шпатов имеют такое строение, что под микроскопом выглядят полосатыми. Если вы присмотритесь, то увидите: у всех близко расположенных включений полоски как бы продолжают друг друга. Присмотритесь еще внимательней: если вы мысленно проведете границу по их самым внешним точкам, то она очертит правильный прямоугольник, а именно такую форму имеют кристаллы полевых шпатов.

О чем же это свидетельствует? Вы уже, наверное, догадались: это значит, что включения не всегда были разобщенными, что некогда они составляли единое зерно прямоугольной формы.

Что же здесь произошло? Подумайте еще немного, и вы догадаетесь, что, следовательно, минералы могут расти не только в жидкости — тогда ведь такой картины получиться никак не могло,— а и по уже затвердевшей горной породе, по ранее образовавшимся минералам, замещая их полностью или частично. В последнем случае от этих минералов и остаются такие разрозненные зерна. Из них мысленно можно восстановить старый кристалл именно потому, что весь процесс замещения происходит в твердой среде и кусочки старого зерна не перемещаются в пространстве.

Вот о каких новых сложных изменениях, которые происходят и после того, как магма затвердела, рассказал нам микроскоп.

Значит, наши красивые розовые и голубые вкрапленники росли не в жидкой магме, а по уже твердым горным породам.

Но те, кто внимательно следил за моим описанием

черных камней — а для геолога-разведчика внимательность, наблюдательность, цепкость памяти — обязательные свойства,— те ребята смогут мне возразить: как же так, ведь мы помним, да и вон на фотографии видно, что вкрапленники располагаются параллельно друг другу, как бревна, плывущие по реке. Ведь это же значит, что они тоже плавали в магме, то есть образовались раньше, чем она затвердела; они никак не могли расти по твердой породе: ее тогда просто не было.

Действительно, получается загадочная, непонятная вещь: с одной стороны, ясно, что вкрапленники плавали в магме, с другой — что они росли по уже затвердевшей породе. Как же они образовались на самом деле? На этот вопрос мы в первый год работы так и не смогли ответить.

Прошла зима. Вновь покрылись забайкальские лиственницы мягкой, пушистой хвоей. И снова бродят геологические отряды среди голубых забайкальских сопок.

При первой же возможности и мы оказались на берегу нашей речки, около прошлогодних дудок и сваленных рядом с ними камней. Мы ищем разгадку. Теперь мы просматриваем сотни образцов более целеустремленно. И вот что привлекло наше внимание: в некоторых местах дайка содержала массу обломков других пород (геологи их называют ксенолитами). Часть из них была совершенно такой же, как окружающая дайку порода. Обломков этой породы мы видели сколько угодно — и на берегу речки и вокруг дайки. Но часть имела совсем другой состав. Они, очевидно, образовались из обломков тех пород, которые дайка пересекла на большой глубине. И вот в некоторых из них мы увидели те же самые розовые и голубые вкрапленники, секрет происхождения которых никак не могли разгадать. Располагались они обычно по краям обломков. Когда мы их изучили под микроскопом, то оказалось, что у них такое же строение, как и у наших вкрапленников.

Теперь нам все стало ясно. Так, значит, вкрапленники росли по обломкам пород, плавающих в магме дайки. Вот откуда их сложное строение. А когда обломки под действием магмы разрушались, то уже образовавшиеся розовые и голубые кристаллы попадали непосредственно в магму и «плыли» вместе с ней, пока она полностью не затвердевала.

Стало понятно и то, почему у породы такой странный состав. Ведь если по обломкам росли только розовые калишпаты и голубоватые кристаллы кварца, состоящие в основном из кремнекислоты и калия, значит, только эти соединения «вытягивались» из магмы в ксенолиты, а сама магма все больше и больше ими беднела и становилась более «основной». При ее остывании и образовались темноцветные минералы, бедные кремнекислотой. Так и получилась порода, наполовину состоящая из минералов гранитных, кислых пород, а наполовину — из минералов основных пород.

Так была прочитана еще одна страница бесконечной каменной книги.

* * *

А что же из этого извлекли разведчики-поисковики?

Когда мы поняли секрет образования черных камней, нам стало ясно многое.

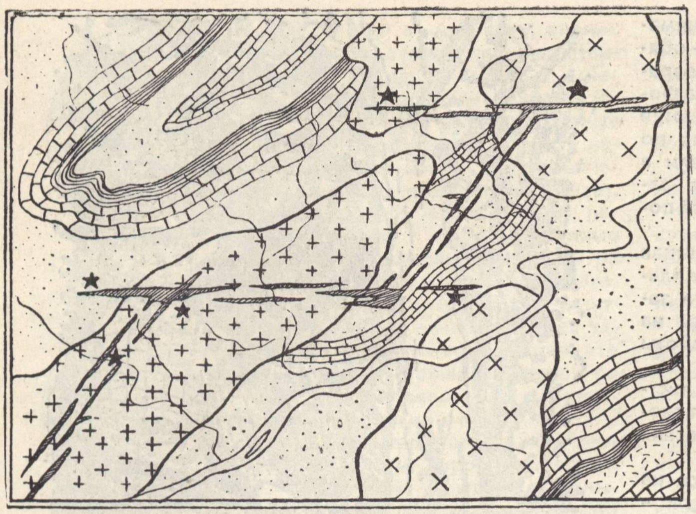
Среди многочисленных, широко развитых в нашем районе «нормальных» даек мы теперь научились выделять дайки, родственные нашей черной. Все они содержали такие же вкрапленники калишпата и кварца. Все они, следовательно, были родственниками,

образовались из одного подземного магматического очага.

И вот что оказалось. На всех отстоящих друг от друга на сотни километров золоторудных месторождениях, которые мы изучали, мы встречали именно такие дайки.

Это, решили мы, не может быть случайностью. Очевидно, и эти дайки и золотое оруднение произошли из единого очага и в одно геологическое время. Значит, теперь дайки можно использовать как путеводную нить для поисков новых месторождений: ведь крупные, протяжением иногда на многие километры и даже десятки километров, дайки гораздо легче найти, чем золотоносные жилки, подчас такие тоненькие, что их трудно заметить глазом.

Осадочные породы: песчаники, глины, известняки.

Интрузивные породы: граниты и диориты.

Каменные жилы — дайки — и золоторудные месторождения.

У геологов считается так: пока те породы, о которых идет речь, не нанесены на карту, не «откартированы», дело не сделано.

И вот маленький съемочный отряд — геолог с коллектором и проводником — отправляется на все лето в сопки делать карту. Они пересекают район по хорошо обнаженным хребтам, плывут на плотах по рекам, изучая обрывистые берега, наносят на карту все выходы пород и особенно места, где они нашли «наши» дайки. Им помогают аэрофотоснимки, сделаные со специального самолета. На снимках многие дайки хорошо заметны, так как они образуют невысокие хребтики.

Осенью весь лист покрывается условными изображениями пород. Еще несколько маршрутов в спорные и неясные места, уже по снегу, по первому морозцу,— и работа окончена. Перед нами лежит геологическая карта. И вот на ней окончательно и бесповоротно решается главный вопрос нашей работы — да, действительно, золотые месторождения тесно связаны с «нашими» дайками, и искать новые месторождения надо именно в местах «дайковых полей». Откуда такая уверенность! А вот посмотрите. Это — схематическое изображение сделанной съемочным отрядом карты. На ней хорошо виден коленчатый пояс, который образуют наши дайки. Пояс этот тянется на сотни километров через сопки и реки, пропадая под болотами, и снова обнаруживается на водоразделах. И, посмотрите, месторождения, которые казались раньше хаотически разбросанными, оказались тесно приуроченными к этому поясу. Теперь ясно, где их нужно искать впредь.

Вскоре сюда придут разведчики и буровики. Геофизики и металлометристы скажут еще более точно, где следует ожидать выходов рудных тел. Буровые мастера притащат туда через тайгу и мари свои тяжелые станки, над вершинами лиственниц поднимутся треножные копры, а там, глядишь, на лошадях вьюками отправят в лабораторию первые пробы руды с места, где, может быть, скоро вырастет новый крупный рудник.

Стихи О. ДРИЗА

Колокольчик

На шее вола
Колокольчик звенит,
Ничем колокольчик
Не знаменит,

Не стоило б нам
Вспоминать о таком,
Если бы он
Не болтал языком:

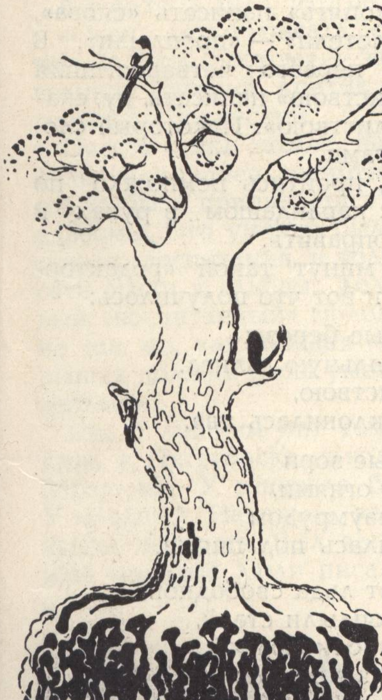
Ди-ли, ди-ли-динь!
Ди-ли, ди-ли-дон!
Какой у меня
Замечательный звон!

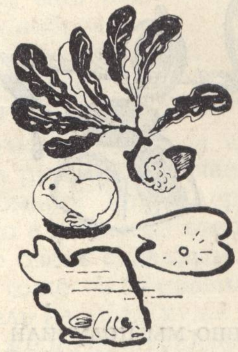
Не зря на базаре
Хотели вчера
Отдать за меня
Целый пуд серебра!

Собой колокольчик
Доволен вполне,
Звенит и не знает,
Что звон не в цене,

Что он без вола
На базаре — пустяк!
Цена колокольчику —
Тертый пятак!

Что где

Дерево прячет
Корни в земле.
Искры таятся
В теплой золе.

В желуде зрелом
Спрятан дубок.
Прячется в тонкой
Скорлупке желток.

Жемчуг — в ракушке,
Рыба — в пруду.
Только лишь глупость
Одна на виду!

Кто что мелет

Мельники мелют
Зерно жерновами.
Перец в горошинах
Мелем мы сами.

Кофе, что в зернах
Лежит на витрине,
Мелет при нас
Продавец в магазине.

Но одного
Мы никак не поймем:
Что это мелет
Болтун языком?

Перевели с еврейского О. Карышева, В. Донникова, Р. Сеф.

Рисунки А. Брея.

Недавно мы получили письмо:

«Дорогая редакция! Один мальчишка в нашем классе сочинил стихотворение. Он сам его сочинил, ниоткуда не списывал. По-моему, стихотворение это очень хорошее, и я думаю, что у Сережки внезапно открылся талант. Дорогая редакция, прочтите это стихотворение и обязательно ответьте: правда ли, что у Сережи талант и он сможет стать настоящим поэтом?

Люда Семенова».

К письму было приложено стихотворение, переписанное старательным, круглым почерком. Вот оно:

Смотрят белые березы
В зеркальную гладь залива.
Одетая листвою,
Над водой склонилась ива.

Ярко северные зори
Отражаются огнями,
И зеленым изумрудом
Выбилась травка под пнями.

Над рекой, от льда свободной,
Журавли пролетели стаей,
И над Обью полноводной
Чайки опять закричали.

Сначала мы хотели ответить на это письмо так:

«Дорогая Люда! Стихотворение это не очень хорошее.

Оно неуклюжее, нескладное, в нем часто нарушается стихотворный размер...» И так далее — все, что полагается говорить в подобных случаях.

Все это было бы чистой правдой. Стихотворение и в самом деле неуклюжее, и размер часто нарушается. Но ведь это все дело поправимое. Ничего не стоит заменить отдельные слова.

Вот, например, в последнем четверостишии вместо «опять» написать «снова», а вместо «пролетели» — «проплыли». В третьей строке первого четверостишия вместо «одетая листвою» написать, ну, скажем, «и одетая листвою». Некоторые слова поменять местами.

Одним словом, пройтись немножко по стихотворению с карандашом в руках и чуть-чуть его поправить.

Пять — десять минут такой «редакторской правки» — и вот что получилось:

Смотрят белые березы
В гладь зеркальную залива.
И, одетая листвою,
Над водой склонилась ива.

Ярко северные зори
Отражаются огнями,
И зеленым изумрудом
Травка выбилась под пнями.

Над рекой, от льда свободной,
Журавли проплыли стаей,
И над Обью полноводной
Чайки снова закричали.

Как будто стихотворение стало гораздо лучше. Но это только так кажется. На самом деле оно стало не лучше, а только глаже. Ну, более складным, что ли.

Судя по письму Люды Семеновой, Сережа, о котором идет речь в ее письме, написал первое в своей жизни стихотворение. Пройдет немного времени, и он научится писать стихи гладко, не нарушая стихотворного размера. Но ведь Люду интересует не это. Ее интересует, есть ли у Сережи поэтический талант. Есть ли у него данные для того, чтобы когда-нибудь стать настоящим поэтом.

Вероятно, многие из вас очень удивятся. В самом деле, что это значит? Ведь поэтами как раз и называются люди, которые умеют писать стихи. Разве уметь писать стихи и быть поэтом — не одно и то же?

В том-то и дело, что нет.

«Очень легко писать стихи, но очень трудно быть поэтом»,— заметил однажды великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский.

Писать стихи может научиться каждый более или менее грамотный человек. Когда-то было принято писать стихи дамам в альбомы. Это умение было признаком хорошего воспитания, и только. Уметь написать стихи в альбом должен был каждый «воспитанный» молодой человек, точно так же, как каждая «воспитанная» барышня должна была уметь играть на фортепьяно.

Сто с лишним лет тому назад на Кавказе, в Пятигорске, жила семья генерала Верзилина. У генерала было три дочери. У младшей, Надежды, как и у многих девушек ее круга, был альбом, куда знакомые молодые люди писали по ее просьбе стихи.

В доме Верзилиных часто бывал молодой офицер, поручик Тенгинского полка Михаил Юрьевич Лермонтов.

Однажды по просьбе юной Надежды Петровны Михаил Юрьевич, или, как звали его у Верзилиных, Мишель, написал ей в альбом небольшое стихотворение:

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche.

Последняя строчка в переводе с французского языка на русский означает: «Вот стих, который хромает». Итак, Лермонтов сам признавал, что альбомный стишок получился у него не очень складным. Владелице альбома он тоже не понравился. По ее мнению, Мишель написал хуже всех ее знакомых. Она даже не постеснялась чуть-чуть подправить стихотворение. Вместо:

Надежда Петровна,
Отчего так неровно...

она сделала:

Надежда Петровна,
Зачем так неровно...

В таком виде стишок выглядел чуть более гладким. Но все равно последняя строка «хромала», и общий приговор гласил, что Мартынов, князь Васильчиков и другие молодые люди, бывавшие у Верзилиных, гораздо лучше Лермонтова умеют писать альбомные стихи.

Все это было в 1841 году. Лермонтов в ту пору уже написал почти все свои стихи, которые составили ему славу одного из величайших поэтов России. Уже была написана и опубликована знаменитая статья Белинского, в которой Лермонтов признавался крупнейшим, вторым после Пушкина, русским поэтом.

Имя Лермонтова сегодня знает каждый школьник. Имена других знакомых Надежды Петровны Верзилиной мы вспоминаем только потому, что один из них (Мартынов) дрался с Лермонтовым на дуэли, а

про другого (князя Васильчикова) Лермонтов написал довольно злую эпиграмму. Нам даже в голову не приходит поинтересоваться их стихами. А строки Лермонтова мы повторяем с благодарностью и заучиваем наизусть.

Итак, уметь писать стихи и быть поэтом совсем не одно и то же.

Что же это такое — быть поэтом? И чем отличается поэт от простого смертного?

Большинство людей, говоря о своих чувствах и мыслях, пользуется готовыми, чужими словами, образами, сравнениями.

Представьте себе, что вам нужно описать в стихах командира, скачущего впереди отряда на белом коне. Описать художественно. А это значит описать так, чтобы каждый, кто прочтет ваше описание, представил себе, какой мужественный и смелый человек этот командир, как лихо мчится он на своем коне и как уверенно конь несет своего седока.

Без сомнения, вам прежде всего захочется, чтобы ваше описание было красивым. Именно поэтому вы напишете что-нибудь, вроде: «Со смелостью льва он кинулся в самую гущу сечи».

По всей видимости, львов вам приходилось видеть не часто. Ну, может быть, раз-другой в цирке, где сонный лев сидел на тумбе, лениво и покорно глядя на хлыст укротителя. Или в клетке зоопарка, где у льва было еще меньше возможностей показать свою смелость. Но так уж принято говорить: «Дрался, как лев», «Смелый, как лев».

О коне вы скорее всего написали бы: «Он мчался, как ветер», или «Быстрый, словно вихрь», или «словно буря». Но уж, во всяком случае, вам не пришло бы в голову сравнивать коня с сахаром-рафинадом.

А вот как говорит поэт:

Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.

Вся картина так и стоит перед глазами. И ослепительно яркий солнечный день, и молодецкая посадка командира, и чуткий конь, перебирающий тонкими ногами...

Но только ли тем отличается поэт от простого смертного, что он умеет найти для выражения своих мыслей, чувств, представлений свои, единственные, неповторимые слова и обороты речи?

Нет, не только.

Если привести всего лишь по нескольку строк из крупнейших русских поэтов, не называя их имен, каждый любящий стихи человек сразу, не задумываясь, узнает, кому какие строки принадлежат.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
  Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
  Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
  Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
  Что не любить оно не может.

Невозможно представить себе, чтобы все, сказанное в этих восьми строчках, можно было передать другими словами. Кажется, что это написалось само, естественно и просто вылилось из-под пера. Эта мудрость, легкая и светлая даже в печали, эта прозрачная ясность чувства безошибочно подсказывают нам: Пушкин.

Я знал одной лишь думы власть —
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Кто не узнает этот водоворот огромной, всепоглощающей страсти, мужественную энергию этих задыхающихся, коротких, стремительных строк! Да, Лермонтов.

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Каждое слово в этом тяжеловатом, неуклюжем четверостишии словно длинный свистящий бич, который поэт обрушивает на головы ненавистных ему властителей жизни. В каждом слове — ненависть к угнетателям и боль сердца, страдающего от сочувствия угнетенным. Вы угадали,— Некрасов.

Это время гудит
телеграфной струной,
это сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем?

Ведь правда же, вы сразу узнали этот голос, голос человека, считавшего, что все происходящее с его страной происходит в его сердце? Ну, конечно,— Маяковский.

Бывают на свете и другие стихи, похожие на человека, с которым вас знакомили много раз, а вы так и не научились узнавать его при встрече. Но стоит только раз соприкоснуться с подлинным поэтом, и ты уже не ошибешься, не спутаешь его лица ни с каким другим. Поэт входит в твою жизнь не просто как знакомый, но как очень близкий тебе человек.

В «Войне и мире» Л. Н. Толстого Наташа Ростова, ставшая женой Пьера Безухова, краем уха слышит спор мужа с друзьями. Спор идет о вещах весьма запутанных и сложных.

«Наташа,— пишет Толстой,— в середине разговора вошедшая в комнату, радостно смотрела на мужа. Она не радовалась тому, что он говорил. Это даже не интересовало ее, потому что ей казалось, что все это было чрезвычайно просто и что она все это давно знала».

И в скобках, как о чем-то само собой разумеющемся, Толстой замечает:

«...(ей казалось это потому, что она знала все то, из чего это выходило — всю душу Пьера)».

В наших взаимоотношениях с любимыми поэтами есть нечто похожее на отношение Наташи к Пьеру. Мы можем совсем не знать биографию поэта, подробности и частные обстоятельства его жизни. Мы можем не знать, что он говорил и что думал по тем или иным вопросам жизни, политики, искусства. Но если мы знаем его стихи, мы знаем про него самое главное: знаем, что он за человек. И мы уже никогда не ошибемся в ответе на вопрос: а как поступил бы в этом случае Лермонтов, а что подумал бы об этом Маяковский?

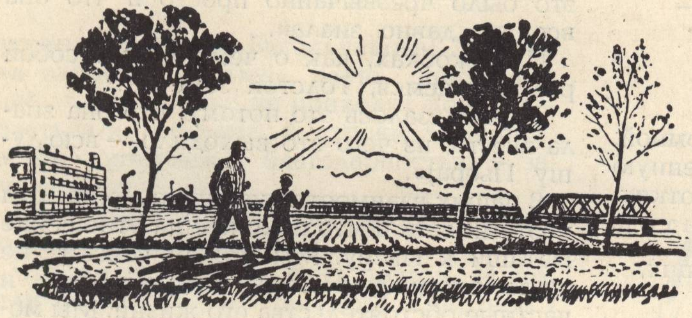
Мы знаем о поэте самое главное: знаем, как говорили в старину, душу его, запечатленную в стихах. И когда мы сразу и безошибочно угадываем, что вот эти стихи написал Пушкин, а те Маяковский, то происходит это не потому, что ритм Маяковского резко отличается от пушкинского, и не потому, что у Маяковского другие, ни на кого не похожие рифмы. Это происходит прежде всего потому, что мы узнаем неповторимое, только этому человеку присущее движение души.

Вы скажете мне на это: но ведь ритм стихов Маяковского действительно резко отличается от пушкинского, и рифмы у него действительно другие, совсем особенные! Ведь не зря же все говорят о том, что Маяковский был поэтом-новатором.

Да, все это так. Но стихи у Маяковского особенные, непохожие на стихи всех его предшественников не потому, что он сознательно к этому стремился. Они непохожи потому, что он сам был непохожим на них, человеком другой эпохи. Именно для того, чтобы выразить эту свою непохожесть, ему и понадобились другие, непохожие на все прежние ритмы и рифмы.

Сережа, стихи которого прислала к нам в редакцию Люда Семенова, написал первое или второе в своей жизни стихотворение. Когда он писал его, он был озабочен только тем, чтобы стихотворение получилось как можно больше похожим на стихи вообще, то есть на все другие стихи, которые доводилось ему читать.

Более опытные стихотворцы озабочены главным образом тем, чтобы их стихи были непохожими на другие.

Настоящий поэт не думает ни о том, ни о другом. У него есть только одно стремление: остаться в стихах самим собой. И если это ему удается, то дело сделано. Все остальное уже зависит от того, что он за человек. Ведь если стихи настоящие, в них нельзя солгать, нельзя притвориться, что ты лучше, чем ты есть на самом деле.

Впрочем, это относится не только к стихам. Это общий закон художественного творчества.

Есть рассказ про Гайдара и одного самонадеянного мальчика. Мальчик сказал Гайдару, что он мечтает стать писателем и уже сейчас сам пишет рассказы.

— Вот и хорошо! — сказал Гайдар.— Давай вместе напишем рассказ.

Мальчик был счастлив.

— А как мы будем писать вместе? — спросил он.

— Очень просто: ты напишешь первую фразу, а я вторую. Ну вот, начинай!

Мальчик подумал и написал первую фразу: «Путешественники вышли из города...»

— Теперь вы! — сказал он Гайдару.

Но Гайдар сказал:

— Погоди. Вот завтра рано утром мы выйдем из города, и тогда станет ясно, какая будет вторая фраза в нашем рассказе.

Утром они встали, умылись, собрались и пошли. Час идут, другой. Мальчик устал.

— Аркадий Петрович,— говорит он,— может, мы сядем в автобус?

— Нет, брат! — отвечает Гайдар.— Если б мы с тобой написали: «Путешественники выехали из города на автобусе»,— тогда дело другое. А уж раз написали: «Вышли из города»,— ничего не поделаешь, придется идти пешком!

Они шли долго. Уже начались окраины города с деревянными домами. Мальчик совсем выбился из сил. Но Гайдар был непреклонен. Так и не написали они этот рассказ. Но мальчик этот, наверно, навсегда понял, что за каждым словом писателя стоит поступок или готовность этот поступок совершить, что за книги свои писатель отвечает всей своей жизнью.

Когда Николай I подавил восстание декабристов, он послал фельдъегеря в село Михайловское за Пушкиным. Поэта привезли из ссылки прямо во дворец.

— Если бы ты был свободен, где бы ты был 14 декабря? — спросил царь.

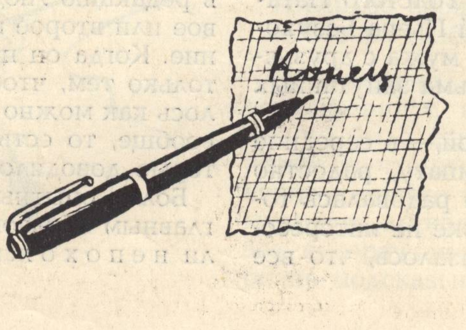
Пушкин отвечал, не задумываясь:

— Я был бы с моими друзьями на Сенатской площади...

А ему дорого мог стоить такой ответ.

Вероятно, можно было уклониться от прямого ответа. Нет, не лгать, а просто не говорить в глаза царю всю правду, оставаясь при этом честным человеком, не предав своих убеждений. Но поэт, написавший «Пока свободою горим...» и оду «Вольность», не мог ответить иначе, а человек, ответивший иначе, не мог бы писать такие стихи.

Маяковский говорил: «Поэт и в жизни должен быть мастак». Писатель-прозаик выбирает себе героя. Поэт говорит в стихах о себе. Поэтому ему самому приходится быть героем. А иначе какой он поэт! Может быть, и это имел в виду Белинский, когда он сказал: «Очень легко писать стихи, но очень трудно быть поэтом».

Что нам читать?

Да здравствует ССКР!

Ну-ка попробуй расшифровать эти загадочные буквы: «ССКР». Не можешь? Значит, ты еще не читал книгу писателя **Льва Кассиля «Про жизнь совсем хорошую».** Главы из нее печатались в «Пионерской правде». Но, может быть, тебе попали в руки не все номера, ты читал только отрывки и сейчас уже забыл, о чем идет речь. Когда пойдешь в библиотеку, обязательно спроси эту книгу и прочитай ее, а потом расскажи о ней товарищам, чтобы они тоже достали ее. Ее должен прочитать каждый пионер, потому что в ней рассказывается о **коммунизме,** а пионеры — члены детской **коммунистической** организации.

Только не подумай, что это какой-нибудь учебник. Нет, это увлекательная книга, вроде фантастического романа. В ней рассказывается о солнцецентрали, о заводе «Три Н» — Неизносимые, Непроницаемые, Невесомые изделия, о Комитете Космической Безопасности, о Станции Скорой Дружеской Помощи.

То, о чем пишут в фантастических романах, может, сбудется, а может, и не сбудется.

То, о чем рассказано в книге Льва Кассиля, сбудется обязательно, потому что наш народ уже строит коммунистическое общество.

Вот недавно к нам в «Пионер» пришло письмо от Гали Нефедовой из Винницы. Она пишет: «Я хочу помогать строить коммунизм, но я не знаю, чем я могу помочь».

Я бы советовал Гале прочитать книгу «Про жизнь совсем хорошую», она найдет там ответ. Отвечает книга и другим ребятам, которых интересует: а как будет при коммунизме насчет конфет, и будет ли у каждого ракета для межпланетных путешествий, и не скучно ли жить при коммунизме («Все у всех будет, всего уже достигнут, чего ни захочешь — на, получай»)?..

Нет, совсем не скучно будет при коммунизме, когда каждый будет иметь возможность взяться за тот труд, за такое дело, которое ему особенно интересно!

Верно говорится в книге: скучно бывает только бездельникам, тем, кто не хочет ни к чему и руки приложить.

Но ведь мы с тобой не бездельники, не правда ли? Мы придумаем, узнаем, как помочь строить коммунизм, и будем работать, работать, чтоб скорее пришла эта совсем хорошая, коммунистическая жизнь, чтобы скорее появились в нашем гербе чудесные буквы «ССКР» — Союз Советских Коммунистических Республик.

Вожатый Сима Соловьев

Эдуард ШИМ

Рисунки Е. Кршижановского.

СЕМЕЙСТВО ПОМОЩНИКОВ

КУДА НИ КИНЬ — ВЕЗДЕ КЛИН

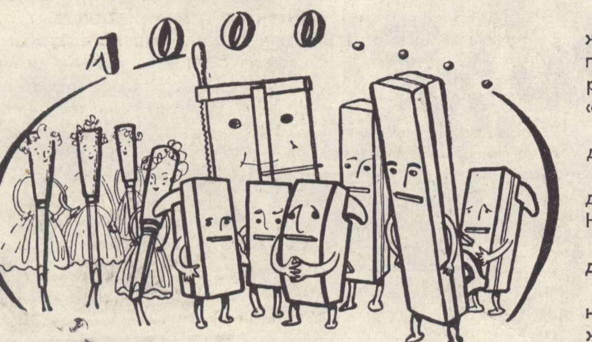
В школе познакомился ты с первыми своими инструментами — ножовкой, рубанком, стамеской. День ото дня инструментов у тебя под руками набирается все больше — вот уже их целый десяток.

А сколько инструментов у настоящих мастеров?

Точную цифру, конечно, не назовешь, а приблизительно вот: плотники пользуются пятью-шестью десятками разных ручных инструментов и приспособлений; у столяров-белодеревцев, работающих с недорогими породами дерева, насчитаешь добрую сотню стамесок, долот, пилок, рубанков и прочих нужных вещей; столярам-краснодеревцам, делающим ценную мебель из редких цветных пород, требуется еще больше — сотни две инструментов.

Но всех перегнали те мастера, что выполняют художественную резьбу по дереву. У них порою до тысячи инструментов. И однако же... Куда ни кинь — везде клин.

Пусть наши инструменты для пиления, строгания и сверления порой вовсе не похожи друг на друга. Но они близкие родственники.

У них общий предок: древнее каменное рубило. Пещерный человек нашел острый камень, похожий на клин, и начал им обтесывать дерево. С тех далеких времен и разрастается семейство клиньев-работяг.

До сих пор в наших инструментах клин — самая важная часть.

Погляди на свой топорик. Что он собой представляет? Это укрепленный на палке стальной клин.

Чем строгает твой рубанок? Да тем же клином, вставленным в деревянную колодку.

Вот долото. Снова знакомый клин, только узенький.

Вот пила. Она вроде бы совсем на клин не похожа, но ты приглядись: ведь ее зубчики — это маленькие клинышки, поставленные в ряд один за другим...

Можно перебрать уйму инструментов, и везде отыщется клин. Правда, он будет хитрить: то выгнется дугой, то сплющится, то завьется винтом. Но узнать его в «лицо» все равно нетрудно.

У тысячи разных инструментов, оказывается, самая важная часть одна и та же. Отчего бы?

А оттого, что выполняют инструменты одну и ту же задачу: режут дерево. Чем бы ты ни орудовал: пилой, рубанком, сверлом,— твои инструменты, говоря торжественным техническим языком, совершают «процесс резания».

Совершать-то совершают, и однако же... Резать дерево можно по-разному.

Вот представь, что нам с тобой понадобилось из длинной доски выпилить две ножки для кресла. Ножки не прямые, а изогнутые, фасонные.

Начнем работу. Одну ножку тебе выпиливать, другую — мне.

Ты по привычке возьмешь свою пилу-ножовку и, не раздумывая, примешься за дело. До сих пор ножовка служила тебе верой и правдой, выполняла все твои задания: и бруски перепиливала, и доски, и даже небольшие поленья.

А как она управится сейчас?

Поперек доску ты легко разрежешь, ведь ножовка — мастерица пилить поперек волокон. Но вдоль раскроить доску тебе будет уже трудней. Зубья у ножовки не приспособлены для такой работы. А когда примешься выпиливать кривизну, то и вовсе застрянешь. Как ни бейся, а ножовка не свернет с прямого пути!

Устал? Ну, отдышись. Посмотри, как я выпиливать стану.

Я открою большой деревянный чемодан, в котором у меня живет семейка инструментов — двести братцев и сестер. Гикну, свистну, позову помощниц:

— Поперечная Лучковая, давай-ка за дело!

Прыгнет ко мне в руки Поперечная Лучковая пила, зарычит-зафырчит:

— Ре-жу!.. Рре-жу!.. Готово, хозяин.

Перерезали мы доску гораздо быстрее, чем ты. Это и понятно: у моей Поперечной Лучковой полотно тоньше, чем у ножовки. Вгрызаться в дерево ей легче...

— Продольная Распускная, давай теперь ты!

Закачалась Продольная Распускная в моих руках, вверх-вниз ходит, позванивает:

— Раскрою!.. Раскрою!.. Готово, хозяин.

Вмиг распустили доску — распилили вдоль. У моей Продольной Распускной зубья косые, специально для такой работы приспособленные. Куда тебе за нами гнаться!

— Теперь твой черед, Выкружная Фигурная!

Зажурчала Выкружная Фигурная пилочка, пошла выписывать повороты:

— Кру-жу!.. Кру-жу!.. Готово, хозяин.

Полотно у нее узенькое, верткое. Не только плавные закругления выпиливать — на одном месте умеет поворачиваться!

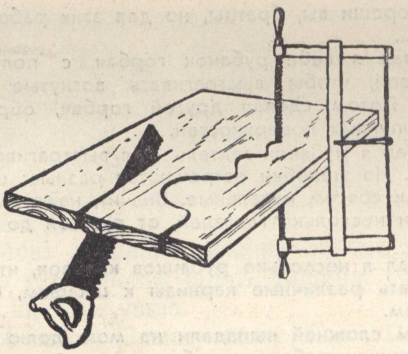
Не успел я поговорить со своими пилами как следует, разгуляться рукам не дал — готово! Ножка для кресла выпилена...

Вот зачем нужны мне да и другим столярам сотни всяких инструментов.

Они все режут дерево, но резание-то бывает самым различным. Оно множество операций насчитывает, и очень выгодно каждую операцию поручать особому инструменту.

Тогда проще, быстрей и легче работать.

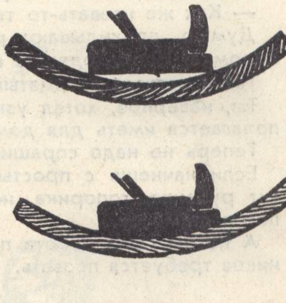

БЕЗЫМЯННЫЙ БРАТЕЦ-РУБАНОК

Живут в моем чемодане двадцать братцев-рубанков. Большинство из них я сделал сам, и появлялись они у меня постепенно.

Сначала, когда я еще только учился работать, были у меня всего три братца: шерхебель, фуганок и одинарный рубанок.

Больше мне и не требовалось. Шерхебелем я снимал грубую, черновую стружку, одинарным рубанком выстругивал дерево подчистую, а фуганком выравнивал длинные доски.

Однажды попал ко мне на верстак свилеватый, волнистый березовый брусок. Провел я по нему одинарным рубанком — и сразу выдрал большую щепку... Одинарный рубанок задирал волокна, спотыкался на каждом шагу и никак не мог выстрогать занозистое дерево.

— Нет, братец,— сказал я ему.— Видно, ты не годишься...

Мастер Пал Петрович принес мне рубанок шлифтик. У него была коротенькая колодочка, круто поставленный клинок, а железка двойная — со стружколомателем.

Шлифтик снимал тонюсенькую стружку, вроде папиросной бумаги, но зато совсем не боялся свилеватых и волнистых мест. Он заглаживал любую ершинку.

А вскоре пришлось обзаводиться пятым братцем. Я научился оклеивать дерево цветной фанерой, и мне понадобился рубанок цинубель. Он процарапывает мелкие бороздки, чтоб дерево становилось шероховатым и клей приставал к нему крепче.

Затем, когда я научился делать оконные рамы и двери, я завел рубанок зензубель и рубанок шпунтубель. Зензубелем я выстрагивал в брусках фальцы — ступенечки, в которые ложится оконное стекло, а шпунтубелем выбирал узкие пазы, куда вдвигаются дверные филенки.

А когда я навострился делать мебель, то нельзя было обойтись без выстрагивания вогнутых спинок стульев, красивых карнизов, желобков, канавок. Оглядел я свой инструмент и опять сказал:

— Хороши вы, братцы, но для этих работ не годитесь...

Сделал я себе рубанок горбач с полукруглой подошвой, чтобы выстрагивать вогнутые поверхности. Потом сделал другой горбач, обратный — для выпуклых поверхностей.

Сделал я рубанок галтель для выстрагивания желобков. Но желобки встречаются разные: широкие, поуже и совсем капельные. Значит, надо иметь под рукой и несколько галтелей, от пузатой до тощенькой.

Сделал я несколько рубанков калёвок, чтобы выстрагивать различные карнизы к шкафам, буфетам и полкам.

И чем сложней выпадали на мою долю работы, тем больше требовалось братцев-помощников. Собралось их у меня уже девятнадцать штук. Были они такими же, как и у других мастеров, и носили давно известные имена.

Но позднее довелось мне работать на стройке одного дома. Для внутренней отделки нам понадобились фигурные реечки. Их шло довольно много, и, чтоб ускорить работу, я смастерил себе двадцатый рубаночек.

У него железка была похожа на гребень с редкими зубчиками. Двигаясь по дереву, он оставлял за собой красивую дорожку, словно бы составленную из длинных стебельков-соломинок.

Прежде я такого инструмента не видел.

— Как же назвать-то тебя, братец?!

Думаю, прикидываю: рубанок дорожка? Рубанок соломка? Неподходящие какие-то имена...

Так и остался двадцатый брат безымянным.

Ты, наверное, хотел узнать, сколько инструментов полагается иметь для домашних работ.

Теперь не надо спрашивать, понятно и так.

Если начнешь с простых изделий, то вполне хватит рубанка, топорика, ножовки да нескольких долот и стамесок.

А потом сама работа подскажет, сколько помощников требуется позвать.

КРАСОТА и ПОЛЬЗА

Тебе не приходилось видеть инструменты, которыми пользуется очень опытный, высокого класса мастер?

На них взглянуть интересно.

Вот на верстаке разложены... Нет, нет, прежде всего о самом верстаке. Он удивительно чист, гладок и покрыт светлой олифой до блеска, прямо как добротный письменный стол. Приятно стать за такой верстак.

Инструменты, разложенные на нем, хочется сразу же тронуть рукой. Они нарядны и праздничны: белые колодки проклеены яркими полосками красного дерева, на клинках — цветные врезочки, все рубанки и фуганки, ручки долот и стамесок тщательно заполированы.

Что это, прихоть, чудачество? Ведь инструмент не игрушка, к чему такие украшения?

А вот к чему.

Когда ты впервые возьмешь такой инструмент, ты многое поймешь без объяснений. Ты не позволишь себе ахнуть по нарядному рубанку молотком, чтобы вынуть железку. Ты не швырнешь такой рубанок куда попало; не наедешь им на гвоздь; не будешь строгать доски, заляпанные штукатуркой. Ты сразу начнешь правильно относиться к инструменту.

А поработав немного, ты поймешь еще кое-что. Например, что к полированной колодке фуганка не пристанут клей и грязь. Колодка не намокнет, если нечаянно попадет на нее вода. Ты убедишься, что даже цветные полоски важны, потому что переклеенная древесина меньше деформируется...

Но, конечно, самое главное — удовольствие от работы с таким инструментом. До чего же приятно обхватить красавец рубанок за теплую спинку, ощутить, как он ловко сидит в ладонях, как почти без сопротивления скользит по дереву и на блестящем клинке у него закипают белые гребешки стружек!..

Не работа — радость. Усталости не замечаешь, оторваться от верстака жаль, целый бы день работал!

Красота-то, выходит, не бесполезна, тоже оборачивается немалой пользой...

Вот ответ и на другой вопрос: какой инструмент заводить у себя дома?

Только хороший.

С грубым, неуклюжим рубанком лишь намучаешься, кривая да щербатая ножовка лишь отвадит от работы. Недаром говорят мастера: «Худая снасть радости не даст».

Подумай еще об одном: о размере твоих рубанков, лучковых пил, ножовок. Обычные инструменты, продающиеся в магазинах, рассчитаны на хватку и физическую силу взрослого мужчины. Может быть, тебе с ними управляться трудно.

Тогда обзаводись инструментом уменьшенным. Он ничуть не хуже обычного, а работа с ним пойдет веселей.

Вместо тяжелого фуганка можно пользоваться полуфуганком, он значительно легче.

Вместо рубанка можно приспособить шерхебель, переточив его железку, или шлифтик, длина которого меньше рубаночной.

При желании отыщешь и небольшие пилы, и легкие молотки по двести — четыреста граммов, и другой удобный для тебя инструмент.

А когда обзаведешься, сам потрудись над его улучшением. Тщательно подгони клинки и железки, обстрогай штырьки по своей руке, приладь колодки, чтобы ловко было держать. Отшлифуй, покрой лаком или политурой деревянные части.

Добейся, чтобы и твой инструмент радовал глаз!

В ШКАФУ

Виктор ГОЛЯВКИН

Рисунки В. Барышкова.

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Весь класс удивить. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь — в классе тихо. Смотрю в щелочку — никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

— Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался — тишина кругом.

Я опять:

— Э-э! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идет кто-то.

— Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тетю Нюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

— Тетя Нюша, я здесь!

— Где ты, родименький?

— В шкафу я! В шкафу!

— Как же ты, милый, туда забрался?

— Я в шкафу, бабуся!

— Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

— Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тетя Нюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч — наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

— Там нет никого, — сказал Пал Палыч.

— Как же нет! Есть, — сказала тетя Нюша.

— Ну где же он? — сказал Пал Палыч и постучал еще раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, а я останусь в шкафу, и со всей силой крикнул:

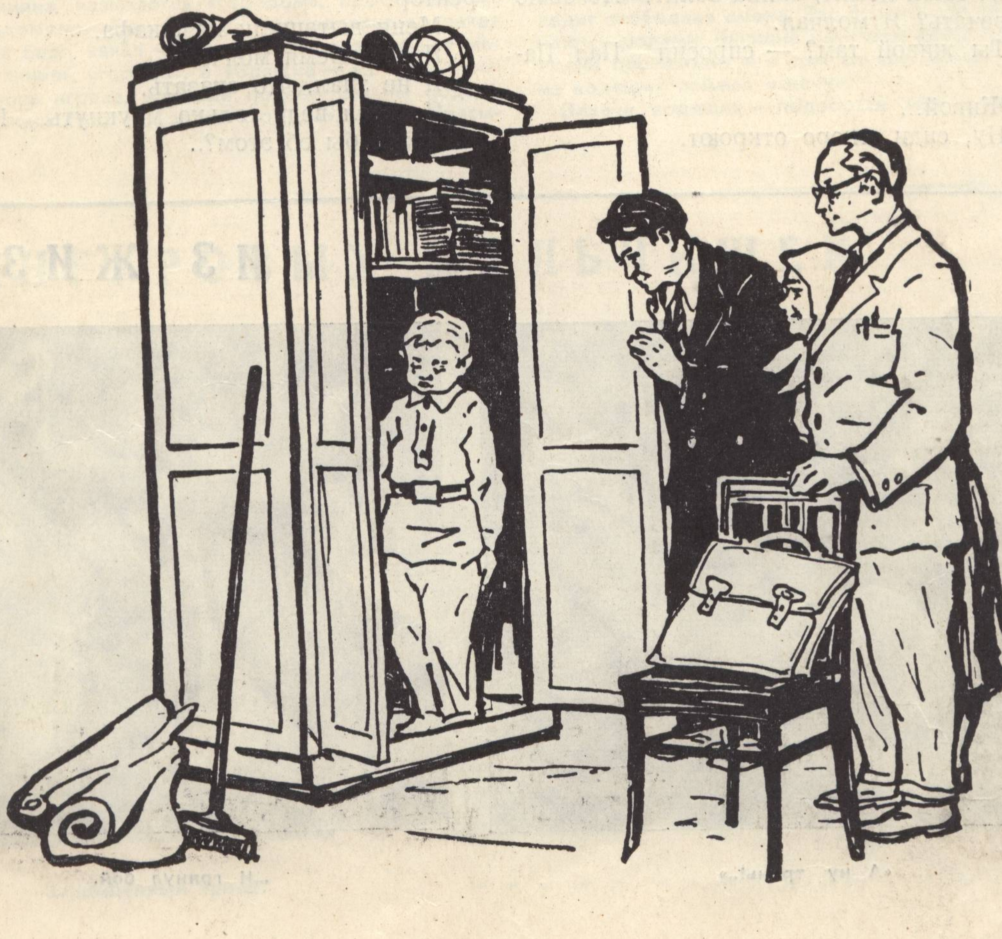
— Я здесь!

— Кто ты? — спросил Пал Палыч.

— Я... Цыпкин...

— Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

— Меня заперли... Я не забрался...

— Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь Цыпкин?

— Слышу...

— Ты давно там сидишь? — спросил Пал Палыч.

— Не знаю...

— Найдите ключ, — сказал Пал Палыч. — Быстро!

Тетя Нюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щелку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

— Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нету. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто же там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... «Ваш сын, — скажут, — в шкаф залез, все уроки там спал». И все такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Что было мне отвечать? Я молчал.

— Ты живой там? — спросил Пал Палыч.

— Живой...

— Ну, сиди, скоро откроют.

— Я сижу.

— Так... — сказал Пал Палыч. — Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шел по коридору:

— Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?..

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

— Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тетя Нюша сказала:

— Ключ унес староста класса.

— Взломайте дверцу шкафа, — сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь; шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадет, и заплакал. Руками уперся в стенки шкафа, и когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

— Ну выходи! — сказал директор. — И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я все время молчал.

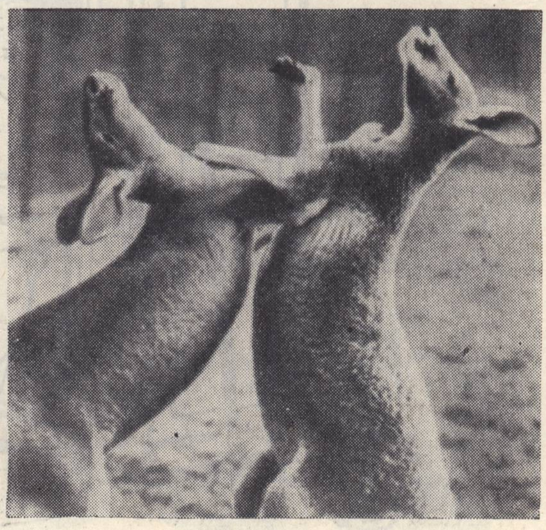
Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом?..

ИЗ ЖИЗНИ

«А ну тронь!..»

...И грянул бой.

СПОРТ

От «города» до «дома»

«...Эта народная игра — одна из самых интересных и полезных игр. В лапте нужны: находчивость, глубокое дыхание, верность своей партии, внимательность, изворотливость, быстрый бег, меткий глаз, твердость удара руки и вечная уверенность в том, что тебя не победят.

Трусам и лентяям в этой игре нет места».

Так отзывается о лапте известный русский писатель А. И. Куприн.

Лапта вполне заслуживает этого лестного отзыва. Но за последние десятилетия ей очень не везло. Она была беспризорной, непризнанной. Ее не включали в спортивные календари. По ней не разыгрывали первенств. И все же лапта жила в народе, потому что хорошая игра всегда пробьет себе дорогу.

Как же играют в лапту? Правила несложны. Игра делится на два тайма, по тридцать минут каждый. В ней принимают участие две команды. Количество игроков неограниченное, но обязательно равное.

Для лапты отводят поле длиной в шестьдесят метров, а шириной в тридцать. Одна лицевая линия называется «городом», противоположная — «домом». По жребию определяется, какая команда бьет, какая — водит. Бьющие занимают места за линией «города», а водящие — на поле, кроме одного игрока, который подает. Задача подающего такая: стоя на черте «города», он подбрасывает мяч под удар игроку бьющей команды. Но не думайте, что, нарочно подавая плохо, он сумеет «помочь» своей команде. Лапта — игра высокой спортивной честности. Подавать игрок обязан хорошо. Да иначе мяч попросту не будет принят.

По судейскому свистку бьющий стремится ударить мяч лаптой (палкой диаметром в пять сантиметров) так, чтобы мяч отлетел как можно дальше в поле. Если же после удара мяч упал за боковой линией, удар считается недействительным.

Если игрок промахнулся, бьет следующий номер.

После удара бьющий получает право перебежать по полю в «дом» и вернуться обратно в «город». Такая полная перебежка приносит его команде очко. Промахнувшись, игрок права на перебежку не имеет, но он может бежать после удачного удара своих партнеров. Ну, а вдруг один за другим промазали все игроки команды? Тогда по свистку судьи происходит свободная смена. Это значит, что команды меняются ролями: бьющие начинают водить. Свободная смена происходит и в том случае, когда кто-нибудь из водящих поймал «свечу».

Задача водящих — подобрать мяч и осалить им

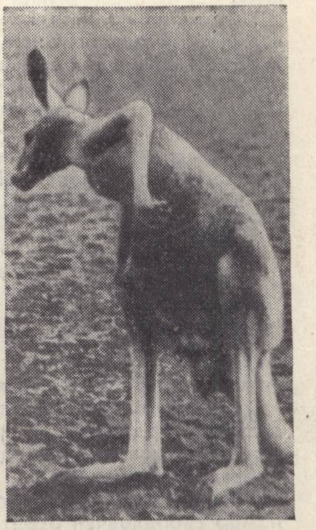
КЕНГУРОВЫХ МАЛЬЧИШЕК

Запрещенный прием.

— — — — — — — — — —

«Что? Съел?»

Нет, водящий не промахнется! Бьющим придется поменяться с противниками местами.

перебегающего противника. Если это удается, команды снова меняются местами. Впрочем, смена не происходит, если осаленный игрок успеет схватить мяч и, в свою очередь, осалить кого-либо из водящих.

Перебежка удается далеко не каждый раз. Чтобы обмануть противника, приходится уклоняться, падать, прыгать, делать стремительные рывки и повороты. У водящих многое зависит от сыгранности. Они должны быстро и точно перебрасывать мяч друг другу, чтобы осалить из наиболее выгодного положения.

Теперь вы видите, какая это живая и интересная игра?

И вот она принята наконец в семью спортивных игр. Первые официальные соревнования состоялись в августе 1957 года в станице Динской, Краснодарского края, между командами спортивного общества «Урожай». Тогда участвовало только шесть коллективов, а на следующий год их число возросло во много раз: в 1958 году впервые в истории спорта было разыграно первенство РСФСР по лапте. В 1959 году лапта была включена в программу Спартакиады народов РСФСР.

В этих соревнованиях лапта держала экзамен перед зрителями. Как примут болельщики новую игру? Все выяснилось в Ленинграде, на финальных играх Спартакиады.

...Никогда еще стадион, где проходили состязания, не принимал столько гостей. Зрители заполнили все скамьи на трибунах, стояли в проходах, расселись на бровке вокруг футбольного поля. Предстояла встреча свердловских спортсменов с москвичами. По жребию, бьющие — свердловчане. Игроки в красных майках занимают места за линией «города». «Синие» — москвичи — рассыпаются по полю. Первый номер свердловчан берет в руки биту.

Свисток — и гул разочарования прокатился над трибунами. Мимо! Неудачен удар и второго номера. Теперь приготовился к удару капитан свердловчан Николай Дураков. Свисток. Резкий взмах палкой — и мяч взвивается высоко в небо. Отличный удар! Три красных майки бросаются в поле, туда, где алеют флажки на линии «дома». 30... 20 метров отделяют их от желанного рубежа. Но мяч уже в руках у москвичей. Один из них подобрал его с земли и с близкого расстояния кидает в пробегающего противника. Тот успевает броситься на землю. Мяч — мимо.

Трибуны гудят. Успеют ли свердловчане вернуться из «дома» в «город»? Двое успевают. Третьего спортсмена постигает неудача: его осалили.

Вернувшиеся в «город» принесли своей команде два очка... Но это был первый и последний успех уральцев. Во втором тайме москвичи перехватили инициативу и, совершив несколько удачных перебежек, одержали победу.

Выиграв все встречи, команда Московской области стала чемпионом Спартакиады.

Капитан свердловской команды Николай Дураков — великолепный хоккеист, игрок сборной СССР по хоккею с мячом. Многих интересовало, почему он увлекся лаптой.

— Лапта — это отличная игра,— сказал Николай.— Она требует от спортсмена большой физической силы и выносливости. Откровенно говоря, каждая встреча по лапте требовала от нас не меньше сил, чем ответственный хоккейный матч.

Итак, лапта вышла на широкую дорогу большого спорта. А вы, ребята, играете в лапту? Очень советую вам организовать летом лаптовые команды. Это поможет вам стать ловкими, быстрыми, сильными и дружными.

Олег БУРА,
член президиума Всероссийской федерации лапты

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР В ЛАГЕРЕ

Повелел я принять в оруженосцы еще двух ребят: Шабанова Володю из города Кингисеппа и Колю Филиппова из города Октябрьский. Им и всем другим оруженосцам приказываю я организовать летом шахматные турниры.

Дошло до нас, что очень часто турниры в пионерских лагерях не заканчиваются. Вот и хочется вооружить друзей моих одной организационной системой. Называется она швейцарской.

Скажем, записалось у вас в турнир 30 человек. Как быть? Играть каждому по 29 партий очень долго. Тут-то и поможет вам швейцарская система.

В первом туре пары составляются по жребию. Если число участников нечетное, то первый номер сразу допускается в следующий тур.

После первого тура новую жеребьевку надо провести. Выигравшие будут играть между собой, сделавшие ничьи — между собой, проигравшие — с проигравшими.

После второго тура те, кто набрал по два очка, между собой играют, полтора очка — между собой и так далее, до конца турнира. После 11 туров итоги подсчитываются, и победителем становится набравший наибольшее количество очков.

От начала и до конца турнира ведется одна таблица, в которую надо заносить все результаты.

Разряд могут присвоить вам в районном Совете спортивных обществ и организаций. Можно и ко мне таблицы присылать. Только таблицы пусть вожатый подпишет, адрес лагеря укажет и сообщит, какие спортивные разряды были у ребят до турнира.

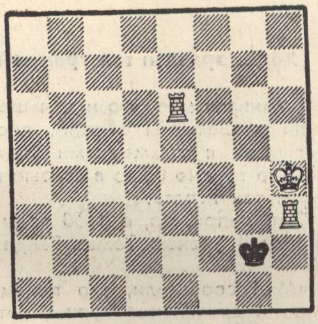
А уж в остальном я разберусь и всех награжу по заслугам.

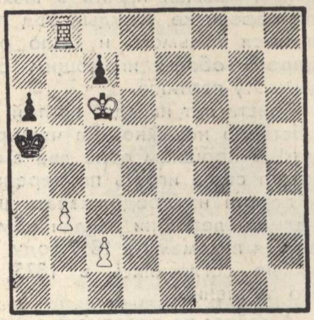
Мой лагерный конкурс

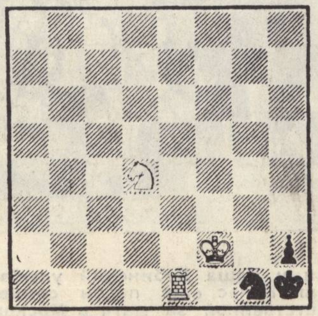
Даю вам пять заданий. Кто их выполнит, тот тоже станет оруженосцем моим.

В первых двух задачах мат достигается в три хода. А третья задача по числу ходов самая большая. В ней черный король получает мат в четыре хода.

А теперь у меня к вам будет такая просьба. Случилось у нас несчастье. Один молодой наборщик рассыпал набор. В шахматы он не играет и потому все перепутал.

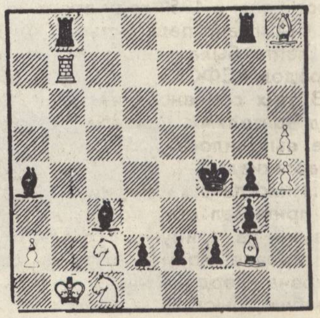

Номера ходов правильные, а вот сами ходы расставлены как попало. Попробуйте восстановить эту партию.

1. e4 : d5 c7—c6 2. e2—e4 d7—d5 3. Cfl—в5+e7—e5 4. t2—f4 Фd8—d4 5. Лfl—el Фd3—f3 + 6. e4 : d5 в7 : c6 7. c2—c3 e5—e4 8. d5 : c6 Фd4—d6. 9. 0—0 Cc8—g4 10. Kpgl—fl Cf8—c5+ 11. g2 : f3 Фd6—d3 12. Ce5—a4 Cg4—h3 мат.

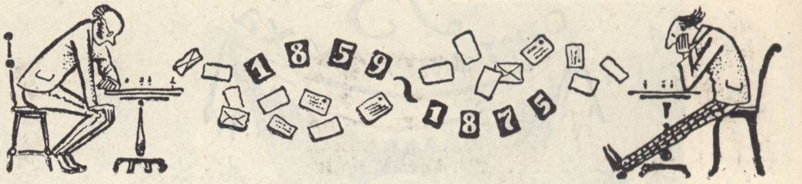
Повторяю. Ходы в партии есть все. Они правильные. Только расставить их требуется по порядку.

И последняя моя задача. Найдите, как белые при своем ходе могут поражения избежать.

Жду ваших писем, ребята. Турнирных таблиц ожидаю и решений загадок моих.

Ход отправлен телеграммой

Помнится мне, что и раньше играли в шахматы заочно, письма посылали с шахматными ходами. Только трудно было в старые времена так играть.

Вот, например, в 1650 году английский ученый Томас Гайда писал:

«Мне сообщили, что венецианские и славянские купцы, хотя и живущие в различных странах, имели обычай играть в шахматы по переписке. Каждый ход предлагался письмом, и было очень дорого обоим играющим окончить эту партию».

Триста лет назад с почтой дело обстояло неважно. Да что триста лет! В прошлом веке два американца стали играть по переписке, и партия их продолжалась шестнадцать лет. Они начали обмениваться письмами в 1859 году, а на ничью согласились в 1875! Вот это терпение!

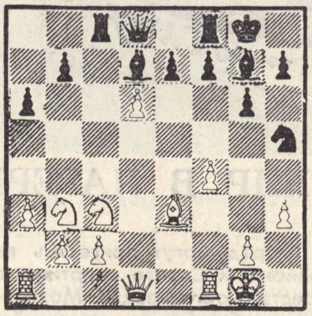
А сейчас по переписке в шахматы играют тысячи людей, даже первенство мира по такой игре проводилось. Чемпионом стал советский гроссмейстер Вячеслав Рагозин. Нередко сражаются шахматисты по радио и по телеграфу.

Недавно такую встречу провели команды пяти Домов пионеров: Берлина, Будапешта, Бухареста, Праги и Москвы.

Интересной была игра, сотни ребят приняли участие в обсуждении ходов. И хотя поединки на шахматных досках были жаркими и беспощадными, окрепла пионерская дружба.

Лучше всех в международном матче юных шахматистов пяти столиц выступили ребята Москвы, Бухареста и Будапешта. Им особые мои поздравления. Решил наградить я эти команды почетной своей грамотой, «Ферзя и Ладьи».

А теперь разберите два окончания из партий этого матча.

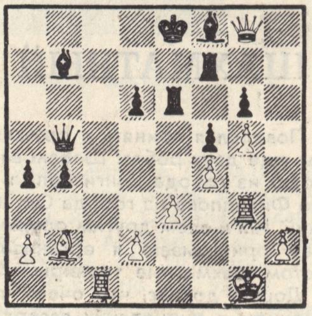

На диаграмме вы видите позицию из партии между московскими и берлинскими пионерами. Москвичи играют белыми. Далее игра продолжалась так:

15... Cd7—e6 16. f4—f5! Ce6 : b3 (Если 16... C : f5, то 17. Л : f5) 17. c2 : b3 Kh5—g3 18. Kc3—d5! Cg7—f6 Или 18... Ф : d6 19. f6! и белые выигрывают) 19. f5 : g6 Kg3 : f1 20. Kd5 : f6+e7 : f6 21. g6 : h7+ (Теперь решает атака на черного короля) 21... Kpg8—h8 22. Ce3—h6 Kph8 : h7 23. Ch6 : f8 Фd8 : f8 24. Фd1—h5 + Kph7—g7 25. Фh5—g4+ Kpg7—h7 26. Лa1 : f1 Лc8—c6 27. Лf1 : f6 Лc6 : d6 28. Фg4—h4.

Здесь черные признали себя побежденными.

А на этой диаграмме приведена позиция, в которой юные москвичи испытали горечь поражения. Дело было так.

Команда пражских пионеров прислала свой ход: 30. Лc1—c7! Москвичи, игравшие черными, ответили 30... Лf7 : c7 (лучше было 30... Лe 7). Партия продолжалась 31. Фg8 : e6+Cf8—e7. (А это уже беспечность. Оказывается, и по телеграфу можно быть рассеянным.) 32. Лg3—h3!

Силу этого хода москвичи недооценили. Теперь удовлетворительной защиты у черных нет, и они сложили оружие. Вместо 31... Ce7 надо было играть 31... Лe7.

Пожалуй, ход найден! Володя Костин и Саша Дубинский улыбаются, предвкушая близкую победу. Но Сеня Кукес еще полон сомнений... Эта неразлучная «тройка» была ответственной за матч в Московском Доме пионеров. Она выносила окончательные решения.

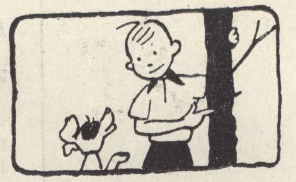

ЧАСЫ ДОСУГА

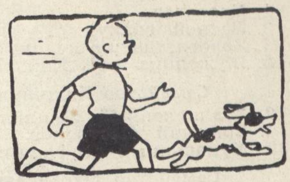
ВОВА-РЕКОРДСМЕН

1. Эх, хорошо быть чемпионом, Бобик! А что, если и нам с тобой заняться спортом?

2. Ну-ка, кто быстрей добежит вон до того дерева?

3. Неплохо для начала. Так не будем терять времени и отправимся прямо на стадион.

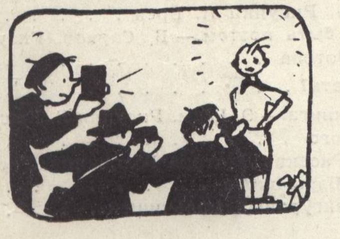
4. Ого, сколько тут собралось зрителей! И хоть бы один обратил на нас внимание!.. Ну, погодите же...

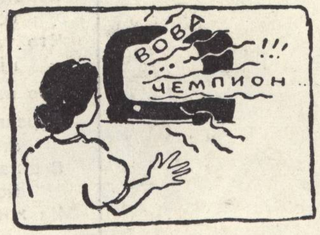
5. Вот она, беговая дорожка! Беру старт — и всех оставляю позади себя.

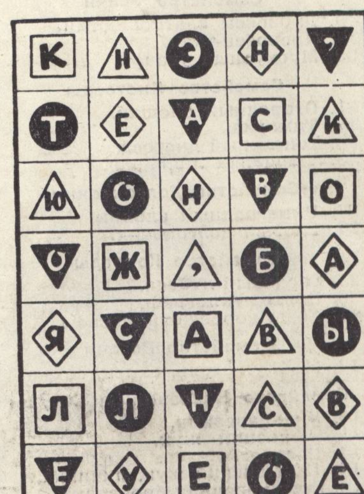
6. Судьи поражены, но... фиксируют мировой рекорд. Ой-ой-ой!.. Что делается на трибунах!..

7. Ура! Меня фотографируют десять фотокорреспондентов!

8. А мама не верит своим ушам, слушая репортаж обо всем этом по радио.

9. Вот, в сущности, и все. Некоторые подробности о моем рекорде вы найдете в этой вот головоломке. Решив ее, всякий согласится, что нет ничего невероятного в рассказанной здесь истории.

Со слов Вовы записал
Н. Васильев.

КАКИХ ЖУКОВ ТЫ СОБРАЛ?

В этом номере мы даем две таблицы. На третьей странице обложки нарисованы водяные жуки. На четвертой — сухопутные. И те и другие живут в средней полосе нашей страны.

Эти таблицы помогут вам определить тех жуков, которых вы соберете летом.

Арабские цифры слева обозначают номера жуков на таблицах.

ВОДЯНЫЕ ЖУКИ

Семейство Плавунцы

2. Водяник, самка.
4. Водяник, самец.
3. Окаймленный плавунец, самец.
8. Окаймленный плавунец, самка.
7. Плавунец широкий.
9. Прудовик.
10. Полоскун.
12. Пузанчик.

Семейство Вертячки

1. Вертячка обыкновенная.
5. Вертячка-пловец.

Семейство Водолюбы

6. Малый водолюб.
11. Водолюб большой.

СУХОПУТНЫЕ ЖУКИ

Семейство Жужелицы

1. Красотел.
3. Лесной скакун.
5. Золотистая жужелица.
8. Жужелица кожевенная.

Семейство Хищники

2. Великолепный хищник.
4. Вонючий быстроног.
33. Муравьиный стафилин.

Семейство Мертвоеды

7. Черный мертвоед.

Семейство Карапузики

32. Трупный карапузик.

Семейство Мягкотелки

17, 18. Большой светлячок, самец, самка.
22. Бородавчатый жук.

Семейство Пестряки

28. Муравьевидный клер.
24. Обыкновенный пчело-жук.

Семейство Щелкуны

23. Красный щелкун.

Семейство Кожееды

6. Ветчинный кожеед.

Семейство Нарывники

30. Обыкновенная майка.
36. Шпанская мушка.

Семейство Чернотелки

29. Мучной хрущак.

Семейство Усачи

9. Дровосек златковидный.
34. Дровосек-ткач.
39. Мускусный усач.

Семейство Листоеды

21. Огородный блошак.
31. Тимарха.
35. Тополевый листоед.
40. Трещалка лилейная.

Семейство Долгоносики

20. Виноградный слоник.
27. Еловый долгоносик.

Семейство Короеды

25. Сосновый лубоед.
38. Короед-типограф.
41. Ходы короеда-типографа.

Семейство Рогачи

13, 12. Жук-олень, самец, самка.

Семейство Навозники и Хрущи

10. Жук-навозник.
11. Июньский жук.
14. Носорог.
15, 19. Майский жук, личинка.
16. Обыкновенная бронзовка.
26. Копающий навозник.
37. Пестряк-отшельник.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко**

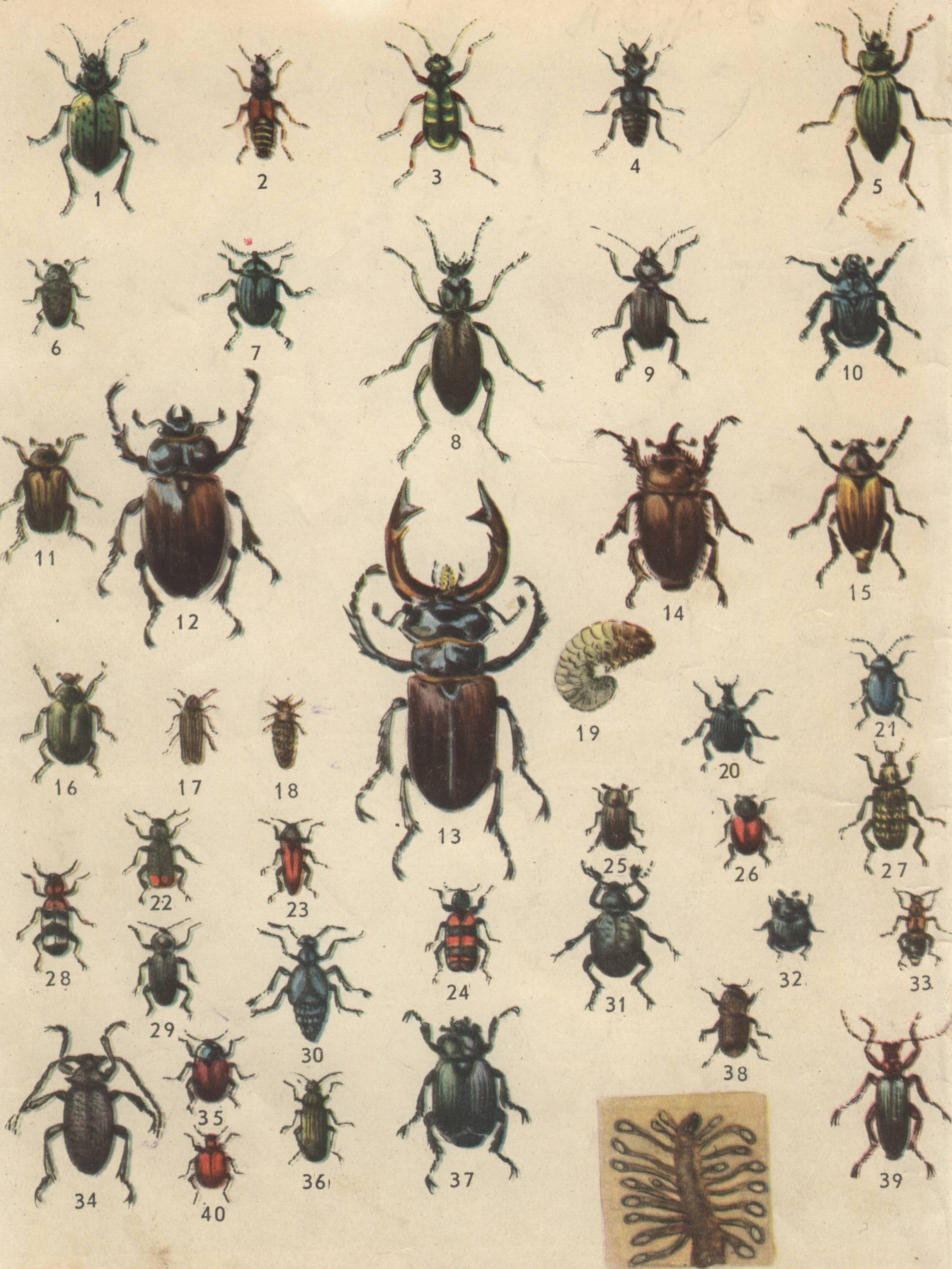
А 06302. Подписано к печати 26/V 1960 г. Тираж 570 000 экз. Изд. № 795. Заказ 1298.
Форм бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Многие из вас, ребята, собирают коллекцию жуков. Здесь вы видите водяных, а на следующей странице обложки — сухопутных жуков, которые водятся у нас в средней полосе. Художник В. Федотов нарисовал их для того, чтобы помочь вам определить собранных жуков. Загляните на 79—80-ю страницы журнала, там вы узнаете, как называются эти жуки.

Цена 2 р. 50 к.

Есть ли в твоей коллекции такие жуки? Их названия ты найдешь на 79—80-й страницах.